

8496 (2P-416.4)

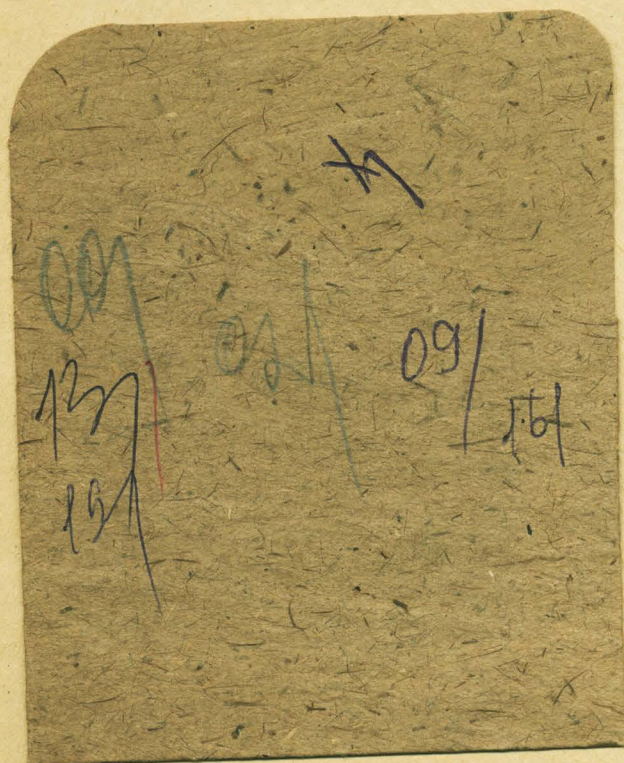
0-38

9 94683

№ 12
1959

Огни
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

Содержание

ПРИМЕР ВДОХНОВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ДЕЛУ КОММУНИЗМА. — Из речи товарища Н. С. ХРУЩЕВА на митинге в станице Вешенской 3

С. М. ПИЛИПЕЦ — Герои нашей эпохи живут среди нас 6

В. ШЕФНЕР — Счастья здесь хватит на всех, стихи 10

В. ИЗМАЙЛОВ — Поэзия цифр, стихи 11

Б. ТУЧИН — Утро родного края, Как это будет, Апельсины, стихи 12

В. ДАВИДЧЕНКОВ, В. КАЛАЧИНСКИЙ — Разведчики семилетки, очерк 13

В. МАХАЛОВ — Россия, Навстречу ветру, Пожар, стихи 30

А. ВОЛОШИН — Дороги зовут, повесть 31

К. ЛИСОВСКИЙ — Облик Сибири, стихи 43

И. СОКОЛ — Мой город, «Не сегодня только...», «Сквозь дымку белую тумана...», Раздумье, стихи 44

Поэты Томска: А. ГУСЕВ — Юному другу, В поле, Г. МУЛЛИН — У девочки красные бусы 45

В. КОГАН — Первый валок, Г. ОВЕЧКИН — Клен, М. ЩЕРБИНИН — В Крыму, Г. ЮРОВ — Над Кемеровом 46

Г. МОЛОСТНОВ — Сквозь мелочи жизни, рассказ 47

М. ПИЧУГИН — Мать, стихи 47

В. ГЛУЩЕНКО — Девочка, стихи 48

А. ШИШКИН — Старый шахтер, стихи 50

В. СЕРГЕЕВ — Прямой наводкой, Ю. РАЗУМОВСКИЙ — Твой свет, стихи 51

Е. БУРАВЛЕВ — Баллада о сапере, Бригадир Али Умарбек, Трудный пикет, стихи 52

В. ДУБСКИЙ — Макар Иванович, Жалоба, рассказы 54

М. НЕБОГАТОВ — Шахтерская душа, стихи 58

А. ГАЗУКИНА — Капитаны, рассказ 59

О. КОРОЛЬ — В пути. В. СОБОЛЕВ — Весна, стихи 59

Г. ГЕНКЕ — Море, шуми, золотое. Г. ХОЛОДЕНИН — Россыпь сказочных камней, стихи 60

В. ЧУГУНОВ — Светлана, Жажда, стихи. Г. УМНОВ. Новые документы о поэте-земляке 61

Б. ЯРИН — Мы пойдем по тропинкам, стихи 64

Литературно-художественный
и общественно-политический

АЛЬМАНАХ

Кемеровского областного
литературного объединения

374684

416062

Кемеровский
областной фонд
основной фонд

12

Ноябрь 1959 г.

Год издания 11-й

ОБЛАСТНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Кемерово

ДЕЛА И ЛЮДИ

Э. ИОДКОВСКИЙ — Ночь перед рекордом	65
Ю. ИЗЮМСКИЙ — Второе дыхание	67
Л. ФАДЕЕВА — Маленький художник, Яблоко, Дорога, стихи	70
В. ГАЛДАЕВ — Из записной книжки	71

СЕМИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

С. КУРЫШКИН — Сегодня — завтра Кузбасса угольного	73
В. БАННИКОВ — Хроника наших дней	73
Ю. САРТАКОВ — Чудак, стихи	84
И. ЗЫКОВ — Короткие рассказы о сибирской природе	85

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. БЛЮМЕНФЕЛЬД — Заметки о языке и стиле	91
Н. ЯКУШИН — Сибирский период в творчестве Ф. М. Достоевского	98
КОРОТКО О КНИГАХ — Юность комсомольская, Сказки и легенды Горной Шории, Изучающим родной край, Библиотека сибирского романа	104

ИЗ ПОЧТЫ АЛЬМАНАХА

П. БУРДОВИЦЫН — Демьян Бедный на площадке Кузнецкстроя	107
А. МАЗЮКОВ — Развитие книгоиздательского дела в Кузбассе	108

КОЛЮЧИЕ СТРОКИ

М. НЕБОГАТОВ — Птицелов, Примета, Любитель дискуссий, Гибкий человек, Эстрада — не преграда. В. МАТВЕЕВ — Породистый поэт, Слушая докладчика, Веская причина. И. ВОЛКОВ — Крот-изобретатель. И. ЧУЙКОВ — Убедил.	109
--	-----

СПОРТ

Н. НЕФЕДОВ — Шахматная жизнь Кузбасса	110
ПЕСНЯ: Горит звезда вечерняя. Слова М. НЕБОГАТОВА и В. КОНИНА, музыка Р. ЖЕЛЕХОВСКОГО	112

**ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР**

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ и рисунки в номере
Евг. Смирнова.

НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лауреат Ленинской премии, изобретатель скоростного проходческого комбайна Я. Я. Гуменник.

Фото В. Войтенко.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сцена из балета «Лебединое озеро» в постановке балетной студии клуба строителей г. Сталинска.

Фото В. Войтенко.

НА ТРЕТЬЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Горит звезда вечерняя.
Рис. Р. Желеховского.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Н. Волошин (редактор), П. И. Бекшанский (отв. секретарь), Е. С. Буравлев, А. И. Кыков, Г. М. Молостнов, В. Д. Соколов, Э. В. Суворова.

Адрес редакции: Кемерово, Трудовая, 64

ПРИМЕР

Вдохновенного служения делу коммунизма

Из речи товарища
Н. С. ХРУЩЕВА
на митинге в станице
Вешенской
30 августа 1959 г.

В общенародной борьбе за строительство коммунизма большую и важную роль играет советская народная интеллигенция и такой ее отряд, как советские писатели. Своими лучшими произведениями наши писатели способствуют укреплению единства народа, помогают воспитывать советских людей в духе коммунизма. Ярким примером этого служит творчество нашего великого советского писателя Михаила Александровича Шолохова.

Михаила Александровича широко знают как в нашей стране, так и за ее пределами. Его талантливые произведения обошли весь мир, издаются и читаются во всех концах земного шара. Книги Шолохова только в Советском Союзе изданы почти тридцатимиллионным тиражом на шестидесяти языках. У нас сейчас уже трудно найти такую семью, где не было бы произведений Шолохова, которые с любовью и волнением перечитываются, обсуждаются — доставляют людям радость.

На снимке: Н. С. Хрущев и М. А. Шолохов в станице
Вешенской
Фото В. Турбина (Фотохроника ТАСС).

Наша партия и весь советский народ высоко ценят Михаила Александровича Шолохова, как выдающегося художника слова, посвятившего свой могучий талант служению великому делу построения коммунизма.

В своих произведениях Михаил Александрович повествует о важнейших, решающих этапах истории советского общества. Он воспроизводит и эпоху гражданской войны, и революционный переворот в жизни деревни в годы коллективизации, и героические подвиги народа в Великой Отечественной войне. Произведения Шолохова помогают людям правильно понять историческое значение великих подвигов, совершенных нашим народом, под руководством своей родной Коммунистической партии.

Глубоко партийное и народное творчество Шолохова с неотразимой убедительностью показывает, что путь, пройденный нашей страной, был трудным, сложным, но единственно верным путем к счастливой жизни для всего народа.

По этому ленинскому пути вела и ведет наш народ Коммунистическая партия. И в произведениях Михаила Шолохова мы встречаем замечательных коммунистов — вожаков и организаторов, которые живут одной жизнью с народом. Шолохов, как никто другой, умеет показать роль Коммунистической партии, поднявшей народ на борьбу за построение новой жизни и воспитание нового человека. Он глубоко раскрывает процесс формирования, роста человека, преодолевающего собственные пережитки. Творчество Шолохова глубоко гуманно, проникнуто сердечной любовью к человеку-труженику. Это гуманизм революционный, социалистический, который исходит из того, что счастье народа завоевывается в борьбе с его врагами. Во время войны Шолохов написал рассказ «Наука ненависти», в котором очень ярко раскрыл эту идею социалистического гуманизма, показав, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души.

Все творчество Шолохова выражает интересы трудящихся, создающих материальные и духовные блага и ценности на земле. С огромным уважением и искренней любовью к человеку-труженику написаны его замечательные книги. Они направлены против тех, кто хочет помешать мирному созидательному труду и ввергнуть народы в пучину новых бедствий.

Вспомните рассказ «Судьба человека». Этот рассказ о судьбе Андрея Соколова является не только грозным обвинением тех, кто вызвал ужасы второй мировой войны, но и страстным протестом против тех, кто сегодня пытается развязать новую войну, которая угрожает народам еще большими ужасами и страданиями.

Великое значение творчества Шолохова в том, что он с большой силой, яркостью и душевной проникновенностью создал образы людей труда, показал сложный и богатый духовный мир простого человека.

Недавно на экране мы с вами могли видеть полюбившиеся нам образы героев «Тихого Дона» и превосходного рассказа «Судьба человека». Герои Шолохова встают перед нами как живые, близкие люди. Мы видим их, знаем их характеры и привычки, мы радуемся их успехам, огорчаемся, если они ошибаются. Писатель сумел глубоко и проникновенно запечатлеть духовные побуждения, передать внутренний мир своих героев.

Наша партия всегда уделяла и уделяет большое внимание развитию литературы и искусства, рассматривает писателей как своих активных и верных помощников в деле коммунистического воспитания трудящихся. Теперь, когда мы вступили в период развернутого строительства коммунизма, эта роль искусства особенно возрастает. Мы строим коммунизм во имя человека, во имя его счастья. В коммунизм люди должны прийти освободившимися от частнособственнических привычек, от эгоизма, своекорыстия — от всего того, что мешает людям жить по-коммунистически. Для советской литературы важно не только запечатлеть дела и подвиги людей, но и показать идейные истоки героизма, рождающегося в борьбе за победу коммунизма.

За последнее время в печати широко освещается патристический пример Валентины Гагановой, которая перешла в отстающую бригаду с тем, чтобы поднять ее до уровня передовой. Что руководило ею, какие были побудительные причины ее благородного поступка! С позиций старой собственнической психологии это понять невозможно: ведь молодая работница пошла на более трудный участок производства, сознавая, что она первое время будет получать более низкую оплату своего труда. Это — замечательный образец высокого сознания общественного долга. В таких благородных поступках наглядно и ярко выражается духовный облик советского человека. Наше искусство призвано глубоко и правдиво показывать рождение подвигов, раскрывать духовный мир нашего современника, его чувства, думы и стремления.

И в этом отношении творчество Михаила Шолохова является великолепным примером.

Михаил Александрович Шолохов говорил на втором съезде писателей о том, что партийность советского художника — это его глубокая убежденность в правоте нашего дела. «Каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим

«своим искусством». Именно эта органическая партийность творчества Шолохова и постоянная связь с жизнью своего народа определяют великую силу его произведений.

У писателя, который стоит на партийных позициях, партийность органически вытекает из его собственных убеждений и настроений. Интересы партии и думы такого писателя совпадают. Если писатель в своей работе, в своих мыслях руководствуется интересами народа, среди которого он живет, он будет правильно отражать жизнь общества.

Некоторые говорят, что если писать с партийных позиций, то это лишает писателя его индивидуальности, приводит к шаблону. Это действительно может произойти, если писатель будет исходить не из своего глубокого убеждения в необходимости правдиво изображать жизнь народа, а будет приспосабливаться. Если писатель живет с народом, отображает его жизнь, его борьбу под руководством Коммунистической партии, то партийность является сутью и смыслом жизни писателя, его творчества.

К чему призывает партия художников слова? Она призывает глубже, полнее, всестороннее изучать и освещать жизнь и борьбу советского народа, его титанический труд во имя построения коммунистического общества. Народ и партия в наших социалистических условиях — это единое, неразрывное целое.

Михаил Шолохов всем своим творчеством показывает пример большой требовательности к себе, высокой ответственности за свой труд. Он не терпит легковесной работы, поверхностного подхода к делу. Он верен в этом отношении замечательной традиции великих русских писателей прошлого.

Михаил Александрович находится сейчас в расцвете своего могучего дарования. Об этом можно судить по первой части его книги «Они сражались за Родину», по рассказу «Судьба человека», по новым главам из «Поднятой целины», которые недавно печатались в «Правде».

Прекрасные художественные произведения создал Шолохов. Он начал хорошо, продолжает хорошо, и мы уверены, что и дальше он порадует народ новыми замечательными произведениями. Как говорят — взялся за гуж, не говори, что не дюж. Спешить не нужно, но и затягивать не следует. Советские люди, у которых хороший аппетит на духовную пищу, ждут от Вас, дорогой Михаил Александрович, как и от всех писателей, новых, ярких, высокохудожественных произведений о нашей современности.

Как определить, много или мало написал литератор? Это определяется, конечно, не количеством страниц и книг, а тем, насколько глубоко и ярко отражается в произведениях писателя многогранная жизнь и дела народа, величие его борьбы за коммунизм.

Приятно жить и работать, товарищи, в нашу великую эпоху, когда совершаются такие грандиозные преобразования, когда на огромных просторах земного шара люди перестраивают свою жизнь на социалистических началах. Уже более трети человечества живет в мире, где нет эксплуатации человека человеком, где люди ликвидировали звериный закон капитализма «человек человеку — волк» и живут по принципу «человек человеку — друг и брат», где все подчинено тому, чтобы улучшить жизнь людей на земле. И в этих великих преобразованиях большая роль принадлежит художникам слова. Наш народ, наша партия высоко ценят, что в это замечательное время великих свершений Михаил Александрович Шолохов достойно представляет советскую литературу, достойно отражает подвиги советского народа, героизм и беззаветную преданность советских людей делу ленинской партии, которая перестраивает жизнь на основе бессмертного учения марксизма-ленинизма.

Шолохов — это выдающийся художник, талантливый и правдивый летописец нашей великой эпохи. Пожелаем ему новых больших творческих успехов!

Герои нашего времени живут среди нас

С. М. ПИЛИПЕЦ, первый секретарь Кемеровского обкома КПСС

Свято выполняя заветы великого Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза привела наш народ к полной и окончательной победе социализма. С высокой трибуны исторического XXI съезда партии на весь мир прозвучали слова о том, что Советский Союз вступил в новый период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества.

Советская литература всегда была, есть и будет верным помощником нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся. Партия заботливо и внимательно направляет развитие советской литературы, руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что литература и искусство являются составной частью общенародной борьбы за коммунизм.

Ярким проявлением заботы Коммунистической партии о повышении роли литературы и искусства в строительстве нового общества и о коммунистическом воспитании трудящихся является важнейший партийный документ — выступление Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Этим документом партия дала решительный отпор попыткам отдельных неустойчивых и политически незрелых людей противопоставить понятия **партийность** и **народность** литературы, увести нашу литературу и искусство в сторону от главной темы сегодняшнего дня — строительства коммунистического общества.

«А главная линия развития,—указывает Н. С. Хрущев,—состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие

моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма».

Огромное значение имеет указание Н. С. Хрущева о партийности и народности литературы и искусства: «Прежде всего нельзя противопоставлять понятия партийность и народность. Сила советского социалистического общества в единении Коммунистической партии и народа. Политика Коммунистической партии, выражающая коренные интересы народа, составляет жизненную основу советского общественного и государственного строя. Поэтому было бы большим заблуждением думать, что в наших советских условиях можно служить народу, не принимая активного участия в претворении в жизнь политики Коммунистической партии. Невозможно желать идти вместе с народом, не разделяя взглядов партии, ее политической линии. Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом».

Выступление Н. С. Хрущева нашло горячую поддержку всей советской творческой интеллигенции, вызвало к жизни новые яркие произведения литературы и искусства. Положительно сказались на развитии литературы и осуществленные Центральным Комитетом партии организационные меры, главные из которых — создание Союза писателей РСФСР, создание необходимых условий для постоянной творческой работы писателей в областях (повышение гонорара в местных издательствах, увеличение бумажных фондов на выпуск художественной литературы).

Литературная жизнь в нашей области, как и по всей стране, за последние полтора года проходила под знаком осуществления задач, поставленных в

партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». И надо отметить значительный рост активности творческих сил нашей области, оживление деятельности областного литературного объединения, литературных групп при редакциях газет.

Ярким показателем роста культуры Кузбасса является развитие издательского дела. Если в 1954 году общий объем выпущенных книг составлял 112 печатных листов тиражом 280 тысяч экземпляров, то в 1959 году выйдет 333 печатных листа тиражом миллион экземпляров. Авторы этих книг — передовые люди промышленности и сельского хозяйства, специалисты различных отраслей знаний, ученые, журналисты, писатели.

Растет выпуск художественной и детской литературы. Достаточно сказать, что в 1950 году была издана всего одна книга, в 1958 году — 11, а в 1959 году выйдет 13 книг.

У нас есть способные прозаики и поэты. Это члены Союза писателей Александр Волошин и Геннадий Молоствов, авторы сборников стихов Евгений Буравлев, Михаил Небогатов, Александр Пинаев, Владимир Измайлов. Вышла книжка о героях Брестской крепости, написанная Лушкиным и Юхимчуком.

Идет в литературу молодежь. В числе ее уже полюбоившиеся читателям помощник машиниста паровоза Виктор Баянов, молодой врач Борис Тучин, журналисты Валентин Махалов и Олег Король. За последнее время оживилась творческая деятельность шорских литераторов Софрона Тотыша, Степана Торбокова, Федора Чиспякова.

Замечательная особенность социалистического общества в том, что оно открывает неограниченные просторы и возможности для всесторонней духовной жизни народа. Приход в литературу новых людей, тяга к литературному творчеству молодежи убедительно свидетельствуют о культурном росте и духовном богатстве советского человека.

Пафосом коммунистического строительства охвачена наша страна. Вдохновляющие на подвиги задачи стоят в этой семилетке и перед тружениками Кузбасса.

Достаточно сказать, что в 1965 году объем валовой продукции промышленности Кузбасса возрастет в два раза; вдвое увеличится производство чугуна, стали, проката; добыча угля достигнет 100 миллионов тонн, а выпуск продукции химической промышленности по сравнению с 1958 годом увеличится в 5,5 раза.

В развитие народного хозяйства Кузбасса за семилетие будет вложена огромная сумма. В числе крупнейших новостроек семилетки такой гигант, как Западно-Сибирский металлургический комбинат,

крупнейшие тепловые электростанции Томусинская и Беловская, 28 крупных угольных шахт и разрезов.

Намечены высокие темпы роста сельскохозяйственной продукции, большой объем жилищного и культурно-бытового строительства.

Неизмеримо выше станет культура труда советского человека. Механизмы окончательно вытеснят тяжелый и непроизводительный труд, на заводы и в шахты придет автоматика.

Вопросы развития литературы нельзя рассматривать в отрыве от тех насущных задач, которые решают сегодня Коммунистическая партия и советский народ.

И вот если посмотреть на состояние литературной жизни в области с позиций этих задач, то мы, наряду с успехами, увидим и недостатки. Некоторые литераторы еще слабо связаны с жизнью, они подчас не замечают тех изменений, которые происходят в обществе, в их произведениях еще слабо отражается современность, наш сегодняшний день.

Уж где-где, а у нас в Кузбассе не занимать примеров, событий и фактов, способных вдохновлять поэта или прозаика на творческий труд. Все знают, в каких труднейших природных условиях прокладывалась дорога Сталинск—Абакан. Сколько было проявлено строителями подлинного героизма и мужества, какие сложные процессы становления характеров происходили здесь, какую изумительную трудовую закалку получали здесь тысячи людей! Десятки строителей могли бы служить собирательным образом подлинного героя нашего времени.

Но, к сожалению, у нас не нашлось писателя, который взял бы на себя задачу отобразить в художественном произведении героизм строителей. По крайней мере, ни заметных очерков, ни рассказов, ни стихов в печати не появлялось, если не считать очерк т. Аристархова в «Правде» — «Дорога мужества».

Однажды в областном литобъединении обсуждались произведения одного начинающего прозаика. Автора справедливо упрекали в плохом знании жизни, в нехудожественности. И тогда раздались голоса, что автор «засиделся» в Кузбассе, что ему надо дать творческую командировку...

А в это время шла стройка дороги мужества, в это время в Кузбассе, как и по всей стране, зрело и наливалось соками движение за коммунистический труд, в это время бригада наладчиков Бориса Шушпанникова делала разведку в завтрашний день шахтерской техники, а Яков Гуменник создавал свой сказочный подземный скоростной транспорт.

Достойные герои и большие темы рядом с вами, товарищи молодые литераторы! Их дают вам труд

и борьба советских людей, наших современников, творящих прекрасную жизнь. И дело, значит, не в месте прописки, а в таланте литератора. Ибо где бы ни жил талантливый человек — в Сталинске или в Прокопьевске, в Кемерове или в Томске — везде он может создавать книги, выражающие дух нашего времени, книги, наполненные дыханием современности, раскрывающие черты труженика — героя сегодняшнего дня, книги о беспредельных духовных силах и красоте нашего советского человека, о его мыслях и чувствах.

Чтобы создавать такие книги, нужно жить интересами народа, быть с ним в одном трудовом строю.

Вот почему, на наш взгляд, неправильно делают те товарищи, которые рано становятся на путь профессионализации. Достаточно напечатать несколько стихотворений или рассказов, как человек уже мнит себя законченным писателем, бросает свою коренную работу и пытается литературный гонорар сделать основным источником существования. Где уж тут совершенствоваться! Начинается погоня за заработком.

На последних писательских съездах и особенно во весь рост, во весь голос в партийных документах поставлен вопрос о мастерстве. Это не случайно. Порой некоторые консультанты дают обнадеживающие рецензии, вроде таких: «Уважаемый Иван Михайлович! С огромным удовольствием прочли вашу рукопись. Ваши стихи эмоциональны, они написаны с душой» и т. д. и т. п. А после дифирамбов — приписка: «Советуем обратиться в местное издательство».

И вот обнаруживается, что при большой эмоциональности нет художественности, нет живых, впечатляющих образов и всего того, что составляет подлинную поэзию.

Не всякому дано быть прозаиком или поэтом. Для этого надо иметь особое призвание, способности, талант. Но и это еще не все. Талант и способности надо развивать, совершенствовать. Писатель — это человек большой культуры, больших идей и чувств. Он должен разбираться в музыке, живописи, знать историю, законы общественного развития. И уж, конечно, не может быть писателя, не владеющего одним из главнейших инструментов своего творчества — языком, словом. Язык, — говорил Горький, — первоэлемент литературы. А как относятся к слову некоторые начинающие товарищи? Они считают так: идея в романе есть? — Есть. О рабочем классе говорится? — Говорится. О соревновании упомянуто? — Упомянуто. Ну, а остальное сделает редактор. А это «остальное» ни больше, ни меньше, как заново создать художественное произведение.

Некоторые товарищи полагают, что достаточно изложить свои впечатления, а все остальное «дотянут» в издательстве. И вот как выглядят подчас такие впечатления: «Ее седые кудряшки черных волос молодцевато ершились по левому пробору головы». Или так: «Жучка повседневно находилась с хозяйкой, и характер клочка шерсти, оставленного на сучке пня, не случайно, а с применением какой-то посторонней силы».

Да, об авторе этих строк не скажешь: «Ему не чуждо прекрасное». Увы, чуждо и, к сожалению, — труднодостижаемо.

Бывает, что в произведениях начинающих авторов от плохого знания жизни наша действительность, наши люди выглядят уродливо, искаженно. Так, например, в одной рукописи пьесы о металлургах главный стержень, главная идея — разоблачение старого рабочего-пенсионера, ударившегося в спекуляцию дефицитными товарами. Возможно, что и есть где-то такой пенсионер. Но разве он определяет лицо кадрового рабочего-металлурга? Пьеса явно искажает правду жизни, антихудожественна. Вот как в пьесе молодой слесарь говорит о любви:

— Как известно, проблема женитьбы включает в себя непереносимое согласие представителей обоих полов.

А вот портрет девушки, дочери сталевара, в которую юноша влюблен:

— Мамка, дай-ка чего-нибудь пожрать. А это что — водка? Точно, водка. Плескани мне малость.

Буржуазные идеологи всех мастей, возводящие клевету на нашу страну, на нашу культуру, всячески пытаются представить духовный мир советских людей обедненным, лишенным всей гаммы чувств и красок, таким, в котором нашим писателям якобы нечего раскрывать, нечего показывать. Клевета эта опровергается всем строем нашей жизни, всеми достижениями нашей науки и культуры. Только люди большого духовного подъема, большого творческого взлета, щедрой и многогранной души могли создать спутники и новую планету.

Лучшие произведения нашей литературы ярко показывают сложный, богатый внутренний мир советского человека, человека-творца и созидателя. Вы знаете эти книги. Они правдиво освещают жизнь нашего общества, народа, показывают как положительные, светлые, яркие стороны социалистической действительности, составляющие ее основу, так и недостатки, вскрывают и осуждают отрицательные явления, мешающие нашему неуклонному поступательному движению вперед.

«В жизни, в действительности, — говорит товарищ Хрущев — наряду с положительным всегда су-

ществует и отрицательное, порою рядом с цветами растет бурьян. В отображении действительности все зависит от автора. Если он стоит на партийных позициях, служит народу и искренне хочет помочь народу строить новое общество, расчищать путь в борьбе за построение коммунизма, такой писатель, художник, скульптор, композитор найдет достаточно хороших примеров в жизни рабочих, колхозников, интеллигенции, в жизни отдельных людей, коллективов предприятий, колхозов, совхозов и сумеет противопоставить отрицательному, поддержать положительное, правдиво показать его в ярких красках. Если же автора не радуют успехи своего народа, он будет выискивать только плохое, отрицательное, ковыряться в мусорных ямах и выдавать это за характерное в жизни».

У нас, в Кузбассе, и для начинающего и для опытного литератора найдется немало примеров, немало материала для хороших, значительных произведений, нужных народу, помогающих ему идти вперед.

И все бы мы хотели, чтобы наши литераторы работали без скидки на место прописки, чтобы их произведения оценивались тоже без скидки на периферию, а с точки зрения высокой идейности, высокой партийности и настоящего художественного мастерства.

Как астроном, мечтающий открыть новую звезду, так и каждый писатель мечтает создать образ героя нашего времени. Этого героя дает сама жизнь. Посмотрите — какое могучее море человеческих судеб бушует и плещется вокруг нас. Но только зорким глазом истинного художника можно рассмотреть судьбу человека. Жизнь дает нам материал и для романов, и для очерков, и для поэм.

Возникновение бригад коммунистического труда — одно из замечательных явлений нашего времени. Мы хотим, чтобы то новое, что привносит коммунистическое соревнование в труд людей, в их быт, в их психологию, нашло свое яркое и правдивое отражение в стихах, рассказах, очерках. Необязательно сразу писать об этом объемистый роман. Начинающим авторам, которых у нас подавляющее большинство, полезно напоминать совет Алексея Максимовича Горького. На первых порах лучше писать рассказы, очерки. На небольшом произведении скорее можно проверить себя, как будущего художника. Очерком или рассказом можно быстрее откликнуться на запросы современности.

Но и маленький рассказ и небольшой очерк должны быть насыщены большими идеями и активно выполнять задачу коммунистического воспитания народа. У нас, однако, есть факты поверхностного, упрощенного, а подчас надуманного и примитивного показа коммунистических бригад и тружени-

ков этих бригад.

Центром притяжения литературных сил должен стать наш альманах. Но кемеровский альманах ни своей периодичностью, ни постановкой дела не отвечает насущным задачам сегодняшнего дня. Никто по-настоящему не занимается его выпуском. Есть материал в издательстве — альманах выходит. Нет материала — ни у кого душа не болит за него. С начала этого года не подготовлено к выпуску ни одного номера. Попытки оживить альманах «Огни Кузбасса» были. Последний номер получил положительную оценку в Москве. Однако это дела не меняет.

Учитывая настоятельную необходимость изменить существующее положение, обком партии наметил ряд конкретных мер по альманаху. Решено альманах сделать органом областного литературного объединения.

Надеемся, что эти меры сыграют свою положительную роль.

Каждая страница альманаха должна быть насыщена животрепещущими темами сегодняшнего дня. К нему надо широко привлечь способную молодежь; следует установить крепкие творческие связи с нашими соседями — томичами, новосибирцами, барнаульцами и красноярцами, организовать обмен произведениями, совместные выпуски номеров, посвященных делам тружеников семилетки.

У нас есть еще один важный участок идеологической работы — это литература для детей и юношества. Ведь не секрет, что в нашем издательстве, как и во многих других, для детей издается в основном литература одного плана. Это, главным образом, описание приключений домашних и диких животных или описание мира кукол и других игрушек. Споры нет, нужны и такие книжки, если они воспитывают у детей положительные качества. Но не только они определяют идейное направление литературы для детей. Мы ждем от детских писателей ярких содержательных книг о труде, о Родине, о чувстве долга.

Несколько слов о литературных группах. Они объединяют десятки людей, любящих литературу. Нужно взять на учет всех действительно способных товарищей, помогать им развивать свой талант. У нас есть члены Союза писателей, есть поэты, имеющие несколько сборников. Вот им-то и следовало бы взять литературное шефство над отдельными группами, над наиболее способными начинающими писателями, любовно следить за их творческим ростом, помогать этому росту.

Деятельность литературных групп и областного литературного объединения не должна быть замкнута узким кругом чисто «творческих» вопросов. Мы хотели бы видеть в них активных и страстных

пропагандистов книги в своем городе, в своем районе. Надо чаще обсуждать различные произведения, устраивать книжные базары, вечера книги на шахтах, предприятиях, в колхозах. Такое общение с народом полезно и для начинающих и будет практической помощью партийным организациям в коммунистическом воспитании трудящихся. Члены литературных групп должны развивать свои способности и талант на жизненном материале — писать зарисовки, очерки в районные и городские газеты о передовиках семилетки на производстве и в сельском хозяйстве. Такая работа обогатит молодых литера-

торов ценными впечатлениями о труде, о жизни вообще.

Областной комитет партии всегда проявлял внимание и заботу о росте литературного движения в Кузбассе. Не раз мы собирали семинары, совещания писателей и поэтов. И с каждым разом мы видим все больший приток новых молодых творческих сил. Это, несомненно, положительное, радующее всех нас явление. Упорно трудиться, совершенствовать свои способности, стремиться занять достойное место во всенародной борьбе за коммунизм — вот основная задача.

В. Шефнер

Счастья здесь хватит на всех

Страна ожидает подмоги,
Зовет в абаканскую ширь.
На стройку железной дороги
Пришли комсомолцы в Сибирь.

Трудясь на строительстве
трассы,
В поселках кладя кирпичи,
В работе сдружились хакасы,
Владимирцы и москвичи.

Еще далеко им до цели
Идти среди лесной целины,
Еще не пробиты тоннели,
Мосты не наведены.

Но в братском труде
вырастая, —
Где плавной дугой,
где стрелой, —

Брезается насыпь крутая
В таежный покой нежилый.

На месте чащобы вчерашней
Пейзаж возникает другой,
И водонапорные башни
Встают над косматой тайгой,

Поселки, и ясли, и школы
Шагают за трассой вослед, —
Так входят в тайгу новоселы —
Вершители трудных побед.

Шагай сюда, молодость,
смело,
Преград не боясь и помех, —
Найдется здесь каждому дело
И счастья здесь хватит
на всех!

В. Измайлов

ПОЭЗИЯ ЦИФР

Цифры...

Они для поэта — не тема,
Но я читаю, взволнован и тих.
И вижу:

здесь каждый тезис — поэма,
И чувствую:
каждая строчка — стих.

И разве скучное дело цифры?
Нет!

Врезаны в краткую строгость строк,
Служат они гениальным шифром
Счастья, что будет построено в срок.

Даже стихами раскроешь разве их,
Цифры,

зовущие ввысь и вперед!
Каждая —
взлет безудержной фантазии,
Каждая —
трезвых расчетов плод.

...С Лениным вместе учиться мечтали,
С Лениным вместе
учились мечтать,
С Партией звонкие цифры считали,
С Партией будем их в жизнь воплощать.

Чтобы мечта наша явью стала,
Цифры сухие

в дела претворим —
Мы облечем их плотью металла.
Кровью нефти их жилы взбугрим,

Мы их посеем золотом хлеба.
Мы их взлелеем тучностью стад,
Сможем об'ять необ'ятность неба,
Сможем прорвать неприступность преград.

Многие из упомянутых в плане,
Цифры,
грядущего счастья залог,
Ныне звучат исполненьем желаний —
Первых свершений первый итог.

Чудо-планетой, запущенной метко,
Лай озлобленных врагов заглушив,
Начали мы свой поход в семилетку!
Чудом каким же ее завершим!

Цифры...

А в них — клокотание жизни,
В цифрах —

поручка того, что войдем
С Партией нашей в мир коммунизма,
Как входит хозяин

в построенный дом.

Вон она, дивной поэзии тема:
Читаю,

сосредоточен и тих:
Здесь каждая строчка —
чудо-поэма,

Здесь каждая цифра —
волнующий стих!

УТРО РОДНОГО КРАЯ

Борис ТУЧИН родился в 1934 г. Окончил Томский медицинский институт. Работает в Кемерове. Стихи Б. Тучина печатаются с 1952 года в сибирских газетах и альманахах. В Кемеровском издательстве готовится сборник его стихов «Объяснение в любви».

Я видел в местах медвежьих,
В чащобах за томской стрежью
Сосну в полтора обхвата.
Там топь и камень —
Предгорья!
Однажды, с ветрами споря,
Сюда и пришли ребята.
Задорные, молодые,
Как все в молодом Кузбассе,
Где даже деды седые
Полны молодого счастья.
(Ведь химикам и шахтерам,
Бетонщикам и шоферам
Так дорого их призванье,
Рожденное в светлой рани,
Великое, как полет, —
Заснеженными отрогами,
Нехоженными дорогами
Идти и идти вперед)...
...Да, прямо сюда, где тропы
Пришлось пролагать в снегу,
По грудь утопая в сугробах, —
Ребята пришли в тайгу.
В тяжелых свинцовых тучах

Солнце играло в прятки;
Бураны рвались на кручи,
Срывая ночами палатки.
И хлопцев было немного,
И было им тяжело.
Но знали: нужна дорога!
И мужество их вело.
В раздумьях о наших планах,
Величественных,
Крылатых,
Я вспомнил, как сквозь бураны
Дорогу вели ребята...
...Мой край шахтерский —
На стройке,
В труде, в порыве, в разведке.
Овеян гордым, высоким
Знаменем семилетки.
На шахтах и стройплощадках,
В цехах и в зеленых палатках,
Чтоб стал ты светлей и краше
В завидной своей судьбе —
Мы труд и упорство наше,
Кузбасс, отдадим тебе!

КАК ЭТО БУДЕТ

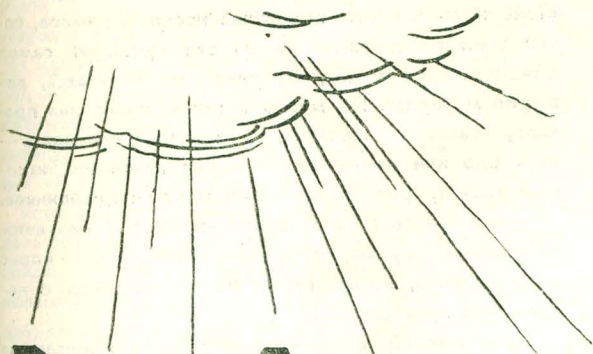
Будет город гранитных
ниспадающих лестниц
на рассвете разбужен
горна радостной песней.
Собираясь на праздник,
встанут люди напротив
входа в первую Школу
Межпланетных Полетов.
Улыбнутся подругам
этой Школы питомцы,
уходя на разведку
по окрестностям Солнца.
И, с отчаянным гамом
разметавши пикеты,
вдруг прорвутся мальчишки —
постоять у ракеты.

Сам водитель, пожалуй,
будет чуть неприветлив,
надевая перчатки,
направляясь к ракете.
Видно, все же не просто
хлопнуть маленькой дверцей,
только облик планеты
унося в своем сердце.
Будет время недвижимым,
и простыми — поступки,
и космическим — холод
за стенами скорлупки.
Победят астронавты,
чтобы, Родине внемя,
пережить это счастье —
возвращенье на Землю.

АПЕЛЬСИНЫ

На улицах расставлены корзины —
К Томи пришли далекие сады,
Повсюду продаются апельсины —
Душистые и яркие плоды.

Они и в январе не замерзают;
Весь город апельсинами пропах.
Само тепло великого Китая
Горит сейчас на солнечных плодах.

В Давыденков
В Жалачинский

РАЗВЕДЧИКИ

Семилетки

Мы придем к победе
коммунистического труда

В. И. Ленин

— Внимание! Говорит дежурный центрального пульта управления. Прошу доложить обстановку.

— Наладка угольных агрегатов закончена. На главном конвейере заменен электромагнитный пускатель. Программа задана. Лавы к работе готовы. Инженер подземного участка Багров.

— Погрузочный комплекс!.. Как у вас?

— Порядок!

— Всем подняться на поверхность. Через десять минут пускаю шахту.

...Дежурный нажал кнопку, и на панелях засветились красные, зеленые, желтые огоньки. На экране телевизора он увидел, как пришли в движение мощные механизмы, транспортерные ленты, затем появились очертания подземных установок, электропоездов. Поток топлива нарастал с каждой минутой, хотя к уголю не прикасалась человеческая рука.

Наступила тишина.

— Здорово! — непроизвольно вырвалось у Николая Пьянова. Все было так просто, близко, увлекательно, будто он сам побывал в такой шахте. Прошло несколько минут, прежде чем рассеялось очарование полетом в фантастическое завтра. И как

жаль было возвращаться к сознанию, что все это — пока далекая мечта.

— Эх!.. Когда же это будет? — с сожалением вздохнул кто-то.

Рассказчик, молодой инженер, машинально пригладил волосы, окинул задумчивым взглядом притихших ребят. Он и сам еще жил образом шахты, где властвовала кибернетика.

— Вы говорите, когда?.. Пожалуй, никто не даст точного ответа. Но дороги прокладываются, идут усиленные поиски, и мы с вами можем помочь разведчикам будущего.

ОТСТУПИТЬ! НЕТ, ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

ОКУТАННЫЕ мраком забой. Настороженная тишина нарушается урчанием невидимого потока. Потрескивают стойки, послышался шорох — где-то скатился кусок породы. Чуткое ухо уловило легкое жужжание — это в соседнем забое бурят шпур. Вздрыгнула земля, и взрывная волна откуда-то принесла глухие раскаты. Не успели они смолкнуть, как послышался нарастающий гул, и вскоре электровоз, постукивая на стыках, пронесся к дальнему штреку.

И вдруг случилось непонятное: привычный трудовой ритм нарушился, беспокойными светлячками замелькали огни шахтерских ламп, на полпути оборвали свой бег вагонетки с углем. В кабинетах дежурного, начальника шахты, главного инженера зазвенели телефоны. Тревожные голоса сообщали:

— В шахте газ!

Эта краткая фраза заставила вздрогнуть сердца бывалых горняков. Пожар? Что с людьми? Лихорадочно проносятся мысли, сменяя одна другую, и тут же по проводам отдаются распоряжения:

— Товарищи, без паники! Выводите всех на поверхность!

А вскоре в шахту спустились бойцы горноспасательного отряда. Соблюдая меры предосторожности, они начали искать очаг подземного пожара. На ближних участках его не было. Пошли на дальние. Чтобы поскорее обнаружить пожар, разделились на несколько групп, стали проверять заброшенные выработки, но и там все было в порядке. Некоторые забои обшаривали по третьему разу, горноспасатели буквально сбились с ног.

— А еще говорят — нет дыма без огня, — бросил кто-то из бойцов, и, несмотря на напряженную обстановку, все заулыбались.

— Шуточки! — строго оборвал командир отряда. — Все забои проверить снова!

— А может, вентилятор с поверхности затягивает дым? — сказал кто-то.

Отдается распоряжение выяснить обстановку у шурфов главного вентилятора. Но отовсюду докладывают:

— Нет, нигде не горит.

А дым, непонятно откуда, продолжал наполнять шахту. И эта невидимая опасность угнетающе действовала на горняков. Давно прервался поток угля. Прошел час, другой, а выяснить причину пожара не удастся. Начальник шахты посылает наиболее опытных работников участка вентиляции. Смелчаки, захватив с собой кислородные приборы, отправились навстречу воздушной струе. Через некоторое время им удалось установить, что никакого пожара в шахте нет — перемешанный с гарью и дымом воздух нагнетает мощный вентилятор. Значит, надо искать очаг на поверхности. Однако там действительно ничего не горело. Тогда пошли на последнюю меру — остановили вентилятор.

Смогло его размеренное гудение, безжизненно застыли стальные лопасти. Главный вентилятор, питающий воздухом шахту, останавливается только в исключительных случаях. Когда сняли кожух, открыли подшипники, оказалось: в них забыли залить масло. От трения подшипники накалились, загорелся солидол, и вентилятор погнал в забои удушливый газ.

Дорого обошлась такая оплошность горнякам «Тайбинской». Шахта простояла несколько часов, сотен тонн не досчитались за эти сутки. И самое обидное было в том, что здесь, не отлучаясь, дежурил моторист. Но масло в подшипники, как правило, заливает механик, а проконтролировать — есть оно или нет — нельзя, и нет приборов, которые регистрировали бы температуру подшипников.

— Как же так? Сложнейший агрегат и без автоматических приборов? — спрашивал себя Борис Шушпанников, когда, придя на шахту, узнал о неприятном происшествии.

Через некоторое время Борис снова приехал на «Тайбинскую» и привез с собой измерительный прибор, который точно показывал температуру подшипников главного вентилятора. Сделать такое приспособление ему помогли знания, полученные в Томском политехническом институте. Еще будучи студентом, Борис Шушпанников много времени уделял электронике. Он любил разбирать сложные схемы, конструировать новые приборы и получил почетную грамоту ЦК ВЛКСМ за удачно найденное решение синхронного переключателя для электростанций.

Случай с мнимым пожаром заставил молодого инженера серьезно задуматься над многими проблемами, которые вставали перед шахтерами Киселевска.

По дороге домой он перебирал в памяти впечатления последних дней... Вот машинист под'ема. Он всю смену выполняет однообразные несложные операции. Нельзя ли их переложить на электронные механизмы?

У калориферов, водоотливов, вентиляторов смена за сменой несут вахту мотористы, слесари. Что они делают? Наблюдают за одним-двумя приборами. Их обязанности с успехом может совместить диспетчер. Но к его пульта надо подвести контролирующие приборы.

Автоматика позволит высвободить сотни рабочих рук для более нужных и важных дел.

Хватит ли только сил?.. У отца вот хватило.

Борис замедлил шаги, остановился, оперся на трость и задумчивым взглядом окинул город. С высокого кособора открылась широкая панорама Киселевска, залитого мягким вечерним светом.

Вот он, нескладный, город с путаным лабиринтом улиц и переулков, глубокими провалами, подступающими к самому центру, с темными сопками терриконов. Внешне непривлекательный, но до мелочей знакомый и близкий. Все радости и печали Бориса были связаны с ним с самого детства. Пять лет он не был здесь. И сейчас пристально всматривался в пейзаж родного города, находя в нем все новые черты. Неподалеку от автомагистрали, по ко-

торой беспрерывно проносились машины, выросла «Тайбинка». И теперь трудно определить границу, где кончается Киселевск и начинается соседний город — Прокопьевск. В другой стороне широко размахнулись кварталы новых домов, а где-то за ними вытянулись трубы необычной шахты — опытной станции «Подземгаз».

Усталое солнце мягко опустилось за вершину дальней горы. С ближнего террикона пахло горьковатым дымком тлеющей земли. Легкий ветерок колыхнул над головой листья молодого тополя и, потревоженные, они зашептались, зашелестели.

Борис приподнялся, сорвал нижнюю веточку, поднес ее к лицу и долго вдыхал едва уловимый, терпкий аромат жестковатых листьев. А тополь продолжал что-то тихо рассказывать... И под шелест листьев вдруг нахлынули думы, стал плавно разматываться клубок воспоминаний.

...В полуоткрытую дверь видно, как в зале, словно мотыльки, в стремительном вальсе весело и беззаботно кружатся вчерашние одноклассники. В белых платьях вместо привычной формы они выглядят сегодня особенно нарядными. В сиянии глаз, разряженных лиц ребят и девочек было столько задора и юного порыва! Они стояли на пороге большой жизни, где ждали их неизведанные, трудные дороги, испытание зрелости, воли, упорства.

Не закончив вальса, из зала выбежали в коридор, держась за руки, две подружки — высокая, черноглазая, всегда серьезная Нина и курносая хохотушка Люба. Много лет сидели они за одной парты, много лет делились девичьими тайнами и не раз, может быть, клялись никогда не разлучаться. А вот теперь их пути расходятся. Борис знал, что одна из них решила стать геологом, а другая — математиком.

Он смотрел на них и по-хорошему завидовал — им все ясно, они уже сделали выбор. А он?.. Как путник, в нерешительности остановившийся на развилке дорог, колеблется, не зная, куда свернуть, так Борис мучительно думал, чему отдать предпочтение. Его влекли два пути.

...Далекое детство... За распахнутым окном белокрылые голуби купаются в глубокой синеве, в комнату врывается дурманящий запах буйно цветущих тополей и доносятся призывные мальчишеские голоса. Как он стремился быть с ними... Как хотел в шумной ватаге своих сверстников взобраться на террикон, который представлялся грозным дремлющим вулканом, заглянуть в пугающую темноту провала или с лихим босоногим «эскадроном» пронестись по улице так, чтобы пыль поднялась облаком... Но желания были неосуществимыми — тяжкий недуг на годы приковал его к постели.

И, лежа в кровати, он подолгу мечтал. Богатая

фантазия уносила его в дикие джунгли и на Северный полюс. То совершал он на воздушном корабле необычный полет вокруг земного шара или взбирался с верными друзьями на высочайшую вершину — «Крышу мира». Но чаще всего в его воображении возникал образ чудесного исцелителя. Вот он, в белом халате, с волшебными инструментами, ласковый и добрый. Одно прикосновение — и человек становится на ноги. Этот всемогущий доктор так часто занимал его мысли, так много он приносил добра людям, что Борис верил: придет он и к нему. Когда миновала болезнь и остались позади трудные дни, Борис продолжал с благодарностью и восхищением думать о благородной профессии врача. И еще в школе он стал мечтать о медицинском институте.

И он поступил бы в этот институт. Но... Ох, если бы не это «но»!

Ежедневно с работы приходил отец. Усталый, но всегда веселый и жизнерадостный, он с ходу выкладывал кучу новостей. О новом угольном комбайне, необычном щите, удачной конструкции породопогрузочной машины Владимир Андреевич так увлекательно рассказывал, что невольно пробуждал у сына интерес к технике. Вместе они разбирали электрические схемы, что помогало Борису лучше усвоить законы физики, исправляли радиоприемники, бывали на шахтах. И там Борис видел, как умные машины помогают людям, облегчают их тяжелый труд. Забыв обо всем на свете, он часами наблюдал за работой сложных механизмов. И ему представлялось, как он, знаменитый инженер, сделает такую машину, какой еще нет на свете. И тогда отец, сам старый механик, удивленно вскинет густые брови и скажет: «Молодец, сынок!».

Резкий гудок паровоза вывел Бориса из задумчивости. Он поежился от вечерней прохлады, посмотрел на притихший тополь, подмигнул ему, будто старому другу:

— Повоюем, не правда ли? — и зашагал по дороге.

ФОКУСЫ

НАЛАДКА главного водоотлива была закончена. Но надо было проверить его в действии, и Петр Зубарев включил мотор. В трубе забурлило, и через мгновение сверху, из темноты, брызнула струйка воды. Насос работал исправно. Петр уже собрался уходить, но струйка внезапно превратилась в тонкую прозрачную нитку, а потом и совсем растаяла.

«Что-то попало в отверстие», — мелькнуло в голове. Электрослесарь стал медленно взбираться по тесному ходу. Через несколько минут луч лампы скользнул по темному круглому пятну. Вот оно.

Петр подтянулся ближе, заглянул в отверстие. Ничего в нем не было. Только внутри трубы стремительно пронесившийся вверх столб воды переливался и сверкал разноцветными огоньками. Не поверив своим глазам, Зубарев прощупал рукой отверстие и почувствовал, что в него с силой втягивает воздух.

Неужели на поверхности установлен дополнительный двигатель?

Поднявшись из шахты, он разыскал трубопровод, но, к своему удивлению, не обнаружил никакого мотора.

Зубарев хорошо знал шахтные установки, мог быстро и безошибочно определить причину аварии, ликвидировать неисправность. Казалось, для него нет больше «секретов». Он знал, что двигатель водоотлива не настолько мощный, чтоб выталкивать воду с глубины в десятки метров с такой скоростью. Что за фокусы?

Вечером в наладочном цехе он рассказал инженеру Шушпанникову о непонятной загадке.

— А ты заметил, куда сбрасывается вода?

— В глубокую выемку, за шахтой.

— И труба туда проложена?

Зубарев утвердительно кивнул, не понимая, к чему такие подробности. Вокруг него и молодого инженера собралась вся бригада наладчиков.

— Кто объяснит, в чем тут дело? — обратился Борис к молодым рабочим.

Все молчали, выжидающе поглядывая на него. Тогда он взял своими тонкими длинными пальцами крохотный мелок, подошел к доске, на которой обычно рисовал чертежи узлов и деталей, давая задания, и быстрыми резкими движениями набросал схему шахтного водоотлива.

— Елки-палки, да это ж так просто! — воскликнул Шушпанников и улыбнулся добродушно и мягко, как мог улыбаться только он. — Явление основано на законах физики. Каждому из вас приходилось, конечно, наблюдать, как шофер с помощью резиновой трубки переливает бензин из бака в канистру. Примерно то же самое происходит и здесь. Что делает шофер? Он втягивает в себя воздух из трубки, создавая разреженное пространство, и опускает ее в канистру. Бензин начинает течь под влиянием атмосферного давления и силы сцепления частиц жидкости. В водоотливе же давление создает двигатель. Вот и все. А отверстие служит для контроля. Если вода поднялась до него, значит, насос исправен...

Беседа затянулась. Ребята задавали все новые и новые вопросы. Не заметили, как засиделись до поздней.

Такие беседы возникали все чаще и чаще. Начались они, как всегда, с вопросов. А их станови-

лось все больше и больше, особенно с тех пор, как взялись за автоматику. Любознательность возбуждали и неизвестные приборы и новые схемы. Члены бригады стремились узнать не только то, что делают, но почему делают именно так, а не иначе.

Как-то само собой получилось, что потребность вот так собираться, мечтать, спорить, слушать объяснения Бориса вошла в привычку. Кроме основ электротехники, Борис Шушпанников объяснял устройство подъемных установок, вентиляторов, компрессоров. Он охотно делился с товарищами своими знаниями, приобретенными в институте, из книг. Позднее, когда в бригаде появился второй молодой инженер — Михаил Тырышкин, занятия стали более регулярными. Но и они не могли уже удовлетворить требовательно растущей жажды знаний.

Однажды Петр Зубарев пришел в цех со свертком.

— Книжки?

— Новенькое что-нибудь?

— Учебники, — смущенно ответил Зубарев.

— Для потомства?

— Какой там... Сам вот учиться надумал. — И вытащил из нагрудного кармана аккуратно сложенную вдвое бумажку. Бережно развернул ее и показал Шушпанникову. На тетрадном листке очень старательно было выведено: «Директору вечернего отделения Киселевского горного техникума...»

— Что ж, поздравляю... Правильно делаешь. Если что... не стесняйся — всегда помогу.

Решение Петра пойти в техникум заставило и его товарищей серьезно задуматься. Поступи так Николай Малыхин или Николай Муравский, это не произвело бы большого впечатления и прошло бы, пожалуй, бесследно. А Зубареву как-никак уже четвертый десяток... Семейный... И со школой расстался лет пятнадцать назад.

Неспокойно стало на душе у многих ребят. Также, как и Зубарев, они все сильнее увлекались автоматикой и с каждым днем острее ощущали недостаток знаний. Что ни схема, то новые загадки. Иногда мелочь какая-нибудь, а в тупик ставит. Или как, скажем, рассчитать сопротивление цепи? Опять без физики не обойтись. А сила тока? Напряжение? Мощность двигателей? Тоже нужно учитывать. Не понял при объяснении — заминка, задержка. Ошибку допустил — значит, переделка. И винить некого, если сам неуч. Нет, трижды прав Петр — иначе сейчас нельзя.

Не сразу и не все, конечно, пришли к этому выводу. Но время оказалось верным союзником!..

Вместе с Зубаревым стали учиться в техникуме три Николая — Малыхин, Пьянов и Муравский. Позднее к ним присоединилась и Галина Нехаева, единственная в этом коллективе девушка, посту-

пившая работать конструктором. Электрослесарь Виктор Минаев стал заниматься в школе рабочей молодежи.

В сентябре прошлого года наладчики получили пополнение, и бригада превратилась в цеховой коллектив. Но и «новички» по примеру «ветеранов» решили учиться. Они уже определились, кто куда пойдет — в школу или техникум. Не прекращается учеба и в самом цехе. Каждую субботу молодые инженеры Шушпанников и Тырышкин на несколько часов становятся преподавателями, а молодые рабочие — слушателями этой необычной школы, возникшей по собственной инициативе.

СВОИМИ РУКАМИ

В РАЗРИСОВАННЫЕ морозом стекла окон заглядывают скудные лучи зимнего солнца. Мягкий свет заливает просторное, свежапобеленное помещение. Можно подумать, что здесь размещается научно-исследовательская лаборатория, а не производственный цех. Вдоль всей стены, противоположной входной двери, стоят под потолок щиты с контрольно-измерительными приборами. В центре, на подставке, чертежная доска, лист ватмана. Вдоль окна длинный верстак с тисами и настольным сверлильным станком, у стены ряды металлических клеммных ящиков с зияющими отверстиями вместо приборов и пучками переплетающихся проводов. Здесь монтируют сложные автоматические электросхемы.

Когда Бориса Шушпанникова назначили бригадиром наладчиков, это помещение было еще занято гаражом легковых автомобилей. Пока в бригаде было всего несколько человек, она скиталась по цехам.

— Потерпите, — говорили руководители мастерских. — Ревизуете вы машины на шахтах. А если нужно отремонтировать деталь какую, приходите, никто вам не откажет...

Но мириться с таким положением было нельзя, и бригада настоятельно попросила выделить ей постоянное рабочее место.

Неуютным показался молодому инженеру бывший гараж, когда он впервые зашел в него. Голые стены в темных масляных пятнах, с выщербленной штукатуркой. Запыленные стекла. Полумрак. Решили не ждать, когда произведут ремонт и переоборудуют гараж под цех, а привести его в порядок своими силами.

В бригаде были электрослесари. Но на время каждый становился то плотником и столяром, то сантехником и электросварщиком. Подвели паровое отопление, сделали верстак, подготовили необходимый инструмент. Вот только сверлильный ста-

нок не смогли нигде найти. А без него никак не обойтись. Тогда стали его собирать. На свалке, среди металлического лома, разыскивали подходящую станину. Часть деталей заказали литейщикам, часть выточили сами в соседних цехах, когда токари и фрезеровщики заканчивали работу.

Станок собственной конструкции получился хоть и не особенно привлекательным на вид, грубым и неуклюжим, но прочным. И ребята давно не замечают его слишком громкого гудения.

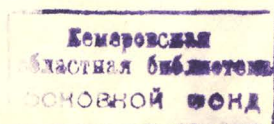
Позднее обзавелись электронным и шлейфовым осциллографами. Это сложные и тонкие приборы. Без шлейфового осциллографа никак не проверишь на скиповых под'емах допустимые ускорения тормозного устройства. Не могут обойтись наладчики и без электронного осциллографа. С его помощью исследуются электрические режимы различных аппаратов. Поэтому оба прибора часто бывают нужны на шахтах при наладке стационарного оборудования. Но как их туда доставлять? Транспорта бригада не имела.

Машина была необходима не только для перевозки приборов. Часть деталей наладчики ремонтировали в мастерских. А весят некоторые из них не так уж мало. На себе не унесешь! Когда занялись автоматикой, появились новые грузы — клеммные ящики, щиты управлений.

Правда, автобаза не отказывала в автомашинах. Но было одно большое неудобство. Рабочий день в автобазе и у бригады наладчиков начинался в один и тот же час. Пока шофер заправит баки бензином, выпишет путевку, а зимой разогреет мотор, — проходит час-полтора. Наладчики в ожидании бесполезно теряют время. Нет! Им нужна была своя автомашина. Но где ее взять? Трест «Киселевскуголь» не имел возможности выделить, мало надежды было и на комбинат «Кузбассуголь».

И тогда кто-то поддал мысль: найти пришедшую в негодность уже списанную автомашину и отремонтировать собственными силами. Идея понравилась и увлекла. В бригаде почти каждый имел любительские права на вождение автомашин, а Юрий Малинин работал до этого даже шофером.

Осуществление замысла решили не откладывать в долгий ящик. Как только выдавалось свободное время, а чаще всего после окончания работы, отправлялись в поиски на свалки металлического лома и на задворки гаражей, где покоились останки полуторок. Не упускали из виду ни гайки, ни винтика — все, что могло пригодиться при сборке, если в цех. Тут тщательно промывали, кропотливо очищали ржавчину, сваривали и точили. Иногда из двух-трех узлов различных моторов едва собирали один. Порой по десять раз переделывали одно и то же, пока Юрий Малинин, внимательно и придир-

чиво осмотрев работу, не говорил: «Добро!»

Но, может быть, именно в этих коллективных поисках и творчестве и было то самое, что заставляло ребят до полуночи простаивать у верстака, забывая об еде и отдыхе? Это — крепнущее чувство единства, товарищества. В этой работе, не за деньги и не «от» и «до», ковалась настоящая дружба, создавался сплоченный коллектив.

Однажды на улицах Киселевска появилась неимоверно тархтевшая грузовая автомашинка. И, конечно, в первый же день ее остановил автоинспектор. Он подозрительно обошел вокруг, покрутил баранку, хмыкнул не то удивленно, не то по привычке и разрешил ехать дальше.

— Молодец, Коломбина, не подвела! — вздохнул облегченно Юрий Малинин и поспешил включить третью скорость.

Почему он назвал машину «Коломбиной» — именем популярной героини комедии масок? Пожалуй, и сам бы не сказал. Однако имя это так и осталось за нею.

Теперь бригада могла в любое время и куда угодно доставить и приборы, и смонтированные в цехе автоматические устройства. Машина сберегала драгоценное время, улучшилась и маневренность — как-никак, а «хозяйство» у наладчиков было большое: пятьдесят стационарных установок на всех десяти шахтах треста.

БЕСКОНЕЧНАЯ ОТКАТКА

ЭТА нехитрая установка еще не так давно считалась последним словом техники.

...По наклонной выработке движется стальной трос, вытягивая из плохо освещенного уклона одну вагонетку за другой. Как только вагончик попадает на поверхность, несколько человек быстро направляют его в опрокид. Ничем не нарушаемым кажется этот ритм. Но стоит подольше понаблюдать за откаткой, как сразу бросаются в глаза изъяны. Вот работница увесистым железным крючком крепит к канату вагонетки, затем подает сигнал машинисту под'ема. Поток угля из забоев начинает увеличиваться, и откатчица, стараясь поскорее отправить его на поверхность, добавляет несколько лишних вагончиков. Через минуту-другую что-то заскрипело, затрещало и, надрывисто вздрогнув, стальной трос плетью повис в уклоне. Пока отцепляли лишний груз, спускали его вниз, прошло добрых полчаса. Только управились с этим — неожиданно с рельсов сошла вагонетка и, уткнувшись в шпалу, преградила путь.

Рослая девушка бросилась вверх по уклону. Бежать было трудно: крутой под'ем и брезентовая спецовка мешали ей двигаться. Пока добралась до

места аварии, узнала, в чем дело, и, возвратившись, условным сигналом передала машинисту «забур», прошло немало времени.

— Опять двадцать пять, — всердцах произнес он и тут же стал звонить начальнику эстакады.

Аварии на откатке шахты № 4-6 случались так часто, что горняки в шутку нарекли ее «бесконечной остановкой». Простои происходили совсем не потому, что плохо ремонтировали или неумело вели эксплуатацию механизмов. Нет, дело заключалось в другом. Система транспортировки угля на поверхность была настолько громоздкой, примитивной, что сама порождала непрерывные аварии.

...В последнее время на шахту из электромеханических мастерских стал часто приезжать молодой худощавый, среднего роста инженер, с густой копной черных волос. Его большие, глубоко посаженные глаза всякий раз, когда уклон прекращал работу, подергивались дымкой глубокой задумчивости, и добрая улыбка, почти никогда не сходявшая с одухотворенного лица, пропадала надолго. В такие минуты он казался старше своих лет. Это был Борис Шушпанников.

Не докучая расспросами, молодой человек подолгу наблюдал за работой под'емных механизмов и опрокида. К нему здесь стали привыкать и, когда он долго не появлялся, всегда любознательные девчата начинали спрашивать:

— Почему это чернявый инженер к нам не едет? Забыл, наверное?

— А ты, поди, соскучилась?

— Как бы не так. Он, пожалуй, только с машинками и разговаривать умеет.

Однажды Шушпанников увидел, как остановился весь погрузочный комплекс. Рядом с инженером стояли откатчицы. Рослая, стройная горнячка Полина Сушко как-то лукаво, озорно посмотрела на него и, отвернувшись, вдруг громко запела:

Инженер, инженер!

Только ходишь и глядишь,

Эстакаду разломали, —

Ты по-прежнему молчишь!

До сознания Шушпанникова, поглощенного какой-то думой, не сразу дошло, что эта, сложенная, видимо, экспромтом, частушка обращена к нему. А когда понял, не нашел, что ответить. Оправдываться? Сказать, что критика высказана не по адресу? Разве это изменит положение? Рабочие правы. Им надоели простои, и они справедливо требуют помощи. Ведь он специалист, а всякий специалист не может, не должен проходить мимо неполадок. Коллебаться и медлить в таком деле нельзя!

Взволнованным вышел Борис на улицу. Безоблач-

ное знойное небо, которое несколько часов тому назад висело над шахтерским поселком, покрылось тучами. Неожиданно из-за поворота вырвался стремительный вихрь, поднявший столб пыли. Он с разбегу врезался в узкий переулок и, зажатый высокими заборами, долго кружился там, забавляясь обрывками старых афиш и газет. Затем вихрь так же неожиданно пропал, и сразу хлынул дождь. Вымокший до нитки Борис шагал по опустевшим улицам, а в ушах продолжал звенеть насмешливый голос Полины Сушко.

Добравшись до мастерской, Борис устало опустился на стул и долго сидел, задумавшись. Потом он вытащил из стола пачку чертежей и начал их внимательно рассматривать.

Незаметно бежало время. К вечеру с шахты вернулись Василий Петухов и Петр Зубарев. С тех пор, как была создана наладочная бригада, здесь установилась хорошая традиция: вместе обсуждать задание на следующий день. И когда Зубарев с Петуховым зашли к Борису, он обрадовался:

— Вот кстати. Думал, не придете сегодня, ливень-то какой был. А мне посоветоваться надо.

— Порядок треба соблюдать при любой погоде, — пошутил Зубарев.

— Я снова ездил на шахту четыре-шесть, — продолжал Борис. — Надо кончать там с «бесконечной остановкой». Здесь вот я набросал схемы для автоматизации откатки. Давайте посмотрим.

И началось горячее обсуждение. Спорили о типах реле, катушках, распределительных устройствах. Постороннему человеку могло показаться, что люди тратят время на мелочи. Но в автоматике, как и во всяком другом деле, большое складывается из незаметных, на первый взгляд, деталей.

Через неделю Шушпанников заявил главному механику шахты № 4-б:

— Думаем автоматизировать откатку, не возражаете?

— Намечаем, думаем, планируем! Кто вы такие, чтобы браться за такое ответственное дело? Сколько уж принимались за нее? — раздраженно заговорил механик.

Однако работы проводить разрешил.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

НОВОМУ человеку трудно ориентироваться в путаном лабиринте улиц шахтерского города. И поэтому, когда нас пригласил в гости Василий Васильевич Петухов, его жена — конструктор монтажного участка Вера Григорьевна, кроме адреса, на листке бумаги набросала подробный план, чтобы «наверняка нашли».

Воскресный день выдался теплым и ясным. Улицы

Киселевска были заполнены народом. И это понятно. Горняки, которые много времени проводят под землей, очень любят скупое на ласку сибирское солнце.

От клуба машиностроительного завода мы свернули к городской бане. Дальше план нас повел к старому террикону тринадцатой шахты и по деревянным мосткам к небольшой улице, которая выросла совсем недавно на бывшем заболоченном пустыре. А тут уж без особых трудностей мы отыскали нужный адрес.

Василий Васильевич занимал одну из секций четырехквартирного кирпичного дома. Не раз нам приходилось бывать в домах шахтеров, металлургов, строителей. Многие живут в достатке, имеют возможность приобретать хорошую мебель, красивые вещи. И обидно бывает, когда рядом с дорогим ковром замечаешь в рамке мазню базарного халтурщика или первоклассный радиоприемник на аляповатой, грубо сработанной подставке. А некоторые столько настаивают, что даже в просторной комнате от мебели деться некуда.

Но, переступая порог этого дома, каждый невольно обратит внимание на простоту обстановки. Ничего лишнего, ничего кричащего. Всякой вещи найден свой уголок, свое место. Везжая в новую квартиру, Василий Васильевич приобрел три репродукции с картин известных художников. Но повесил только две.

— Пристроить некуда, — говорит он о третьей, — вид портит...

Также требовательно, со вкусом подобрано и расставлено все остальное. На окнах — легкие гардины, в простенке между ними — небольшой стол, накрытый белой скатертью, на стульях — чехлы из льняного полотна, что придает комнате нарядность; у противоположной стены — скромный и изящный шкаф для платья, в углу — недорогой радиоприемник — вот, пожалуй, и все. В комнате преобладают светлые тона, и от этого она становится уютнее, как будто просторнее, располагает к отдыху.

До этого мы встречали Василия Васильевича в цехе. И всегда он был скуп на слова, сдержан и даже, как нам казалось, несколько суховат в обращении. Теперь перед нами был радушный, приветливый хозяин. В несколько минут он рассказал о домашних новостях, о том, как переселялся в новую квартиру, и неожиданно спросил:

— А вам не приходилось выращивать кроликов? Нет? А я вот решил попробовать... — И в его смеющихся глазах вспыхнул задорный огонек. Василий Васильевич стремительно шагнул к шкафу, достал тоненькую книжку и, быстро перелистав ее, продолжал:

— Занимательная, крутись-вертись, штука! Купишь пару, а через год — мясной комбинат открывай. А какие вкусовые качества, пишут! Э-эх... Прочитал — сам загорелся и ребят думаю сагитировать.

— Ты брось, Василий, — донесся из кухни голос Веры Григорьевны. — Не баламуть людей, не вяжайвай в свои затеи. Мало тебе Малинина...

Лицо Василия Васильевича слегка покраснело. Он как-то виновато развел руками и обернулся к двери.

— Там, Вера, совсем другое дело... Я ни при чем.

— Как другое? Втравил парня подписаться на дорогой журнал, а теперь и сам, и он — оба недовольны.

— Да ты пойми, то же издательство подвело...

И Петухов рассказал нам, как он, желая найти практические советы по рисованию, выписал журнал «Художник». Сто сорок четыре рубля заплатил. И уговорил Юрия Малинина, который тоже увлекается живописью. Но первые номера журнала их разочаровали. Кроме статей искусствоведов, они ничего там полезного для себя не нашли.

Этот случай с журналом, на первый взгляд, незначительный, наводит на размышления. В жизни произошел крутой поворот. Тысячи и тысячи людей серьезно задумались: какими они придут в завтра? Разве может человек будущего замыкаться в узкие рамки своей профессии? Или, скажем, не уметь красиво одеться, не понимать музыки, быть равнодушным к живописи? А ведь еще довольно часто встречаем инженера или врача, мастера или передового рабочего, которые не в силах отличить музыкальный почерк Чайковского от Мусоргского или особенности кисти Сурикова и Репина. И вот теперь эти люди заполняют аудитории университетов культуры, читальные залы, в их личных библиотеках появляются книги о живописи, музыке, искусстве. Но не так просто бывает найти нужную брошюру, журнал, в которых бы доходчиво, популярно рассказывалось о тайнах мастерства художника, артиста или скульптора. В наших клубах, краевых уголках горячо спорят о героях современных книг и кинофильмов, но почему бы не по diskutieren о достоинствах и недостатках нового музыкального произведения? Личные встречи с артистами, учеными, писателями широко распахивают двери в чудесный мир прекрасного. И хорошо, что крепнут эти связи... Но жизнь требует, чтобы с каждым днем росло число таких встреч, разнообразились формы и методы эстетического воспитания трудящихся. Запросы Василия Васильевича — это запросы многих тысяч людей, широким шагом идущих к коммунизму.

...Незаметно бежали минуты, часы, уже день клонился к закату. А нам не хотелось расставаться с

этим интересным простым человеком. Его рассказ о работе, друзьях, его мечты и стремления увлекали и волновали. Перед нами сидел мастер, организатор, влюбленный в свой коллектив, которому он отдает все лучшее, что у него есть. Василий Васильевич работает заместителем начальника монтажного участка. Но не сразу он стал руководителем.

...Однажды (это было два года тому назад) к Борису Шушпанникову зашел мужчина средних лет. Невысокий, в легкой черной куртке и изрядно поношенных сапогах. В светло-карих глазах горел застенчивый огонек.

— Вы Шушпанников? — и в ответ на утвердительный кивок достал из кармана бумаги.

— Хочу вот... на работу к вам устроиться...

Он подал документы и неторопливо присел на стул.

— В шахте работали?

— Не приходилось, — и, словно в оправдание, добавил: — На электростанциях все время был.

— Значит, техник...

Борис как-то недоверчиво окинул внешне невыразительную фигуру сидевшего перед ним человека и еще раз перелистал документы.

— Что ж, товарищ Петухов...

Шушпанников помедлил. Он не знал, что сказать. Ему нужны были люди и особенно специалисты. Но этот вел себя как-то неуверенно. Кто его знает, что он за человек...

— Так вот... Только слесарем можем взять...

Василий Васильевич поднялся, незаметно стрельнул взглядом в молодого вихрастого инженера. На его лице промелькнула легкая улыбка.

— Хорошо, я согласен...

Не сразу раскрылся в коллективе этот человек.

...На одной из шахт вышел из строя полуавтоматический прибор, контролирующий тормозную систему грузового под'ема. На место срочно выехали Николай Муравский и Василий Васильевич.

Петухов быстро определил причину аварии. Он показал Николаю, что надо делать. Сам же взялся за более сложную часть работы.

Муравский раньше справился с заданием и подошел к Петухову. Тот, поглощенный делом, даже не заметил товарища. Из сотни очень тонких разноцветных проводов он выхватывал то белый, то красный и быстрым, почти неуловимым движением прикреплял их отверткой к нужной клемме. Он словно жонглировал приборами и инструментом, в его руках появлялись вольтметр, амперметр, контрольная лампа. Ему достаточно было мгновенного взгляда на стрелку осциллографа, чтобы оценить обстановку. Николай невольно позавидовал мастерству товарища.

Каждый настоящий мастер имеет свой почерк.

Придет, скажем, к вам слесарь-водопроводчик высшего разряда. Смотришь на него и не налюбуйешься. Где-то стукнул, что-то подвернул, куда-то сунул немного пакли, и течи как не бывало. И уже можете не беспокоиться — отремонтированные им трубы или кран будут служить надежно. Казалось бы, все хорошо. Но почему-то у этого мастера кран косит, а возле батареи, где он работал, обита вся стена. И это, конечно, вызовет у вас досаду.

Почерк же Василия Васильевича доставляет людям большое наслаждение. В нем видишь тонкую красоту, если хотите, даже изящество. И вот из-за привычного стремления делать все красиво в новом коллективе у Василия Васильевича произошло столкновение с Владимиром Кумовым.

Бригада наладчиков на шахте «Дальние горы» автоматизировала бесконечную откатку. Времени было в обрез — вечер субботы и воскресенье. За тридцать шесть часов, пока отдыхали шахтеры, им нужно было произвести весь монтаж — установить приборы, проложить кабель, связать схему с подземными механизмами и опробовать комплекс в работе. Счет времени идет на минуты.

Ребята понимали, что им нельзя сорвать работу многотысячного коллектива горняков. Две ночи и день не выходили из шахты, забыв о сне и отдыхе. Каждый, кто выполнял задание раньше, шел на выручку товарищу.

Василий Васильевич монтировал щит на уклоне. Работа подвигалась к концу. Но и усталость давала себя знать — набрякли тяжелые веки над воспаленными от бессонницы глазами, сильно разламывало и поясницу. Вдруг снизу подошел Кумов.

— Как у тебя? Давай-ка помогу... — и, пристроившись рядом, начал быстро привинчивать к панели металлические скобки.

— Подожди, подожди, Володя! Посмотри, что у тебя получается — провода свисают, скобы вкривь и вкось...

— Эх, Василь Василич, об этом ли сейчас разговор? Успеть бы, главное...

Петухов пытался еще что-то сказать. Но Владимир, не слушая его, продолжал работу. Поставив последнюю скобу, он собрал инструмент и дружески хлопнул Петухова по плечу:

— Ну, кончай быстрее, а я еще кому-нибудь помогу...

— Что ж, если хочешь — беги...

И Василий Васильевич, легонько отстранив Владимира, начал переделывать все заново.

— Ты что?! — Кумов смотрел на товарища растерянным, непонимающим взглядом.

— Не тебе бы объяснять... — бросил через плечо Петухов. — Это новичку простительно, а у тебя, крутись-вертись, высший разряд!

— Какая разница — красиво или нет? Кто в темноте разберет?..

— Дело не в том, разберут или не разберут... А где твоя совесть рабочая? Сегодня слепил на скорую руку, а завтра кто-то переделывай.

Кумов резко повернулся и зашагал по уклону. На другой день об этой стычке узнала вся бригада. Но, против ожидания Владимира, на его сторону никто не стал.

Незаметно, изо дня в день, Василий Васильевич вносил в работу цеха элементы производственной культуры. Одним это нравилось, другие принимали без большой охоты. Но время брало свое, и вскоре в неписаный кодекс коллектива навсегда вошло: делать все не только быстро, но и прочно, красиво.

Борис не раз вспоминал свою первую встречу с Василием Васильевичем. Вот как можно ошибиться в людях! За кажущейся робостью и неуверенностью он не распознал тогда большую скромность человека с богатым жизненным опытом. И, когда представилась возможность, Борис с радостью предложил Петухову должность мастера.

Чем дольше жил в коллективе Петухов, тем больше завоевывал авторитет. Он мог не только доходчиво объяснять сложные вопросы электротехники. Как-то зашел разговор о живописи. И в этой области знания Василия Васильевича оказались не менее глубокими. Он мог увлекательно рассказать о содержании многих картин, об особенностях творчества Репина и Сурикова, Рембрандта и Врубеля, Левитана и Решетникова.

Василий Васильевич всегда может угадать душевное состояние человека, разделить его огорчение или радость, вовремя дать добрый совет. Он интересуется, как идет учеба у товарища, как его семейные дела. Поэтому ребята тянутся к нему, делятся с ним сокровенными думами, а при случае стараются доставить ему радость.

Под новый год Василий Васильевич получил квартиру. Друзья пришли к нему посмотреть, как он устроился. А на следующий день явились Никита Бочкарев, Иван Матвейчук и Владимир Япс и помогли устроить водяное отопление.

Такие Петуховы, коммунисты, вожаки, есть в каждом коллективе. Живут эти люди на земле, преобразуют ее, подчас оставаясь незаметными, но все, с чем они соприкасаются, обогревается их душевным, по-настоящему человеческим вниманием.

ПЕРВАЯ СВАДЬБА

ОТЗВЕНЕЛИ капли, уgomонились говорливые ручьи. Томь сбросила с себя ледяной покров... А природа продолжала дремать под холодным дыханием северных ветров. Словно осенью, стояли мол-

чаливыми, безжизненными голые тополи и березы. И только у самой земли, наперекор всему, еле заметными веселыми искрами пробивались травинки, да под хмурыми серыми облаками навстречу ветру упрямо тянулись к родным гнездовьям стаи перелетных птиц.

Но все выше взбиралось солнце, его лучи все чаще разрывали свинцовую пелену туч. И вдруг в какие-то день-два преобразилась Кузнецкая котловина. Деревья опушились прозрачной легкой зеленью, лесные поляны зажглись золотистыми стародубками, засинели колокольчиками сон-травы, а в просеках и по берегам таежных потоков голубым ковром поднялись медуницы... Пьянящие, беспокойные ароматы врываются в шахтерские города.

Для Николая Муравского весенние ветры нынче были особенно хмельными. Выйдет он на улицу, вдохнет полной грудью, и заиграет, запоет растревоженное сердце.

Покорила навсегда, забрала в добрый плен недавнего боевого старшину робкая, застенчивая дивчина с киселевской окраины.

Пора цветения, пора любви!

И вот наступил тот вечер, когда им не нужно было больше расставаться. У них — свадьба...

Николай заранее пригласил всю бригаду. И, уходя с работы, приколот на видном месте лист бумаги: «Еще раз приглашаем вас, друзья. Не опаздывайте! В. и Н. Муравские», а ниже был приписан адрес — на всякий случай.

Эта новость взволновала ребят. Они радовались за друга и, конечно, готовились к празднику. Женильба Муравского была для бригады большим событием. Ведь это — первая свадьба в их молодом коллективе!

Над городом опустились сумерки. Давно уже собрались родственники Валентины и Николая. Но за стол не сажались, ждали друзей жениха. Взволнованная Валентина то и дело выбегала на крыльцо, пристально вглядываясь в загустевшую тьму. Много людей проходило, но все мимо.

Высокая, статная, в белом свадебном наряде, Валентина в эти минуты была, казалось, немного растерянной. Она оборачивалась к Николаю, который стоял рядом, и он читал в ее серых встревоженных глазах немой вопрос.

— Не беспокойся, сейчас нагрянут, — успокаивал Николай и ласково гладил тяжелой огрубевшей ладонью мягкие золотистые волосы. Она прижималась к его широкой сильной груди, и лицо с милыми ему веснушками становилось покойным.

Муравский успокаивал Валентину, а сам нетерпеливо поглядывал на часы. «Что случилось? Почему не идут?» И терялся в догадках...

А в бригаде произошло непредвиденное — всех

наладчиков срочно вызвали на шахту. Там случилась крупная поломка. Чтобы быстрее ликвидировать аварию и все-таки не опоздать на свадьбу, ребята работали с удвоенной энергией. Проходили часы, а дел почти не убавилось.

Осторожно ступая по ступенькам уклона, Николай Пьянов и Владимир Попов спускали вниз крупную деталь. Подвигались медленно, с частыми остановками. По их лицам, измазанным жирной угольной пылью, обильно струился пот.

— Ох, и упарился ж я. Давай передохнем, — предложил Попов и тыльной стороной ладони смахнул застилавшие глаза едкие капли.

— Что? Горько? Это, брат, потруднее, чем кричать «горько»...

— Черт бы ее побрал эту аварию!... Надо же было именно сегодня! — вспылil вдруг Владимир. — Ты понимаешь — с вечера нагладил брюки, рубашку купил по такому случаю...

— Что брюки... Тебе лишь погулять! — Николай с досадой пнул деталь и добавил: — А тут друг лучший женится. Извелся уж, поди, там, а предупредить нельзя было... Не везет!

— Тоже сказал... Ты думаешь, я о рюмке плачу? — рассердился Владимир. — Иш ты: «друг»! А мне он что... хрен луковый?

— Давай все сюда! — донесся вдруг голос.

— Ну, что еще там? — и ребята заспешили вниз.

Когда они подошли, у рудного двора уже собралась вся бригада.

— Вот, елки-палки, дело-то какое... — начал Борис Шушпанников. — Давайте посоветуемся, как быть? Работы много еще, кончим не скоро... И Муравского обидеть бы не хотелось. Ждет ведь...

— Да ждет ли?... Время-то... одиннадцатый час.

— Если даже ждет, что можно сделать?

— А если одного делегатом откомандировать? — Борис окинул взглядом ребят... — Но нам тогда на лишний часок задержаться придется?

— О чем разговор, конечно, послать надо.

— Эх, я бы за всех отплясал, — Владимир Попов хлопнул в ладоши, раскинул руки и так хлестко, поматросски, ударил каблуками резиновых сапог, что все невольно рассмеялись.

— Вот и доброволец!

— Нет, братцы, — Владимир вздохнул и посмотрел на Пьянова, — я свою кандидатуру снимаю... Пусть Николай едет... Они старые дружки.

...Когда запоздалый гость открыл дверь в доме Муравских, свадьба была в разгаре. Ходуном ходили половницы от лихого пляса. Надрывался баян, дробя веселые звуки. Кто-то громко пел, кто-то тянулся к молодым с бокалом. В этом шуме и гаме никто, кроме молодых, не заметил появления Пьянова.

— Что случилось? Где ребята? — усаживая друга рядом с собой, нетерпеливо спросил Муравский.

— Понимаешь, срочная работа... До утра, видно... Меня вот послали... Поднимай-ка рюмку. И ты, Валя, тоже...

Пьянов поднялся, взглянул на обильно уставленный стол, на пустые приборы, приготовленные для друзей, и обратился к молодым:

— Живите дружно... Чтоб в вашем доме не переводилось счастье! Этого желают вам все ребята... Ну, а я тем более...

...Два года прошло с тех пор. Недавно Муравские переехали в новую квартиру, по соседству с Василием Васильевичем, и начали понемногу обзаводиться хозяйством.

Правда, это дается нелегко, когда не имеешь опыта. Николай рассказывал, как однажды он попал впросак. Валентина попросила его сходить на базар купить кур.

— Управился я с этим быстро. Выбрал самых больших и мясистых. Ну, думаю, обрадую Валентину. Прихожу домой, открываю корзину... Полуза, мол, хозяйка, товар, и жду похвалы. А Валентина взглянула, всплеснула руками и говорит: «Что ты наделал? Зачем старух набрал? Они ж нестись не будут».

— Как не будут? Откуда ты знаешь?

— Погляди, гребешки-то у них отцвели, совсем стали белыми.

— При чем тут гребешки? — пытался было я спорить, но пришлось снова пойти на базар. На этот раз я был осмотрительней. Искал, искал — ничего нет подходящего. И вдруг вижу, окружил народ какую-то бабку. Заглянул через головы — куры, и гребешки, понимаете, красные, как малина спелая. Слышу, торгуются.

Тут, думаю, зевать не надо. Протолкнулся, сунул деньги и поскорее домой.

В точку угодил!

Хорошая, дружная семья сложилась у Муравских. Николай продолжает учиться в вечернем техникуме, Валентина не бросает работу, живут в достатке. И растет у них уже сынишка Сережа.

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ПОЧИНА

ЧТО произошло в те дни, когда советский народ горячо обсуждал тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС? Металлурги, шахтеры, химики, строители и сельские труженики с гордостью говорили о замечательных успехах в развитии народного хозяйства, достигнутых под мудрым руководством Коммунистической партии. А впереди ярко вырисовывались еще более грандиозные перспективы семилетки, новый изумительный взлет ре-

волюционного творчества. И каждый твердо верил в реальность цифр небывалого размаха и темпов, каждый стремился определить свое место и участие в предстоящей борьбе за их осуществление. Наша великая страна готовилась единым широким фронтом приступить к развернутому строительству коммунистического общества.

Да, страстная мечта миллионов людей о коммунизме стала боевым и конкретным делом уже сегодняшних дней!

Это великое зовет к дерзанию и подвигам, к более смелому и высокому полету творческой мысли. И мог ли кто остаться глухим и равнодушным к этому призыву? На заводах, шахтах, стройках — на всех рубежах промышленного и сельскохозяйственного производства люди с воодушевлением ищут скрытые резервы, в жарких спорах нащупывают пути их лучшего использования, чтобы по издавна заведенной традиции и на этот раз опередить время, добиться досрочного выполнения семилетнего плана коллективом каждой бригады, каждого цеха, предприятия.

А какой вклад могли внести в общенародное дело они, молодые наладчики из далекого сибирского города? Эта мысль не давала покоя Борису Шушпанникову и его товарищам.

К этому времени бригада получила значительное пополнение. В ней насчитывалось уже свыше тридцати человек.

Но изменилось ли что в жизни коллектива? И Шушпанников вынужден был признаться себе, что нового появилось пока мало. Работы, конечно, прибавилось, цеху поручили заботиться дополнительно о состоянии паросилового хозяйства всех десяти шахт. Но вот отдачи, какой бы следовало ожидать от коллектива, еще не было.

И начались поиски лучшей организации труда. Молодые инженеры и рабочие подали несколько предложений. Их обсудили и пришли к единому мнению, что необходимо создать несколько небольших, но очень подвижных бригад. Причем не следует распыляться сразу на все объекты, пусть каждая из них специализируется на определенных установках.

Но задача не была еще полностью решена. На шахтах встречались однотипные установки различных марок, иногда совсем непохожие друг на друга по конструкции. Для них требовались и иные схемы автоматизации. Кто их должен разрабатывать и комплектовать? И тогда возникла мысль: создать при цехе конструкторское бюро и две бригады — экспериментальную и по комплектованию автоматического оборудования.

Теперь цех имел возможность производить автоматизацию шахтных машин и механизмов в более

широких масштабах и ускоренными темпами. Казалось, цель достигнута. Случись это полгода назад, молодые наладчики, может, были бы и довольны. Но сейчас они не испытывали полного удовлетворения — хотелось совершить что-то необычное, чтобы не только производственные дела, но и личную жизнь повернуть круто, сделать ее богаче, содержательнее. Этим ребятам, которых глубоко взволновало величие нашей семилетки, хотелось войти в прекрасное завтра достойными продолжателями дела ленинской партии.

Не этими ли мыслями и чувствами жили в те дни покорители Ангары и Енисея, творцы Западно-Сибирского металлургического гиганта, добровольцы целинных земель, энтузиасты ударных комсомольскихстроек? И не этот ли благородный страстный порыв обратил их взоры к ленинскому «Великому почину»?!

...Тот день внешне не выделялся из многих, но оказался особенным. И время никогда не сотрет его из памяти присутствующих. Утром ребята с нетерпением ждали почтальона с «Комсомольской правдой». Накануне кто-то слышал по радио, что в стране по инициативе молодежи началось движение за звание бригад коммунистического труда. Но что это такое? Что там за люди? Как досадовали они, что Киселевск далеко от столицы и центральные газеты доставляются с опозданием!

Но вот и газета. Во всю ее ширь всего четыре слова: «Новое развитие великого почина». А ниже: «Ленинский комсомол встречает семилетку бригадами коммунистического труда». И еще ниже: «На производстве, в учении, в быту вести себя по-коммунистически».

Что значит «по-коммунистически»? И, склонив над газетой головы, жадно вчитывались в каждую строку. Одним духом были проглочены передовая статья, рассказ о замечательной инициативе комсомольцев и молодежи депо Москва-Сортировочная, где четыре десятилетия тому назад был проведен первый в мире коммунистический субботник, выступления формовщиков Харьковского завода, доменщиков Магнитки... Новое движение началось сразу небывало мощной волной. Оно зрело в недрах народа. Штрих за штрихом вырисовывался облик достойного наследника великого почина. Это подготовлено всем строем нашей жизни, всем складом характеров, рожденных и закаленных соревнованием.

Особенно внимательно и вдумчиво молодые наладчики отнеслись к заповедям комсомольско-молодежной бригады Кузьмы Северинова с донецкой шахты № 5-6 имени Димитрова. Может быть, потому, что сами они были очень тесно связаны с шахтерами. Или их привлекли ясность и четкость

сформулированных бригадой законов, по которым она решила жить? Ребята никак не могли оторваться от газеты, еще и еще раз перечитывая вслух, к чему обязывает самое чистое, самое почетное звание.

Слова звучали как клятва: «...Отдавать все свои силы, энергию и способности делу строительства коммунизма, воспитывать в себе и своих товарищах качества членов коммунистического общества... Всем учиться... Отказ от учебы считать отсутствием сознательности и уважения к себе. Мы решительно порываем с остатками прошлого: пьянством, хулиганством, сквернословием...»

— Неуважение к себе... Отсутствие сознательности... Это они здорово завернули, не открутишься, — воскликнул Владимир Катков, надавно пришедший в цех после окончания десятилетия.

— А мне кажется, не совсем здорово, — сказал Николай Пьянов и обернулся к новичку. — Человек себя уважать должен. Но прежде всего надо уважать товарищей, коллектив! Не эгоисты же и себялюбцы пойдут в коммунизм!

— Это ты правильно, — вмешался вдруг Николай Муравский. — А как быть, скажи-ка, с тем, кто и на себя и на коллектив «чхает»?

Николай Попов беспокойно оглянулся: не о нем ли речь? У него за плечами было всего восемь классов. Когда осенью все поступали кто в техникум, кто в школу рабочей молодежи, Николай решил еще «погулять» с годик. Однако вскоре, по настоянию ребят, его и Юрия Малинина, который тоже нигде не учился, направили в Прокопьевск на специальные курсы автоматизации. Все же Попов чувствовал сейчас себя почему-то неловко и настоятельно прислушивался к разговору.

— Ну, а что ты сам думаешь? — задал кто-то вопрос Муравскому.

— Чего нянчиться... За борт — и никаких!

— Не очень раскидывайся, а то подбирать некому будет...

Николай удивленно посмотрел на Василия Васильевича: «И чего это он сегодня взъерошился?»

— Ты что ж, — продолжал мастер, — думаешь первым к коммунизму добежать, налегке? А товарищи? Их кто поведет?

УВЕРЕННОЙ ПОСТУПЬЮ

НА следующий день состоялось собрание. В объявлении было сказано: «Подумайте, что мы можем сделать, чтобы добиться звания «Цех коммунистического труда»?

Готовились к собранию все. Взволнованные предстоящим событием, они чувствовали такой прилив сил, что, казалось, могли свернуть горы. Возбуж-

денные ребята не замечали, как летели часы. В обеденный перерыв задержались в цехе. Разместившись в разных углах, чтоб не мешать друг другу, бригады обсуждали свои обязательства, договаривались, кто выступит на собрании.

Несмотря на царивший подъем, все-таки проskalзывало какое-то беспокойство. Нет-нет да кто-нибудь останавливался у окна и долго не отрывал пристального взгляда от ворот, расположенных в дальнем конце двора.

Кого они ждали? Гостей? Вполне возможно. Областной комитет ВЛКСМ собирал в Киселевске первых секретарей горкомов и райкомов, чтобы они познакомились с интересной инициативой молодых наладчиков, которые решили заняться комплексной автоматизацией на шахтах, хотя это и не входило в их обязанности. Недавно здесь побывали также участники Всесоюзного семинара по автоматике.

Далеко, очень далеко за границы Кузбасса шагнула добрая слава о киселевцах. И не случайно у многих на груди сверкают значки «Передовик социалистического соревнования Российской Федерации». Славный почин одобрен Кемеровским советом народного хозяйства. Теперь по примеру энтузиастов созданы наладочные бригады по автоматике во всех угольных трестах бассейна. Немало последователей у них и за пределами экономического района. Это начинание, как и метод донецкого шахтера Николая Мама, приобрело большое народнохозяйственное значение. Автоматика — это техника семилетки, широкие крылья в завтрашний день. Она позволит только в Кузбассе сэкономить в год полмиллиарда народных рублей! А если подсчитать по стране? Цифра будет поистине колоссальной. Вот почему немало строк посвятили замечательным делам молодых сибиряков «Правда» и другие центральные газеты.

Многому можно поучиться у энтузиастов большой автоматике. И они охотно, с открытой душой встречают близких и далеких гостей, которые всегда уезжают от них друзьями.

Но на этот раз они ждали своего товарища. Бориса Шушпанникова пригласили в Томск на защиту диссертации, посвященной проблемам автоматике. Видимо, там хотели услышать мнение молодого инженера-практика. Борис уехал, надеясь почерпнуть что-нибудь новое, что пригодилось бы в работе. Накануне ему послали срочную телеграмму. И вот теперь друзья тревожились: успеет ли он? Очень уж не хотелось им проводить такое собрание без Бориса, которого они уважали не только как начальника цеха, но, прежде всего, как старшего товарища, советчика, друга.

Борис приехал во второй половине дня. Не заходя домой, прямо со станции направился в мастер-

ские. Что-то там?

Но в цехе было все в порядке. Только сами ребята были какими-то особенными, торжественно настроенными, будто в ожидании праздника. Михаил Тырышкин подал ему исписанный листок:

— Просмотри обязательства.

И вот конец рабочего дня. Ребята рассаживаются где придется: на верстаках, табуретках, металлических каркасах монтируемых щитов. Кое-кто еще складывает инструмент, прибирает обрезки проводов, обрывки изоляционной ленты или умывается у рукомойника.

В центре небольшой группы, крепко сжав газету, стоит белолицый, с легким румянцем на щеках, среднего роста паренек. Он то и дело откидывает ручкой непокорные кудри цвета спелой пшеницы. Это Николай Малыхин, комсорг. Необычно громким от волнения голосом он читает:

«...Сегодня в замыслах народных,
В рабочих душах и сердцах
Приобретает тот субботник
Иную ширь, иной размах.
Ему простора больше надо,
И он, вздымая комсомол,
В коммунистических бригадах
Своих наследников нашел...»

— А ведь это про нас, ей-богу, про нас написано! — перебивает Николая звонкий голос.

— Ты еще дотянись до коммунистической бригады, а потом лезь в наследники...

— Товарищи, прошу тише, — остановил Николай спорщиков. — Все собрались, давайте начинать собрание...

На этот раз и собрание шло необычно. Президиум, конечно, избрали. Но докладчика не было. Вместо доклада прочитали вслух короткую передовицу из «Комсомольской правды» под заголовком «Как завещал Ильич».

С затаенным дыханием слушали о неограниченном значении первых коммунистических субботников. В память врезались слова:

«...Вся наша молодежь желает успеха наследникам и продолжателям великого ленинского почина, участникам бригад коммунистического труда! Пусть ширятся и крепнут их ряды, пусть крепнет и побеждает коммунистический труд — величайшая сила современности!».

Разговор был серьезным.

— Все вы, вероятно, моложе меня, — сказал Василий Васильевич и обвел взглядом собрание. — Но я доволен, что работаю вместе с вами, в таком дружном, спаянном коллективе...

И каждый мысленно оглянулся на минувшие два

года. Да, они прошли хороший путь... Были ли трудности? Конечно, были, и еще какие! Но это были трудности роста. И преодолели они их сообща, заботливо помогая друг другу. Поэтому, может, и не было вывихов, никто серьезно не оступился. За два года в бригаде никто не прогулял, не опоздал, никто не получил ни одного взыскания. Нет этих явлений в цехе. И не должно быть!..

— Нас объединяет сознательное отношение к труду, любовь к своему делу. Но... — ребята невольно насторожились, — теперь перед нами иная задача, куда сложнее. Давайте-ка прикинем, можем ли мы сегодня претендовать на такое звание или нет?

Василий Васильевич выжидающе смолк. В комнате зашептались. Высказать свое мнение, однако, никто не решался.

— И да, и нет, — продолжал мастер. — Не переоценивая наших сил, скажу, с работой справляемся. А вот что касается других заповедей... тут хромее. Кто может похвалиться, что знает родную литературу, музыку?.. Немногие.

— Да универсалы мы, что ли?!

— Вот-вот... Об этом-то и разговор... Не все еще понимают значение культуры. И это потому, что мы мало заботились о своем росте. А теперь придется наверстывать. Наша бригада, например, уже решила: каждый будет учиться, пополнять личную библиотеку...

— Книг и мы накупим, — пробасил кто-то в дальнем углу.

— Я моложе всех в цехе, — заявила профторг конструктор Галина Нехаева. — Но мне тоже не хочется отставать от вас, отставать от движения, которое ведет в светлое завтра... И ту работу, которую я делаю, и общественное поручение — ваше большое доверие — я... — Галина от волнения запнулась, на ее щеках выступил румянец, — буду, честное комсомольское, выполнять так, как выполняю наши старшие товарищи-коммунисты.

Когда каждый, кто хотел высказаться, поделился своими мыслями, поднялся Борис Шушпанников:

— Коммунизм — не за горами! Его черты уже зримо встают перед нами. Ярок, неугасим свет ленинских идей, преобразующих жизнь на земле. Неугасимо и наше желание овладеть в труде, учебе, быту нормами людей коммунистического общества.

Емкие, знакомые с детства слова приобретали иной, более глубокий и конкретный смысл.

— Наладчики цеха вступают в соревнование за звание коллектива коммунистического труда и обязуются:

В 1959 году произвести на шахтах Киселевска наладку 50 стационарных установок. Автоматизировать 10 установок и дать за счет освобождения рабочих

от малопроизводительного труда полмиллиона рублей экономии.

Шушпанников оторвал взгляд от листка и посмотрел испытующе на сидевших перед ним ребят. Пункт был не из легких. Как-то они воспримут? Вот Николай Малахихин, облокотившись на станок, торопливо подсчитывает что-то на клочке бумаги. Дотошный парень... У Владимира Попова такое восторженное выражение лица, что ему кажется все нипочем. А два друга, два Николая — Муравский и Пьянов, как всегда, о чем-то спорят между собой...

— ...В честь исторического XXI съезда КПСС, — продолжал Борис, — автоматизировать компрессорную установку на шахте № 13. Каждый член коллектива обязан овладеть второй профессией, подавать рационализаторские предложения, повышать производительность труда и добиться того, чтобы выполнять сменное задание за 6 часов.

К 1965 году всем закончить среднее и среднетехническое образование. Не иметь нарушений трудовой дисциплины, по-коммунистически вести себя в быту...

Вот и все. Давайте, друзья, обсудим.

В цехе наступила тишина. Минуту, другую длилось молчание, а потом, перебивая один другого, сразу заговорили несколько человек.

— По порядку, по порядку, — поднял руку председатель.

— Мне слово дай, — поднялся Муравский. — Не зарвемся ли?.. Если по-честному... обязательства — несложные. Но дадут ли нам аппаратуру на десять установок? Меня сомнение берет.

— А ты поменьше сомневайся. Побольше на снабженцев нажимай, — посоветовал Зубарев.

— Меня не это беспокоит, — сказал Малахихин. — Все вы знаете, сколько мы со скиповым подъемом мучаемся. Три месяца искали только подходящую электронную лампу, сколько схем переделывали... Успеем ли к съезду автоматизировать компрессор? Для нас это новое дело.

— Все это верно. Но трудностей бояться не следует, — вмешался в разговор Петухов.

Не торопясь, придирчиво, строчку за строчкой, обсуждали наладчики новое обязательство.

Когда все высказались, Малахихин предложил проголосовать за коммунистические обязательства. Дружно поднялись десятки рук.

— Единогласно! — подвел итог Николай этому поворотному в их жизни, надолго запомнившемуся собранию.

...Над городом стояла сухая морозная ночь. Цепочки бегущих в небо огней на терриконах отдаленных шахт сливались с мерцающими звездами. С ближнего переезда доносились резкие звонки-сиг-

налы, где-то нетерпеливо перекликались гудками паровозы.

Они шли по улице веселой, шумной ватагой. И вдруг, как птица, взметнулась песня, задорная и звонкая. Она ширилась, крепла, подхваченная сильными голосами...

Расстались за полночь. Их ждало утро нового дня.

ПЕРВЫЕ КУЗБАССКИЕ

БЮРО Кемеровского областного комитета комсомола 29 ноября 1958 года присвоило трем молодежным коллективам, высокое, почетное звание коллективов коммунистического труда. Эта честь выпала сменам Виктора Резванцева с Кузнецкого металлургического комбината, Виктора Маркова с Кемеровского азотнотукового завода и коллективу наладочного цеха центральных электромеханических мастерских треста «Киселевскуголь».

У доброй вести — быстрые крылья. На другой день об этом событии знал весь Кузбасс. Шахтеры, машиностроители, железнодорожники, люди самых различных профессий Киселевска гордились тем, что в числе первых трех кузбасских коллективов коммунистического труда есть и их земляки. Особую радость и гордость испытывали рабочие центральных электромеханических мастерских. Ведь это были не только их земляки, но и друзья.

...Для самих наладчиков эта вест была неожиданной.

Василий Васильевич с Николаем Муравским и Михаилом Гордеевым были в шахте. Занятые у главного водоотлива, они не замечали, как бежало время. Вдруг из темноты штрека донесся голос:

— Эй, вы, автоматчики! К телефону...

— Сейчас, слышим, — отозвался Петухов.

— Срочно требуют...

— Что еще такое, — пробурчал Василий Васильевич и, не прерывая работу, сказал:

— Сбегай-ка, Михаил, узнай...

Звонила Галина Нехаева.

— Кто? Ты, Миша? Слушай, радость-то какая, — в трубке что-то затрещало, зашумело, далекий девичий голос пропал. Михаил нетерпеливо подул в микрофон:

— Алло! Алло! Галинка... Вот теперь слышно... Что от работы отрываете? Че-го-о!? Не может быть! Брось шутить...

— Ей-богу, Миша! Честное комсомольское! Только из треста позвонили...

По лицу Михаила расплылась блаженная улыбка. Широко открытыми глазами он уставился на дежурного, потом, ни слова не говоря, рывком обхватил его, приподнял и закружился на месте.

— Какой же ты хороший!..

— Ты что, сдурел, бугай! Или подвыпил? — старался вырваться из крепких объятий немолодой шахтер. Гордеев выпустил его и опрометью бросился к товарищам.

— Тьфу! Непутевый какой-то... — возмутился дежурный. — И с чего бы это он?

...По Киселевску идет человек. Просто одетый, ничем не выделяющийся. Такой, как сотни других. В резиновых сапогах, телогрейке. Но прислушайтесь, о ком говорят в городе? По кому равняют людей?

Это по ним — Василию Васильевичу, Николаю Пьянову, Юрию Малинину — внешне ничем не примечательным рядовым коллектива коммунистического труда. Это они несут основное — свет завтрашнего дня!

Коллектив молодых наладчиков воспринял высокое звание как аванс за будущие дела и продолжал жить напряженной, полнокровной жизнью, преодолевая трудности роста.

Несколько месяцев — сравнительно небольшой срок, чтобы судить о каких-то глубоких изменениях. Ведь этот коллектив не первый год идет в ногу с передовиками.

И все-таки каждый день приносит новое. Пусть это ростки, пока очень маленькие, но завтра они дадут благодатный урожай.

...Это утро на всю жизнь запомнится слесарю Петру Павловичу Кравчуку. Как обычно, он пришел на работу чуть раньше. И, не дожидаясь бригадира, вышел в крытый двор, стал мастерить ящик для панелей.

За несколько минут до начала работы в дверь высунулся электрослесарь Николай Ануфриев и попросил его зайти в цех.

«Что там такое приключилось?» — подумал Петр Павлович и отложил в сторону согнутый лист железа.

В цехе все уже были в сборе. И когда он переступил порог, к нему обратились все взгляды. Кравчук не понимал, в чем дело. Ему было явно не по себе.

Навстречу шагнул вдруг автогенщик Владимир Япс.

— Разрешите, дорогой Петр Павлович, поздравить вас с днем рождения, — и крепко пожал руку.

— А это вам подарок... от всех нас, — и электросварщик Иван Матвейчук преподнес часы.

Петр Павлович растерялся. Растроганный, он не знал, что сказать, как поступить — за сорок с лишним лет такое случилось впервые.

По-иному пришлось отмечать коллективу день рождения Юрия Малинина. Ему не повезло — острый на язык, веселый шофер бывшей «Коломбины» заболел и не явился на работу. Вечером к нему на

дом направились Минаев, Пьянов и Муравский. К ним присоединились Матвейчук с Бочкаревым, недавно поступившие в цех. «Делегация» застала Юрия в постели.

— Что же ты подкачал, старина?... Да еще в такой день!

— Ремонтник прописали...

— А мы вот тут инструмент тебе принесли, — и подали сверток.

Малинин развернул его и, довольный, улыбнулся: «Ну, спасибо! Догадались... Давно о такой мечтал».

— Теперь уж небритым в цех не придешь...

Друзья рассказали о новостях, поинтересовались, не нужно ли чего, и, чтобы не утомлять больного товарища, вскоре ушли.

Чем выше поднимаешься, тем дальше видишь. Так и у молодых наладчиков с каждым днем расширяется горизонт, увеличиваются и крепнут связи. Они завязали хорошую дружбу с работниками городской библиотеки, Дома культуры угольщиков, школами. Сегодня они рассказывают о своих производственных успехах и жизни бригад, которые соревнуются за звание коллективов коммунистического труда, завтра идут на комсомольское собрание к выпускникам, принимают гостей...

Находят они время и для того, чтобы повеселиться, отдохнуть. Если вы зайдете вечером в клуб строителей, то обязательно встретите там заядлых танцоров Михаила Берестова и Виталия Резникова, а в струнном оркестре — Петра Павловича Кравчука. Он тоже не хочет отставать от молодежи. Ну, а доведется послушать хор, знайте — ведущие голоса принадлежат Юрию Малинину и Николаю Попову, которого по-дружески, в память о его службе на флоте, называют «морской душой».

РАЗМОЛВКА СО СТАРЫМИ «ДРУЗЬЯМИ»

КОНЧИЛАСЬ смена, опустел цех, а в дальнем углу, примостившись у верстака, сидят двое. Сухощавый, с тонкими подвижными чертами лица, черными горячими глазами под низко надвинутым козырьком засаленной кепки — мастер Ковалев. А рядом, сдвинув редкие светлые брови, — молодой токарь Валентин Домбровский. Слушая Ковалева, он нервно теребит в руках шапку и время от времени виновато покачивает головой. Нелегкий, видно, идет разговор.

Домбровский в этом коллективе совсем недавно. Работаящий, скромный, заядлый шахматист, участник художественной самодеятельности, он как-то сразу сдружился с ребятами. И все радовались, что в их семью вошел этот общительный рабочий с машиностроительного завода. Домбровский быстро освоился с новым делом, часто шутил, рассказывал о своей маленькой дочурке.

Но однажды Валентин пришел в цех подавленным, чем-то сильно расстроенным. Работа у него в этот день не ладилась, все валилось из рук — сразу было заметно, что у человека случилось что-то.

И вот теперь они ведут откровенный мужской разговор. У Домбровского действительно большая беда — неладно стало в семье.

— Нет, не понимаю вас! И чего вы горячитесь? На мелочи размениваете жизнь. Пойми, Валентин, счастье надо уметь беречь, и беречь смолоду!

Ковалев поднялся, сделал несколько шагов, резко повернулся и снова заговорил:

— Жизнь прожить, дорогой, не поле перейти. Оступиться просто — подняться куда труднее. Вот я о себе расскажу, — Ковалев сел, придвинулся к Домбровскому, положил ему руку на колено.

— Думаешь, все гладко с Дусей у меня было? Ошибаешься. Сейчас даже и вспоминать неприятно. Завелись у меня дружки, ну, и как водится, после полочки заглянем бывало... обмыть. Один раз, другой, третий, и повело... сам не заметил, как с дороги свернул. Жене, конечно, горько, сердчает, резанет правду в глаза, а мне не понравится. Слово за слово — и разойдемся в разные углы. Не знаю, чем бы все это кончилось, да на счастье попал вот сюда. Ты сам видишь, какой тут коллектив.

Мастер вынул пачку «Беломора», закурил, глубоко затянулся несколько раз кряду, продолжал:

— Вот тут-то я и задумался. Люди вроде такие же, а живут иначе, интереснее. О книгах спорят, ходят в клуб, учатся, а как работают? Творят! Нет, думаю, держаться за этот коллектив надо. Ну, конечно, и крепился. А как-то подходит ко мне Галинка... Нехаева и два билета в кино предлагает. Звоню Дусе... Так и так, мол, говорю, вечером в клуб пойдем, приготовься.

Чувствую, она отвечает взволнованно, радостно. Видно, затронуло. Давно мы вместе с ней нигде не бывали.

Как раз полочка была. Дай зайду, подарок куплю. И как на грех у проходной дружки навстречу.

Пошли расспросы, разговоры. А потом — обычная песня. Обмыть, дескать, надо новую работу...

Ковалев смял окурочку, посмотрел на притихшего Валентина.

— Не знаю, как бы ты поступил в этом случае... А я пошел с ними... Неудобно было как-то отказываться. И вот налили рюмки... Предлагают тост за дружбу. Выпили. Наполняют вторично. Я сижу, а голову мысль сверлит: «Хорош подарочек, нечего сказать». И представил, что будет, если заявлюсь в бригаду тепленьким. Как бы глянул в глаза товарищам?

Отставил я рюмку и... поднялся. «Хватит, мол, с меня... не могу».

— Ты что? Откалываешься? Общество наше не нравится?

— Он в ангелы записался... Ха... ха...

— Если ты в коммунистической бригаде, так и хвост трубой? Подумаешь!..

Я пытался им об'яснить, рассказать, почему не могу по-прежнему жить. Но, к сожалению, они не поняли. Так я и ушел..

В тот вечер я почувствовал, будто свалил с плеч тяжелый груз. Больше мы не встречались...

Рассказчик замолк. Минуту-другую они сидели молча. Потом Ковалев поднялся. Встал и Валентин Домбровский. Продолжая мять в руках шапку, молча. Володой рабочий несмело взглянул в лицо мастера.

— Спасибо за добрый совет... Я подумаю...

НА НОВЫЕ РУБЕЖИ

ПОЖАЛУЙ, всякий очерк, написанный о конкретных людях и их делах, не может обойтись без цифр. В них концентрируется труд коллектива, ретрастируются успехи и просчеты.

На шахтах «Дальние горы» и № 4-6 автоматизированы подъемные установки канатной бесконечной откатки. Стоимость оборудования, материалов, монтажа обошлась в 30 тысяч рублей. А шахты получили за один год от этого экономическую выгоду в 150 тысяч. Здесь учтена экономия только по заработной плате. Помимо высвобождения людей, занятых непроизводительным трудом, автоматизация принесла предприятиям и другую пользу.

Вспомним, как было раньше. Увидит откатчица, что вагонетка сходит с рельсов, а предотвратить этого не может. Пока перезванивается с машинистом под'ема, а тот узнает обстановку на верхней площадке, — проходит не одна минута. В результате — «забур», остановка всей линии и длительный простой.

Иное дело теперь. Обязанности машиниста выполняют автоматические приборы. Откатчица, если необходимо, в любую минуту и с любого места может сама остановить поток. «Умные» реле не позволяют и ошибиться — при малейшем перегрузе стального троса раздается предупредительный гудок. А достаточно прицепить лишнюю вагонетку с углем, как линия замирает — авария предотвращается без вмешательства человека.

В минувшем году были переведены на автоматическое управление 8 водоотливов, вентилятор глав-

ного проветривания, 9 калориферных установок.

Сто сорок человек, которые занимались только тем, что включали и выключали моторы, смогли перейти в забои, цехи, на подземный транспорт. Предприятия треста сберегли на этом почти пол-миллиона рублей.

И еще один итог.

С легкой руки киселевцев отряды энтузиастов автоматизации возникли в Прокопьевске и Анжеро-Судженске, Сталинске и Белове, Кемерове и Осинниках — на всех рудниках Кузнецкого бассейна.

И не беда, что у инициаторов появились сильные соперники, которые уже вырываются вперед. Начальник комбината «Кузбассуголь» пристально наблюдая за своими питомцами, одобрительно говорит о делах прокопьевских автоматизаторов. За соседями ревниво следят Борис Шушпанников и его товарищи. Они радуются их успехам, но первенства не думают уступать! И очень хорошо, что борьба разгорается, увлекает новых бойцов труда, перерастает в массовое соревнование.

Когда в историческом зале Кремля обсуждался грандиозный план, когда лучшие посланцы партии и народа определяли новые рубежи, в далеком сибирском городе шахтеров обсуждали свой скромный план.

Коллектив наладчиков решил пересмотреть свои прежние обязательства, внести в них существенную поправку. Они давали слово автоматизировать 10 стационарных установок в 1959 году. А сейчас взяли за 35! Экономический эффект, по первоначальным расчетам, исчислялся полумиллионом рублей. Теперь он должен возрасти в три раза! Таков будет их вклад в первый год великой семилетки.

Мы хотели сделать эту главу заключительной. Но разве можно поставить точку, если жизнь стремительно идет вперед, если шахта, о которой так страстно мечтают молодые романтики, еще строится? Не одну тропку проложили к ней разведчики, не один трудный перевал перешагнули, чтобы приблизиться к цели.

Один ручеек остается ручейком. А если их много, они, сливаясь, образуют широкую полноводную реку. Если еще вчера усилия энтузиастов автоматизации направлялись на отдельные агрегаты, машины, механизмы, то сейчас на очереди предприятия. Комплексная автоматизация — конкретное, неотложное дело сегодняшнего дня, разведка в завтрашний день семилетки.

Валентин МАХАЛОВ родился в 1933 г. в Горьком. Работал слесарем-автомобриком Горьковского автозавода, затем переехал на Камчатку. Здесь закончил десятилетку, учился во Владивостокском высшем мореходном училище, затем в Ленинградском университете. С дипломом журналиста в 1958 г. приехал в Кемерово и работает в редакции газеты «Кузбасс».

Стихи В. Махалова печатались в ленинградской газете «Смена» и журналах. Сейчас готовится к изданию первый сборник стихов В. Махалова.

РОССИЯ

Где гнезда грачей,
Словно шапки черкесьи,
Развешаны в рощах
По горьким осинам,
Там детство мое
Под хорошую песню
В руках материнских
Качала Россия...
Летела годовз
Быстрокрылая стая
Навстречу ветрам
И тревогам навстречу...
Но песня осталась

Большая,
Простая,
Меня согревая
Теплом человеческим.
Россия!
За счастье великое это
Я буду
Тебе благодарным навеки
Я, может, не стану
Хорошим поэтом,
Но знаю, что буду
Всегда человеком.

НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ

Мы шли навстречу колючему ветру
В когтистых объятьях косматой

Назавтра — нас встретили снова

метели.

Нам дорого стоили пять километров
От смерти в горах до теплой

Ветра похоронные песни пели.
И снова мы шли упрямо и гордо
К помеченной точкой на карте

постели.

Но мы пришли, и седой геолог
Пил кипятки, обжигая губы...
Когда б не его суровая школа,
То многим пришлось лежать в снегу

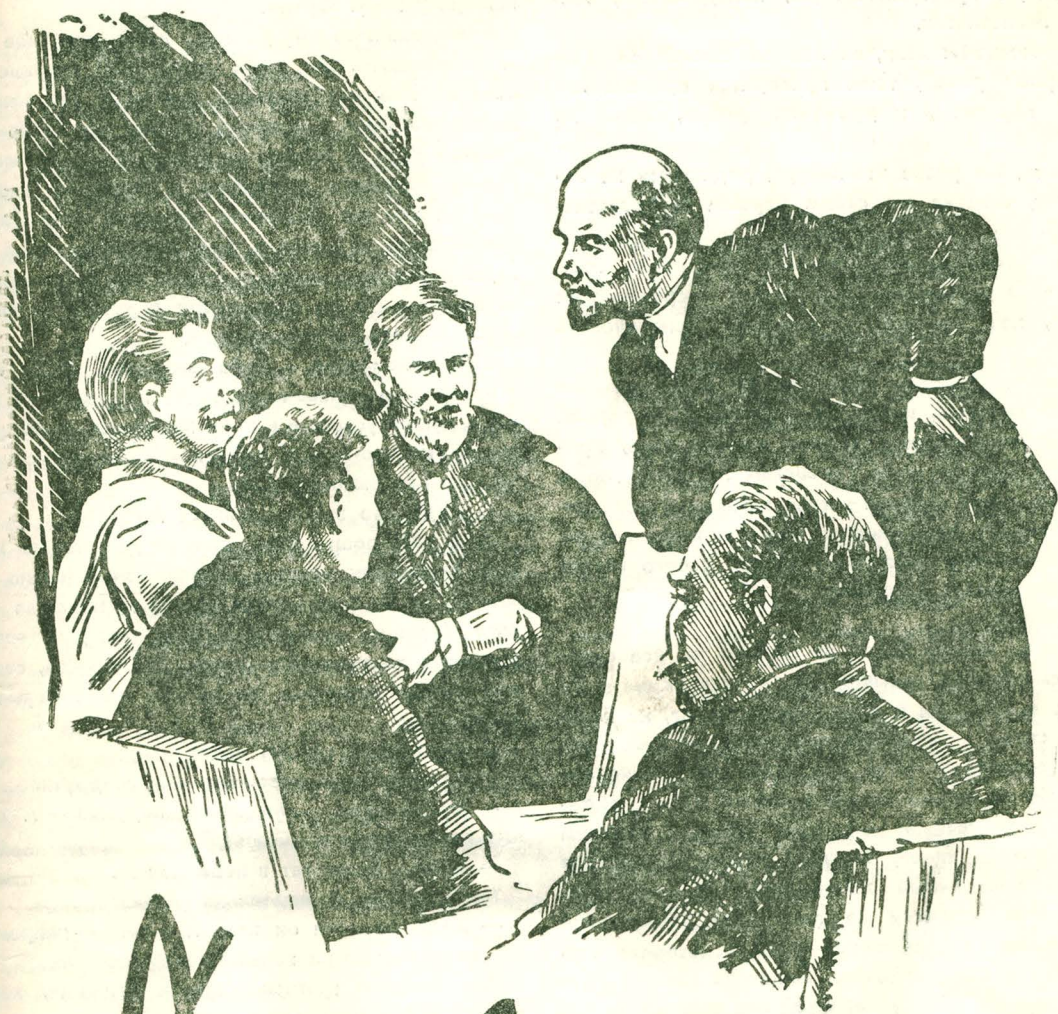
А память об этом оставит немного
В короткой записи дневника —
Строку, тяжелую, как дорога,
Дорогу, трудную, как строка.

ПОЖАР

Огонь сначала шел лениво,
Как сытый конь, хлеба жевал.
Потом тряхнул косматой гривой
И на дыбы свирепо встал.
И было зарево в полнеба.
Гудок прерывисто дрожал...
А в беспокойном море хлеба
Плясал взбесившийся пожар.
Багряный ответ красил лица.
Спешила ночь на смену дня...
И трактор шел через пшеницу
В сплошное месиво огня.
Он подминал огонь под траки.
Он не давал вставать ему.
Казалось, задохнется трактор

В густом, удушливом дыму...
...Был через час пожар потушен.
И ветер дым угнал с полей.
А трактор стыл тяжелой тушей
На черной, выжженной земле.
Был серп луны предельно сточен.
Морозных звезд блестела сыпь...
Наутро — ровно десять строчек
Блеснут с газетной полосы
О том, что хлеб спасен. Что
люди...
Затем фамилий строгий ряд...
А завтра — день обычным будет
В колхозе «Новая заря».

А. Волошин

Дороги зовут

Повесть

Для того чтобы этой светлой реке проложить себе трудный, стремительный путь через тайгу, через скалистые, неприступные горы, понадобились, очевидно, тысячелетия.

Человеческой жизни, во многом схожей со светлой горной рекой, тоже приходится одолевать и крутые перепады, и дремучие дебри, хотя, по сравнению с тысячелетиями, жизнь человеческая — мгновение. Но разве кто-нибудь, родившись на белый свет, огласив его своим первым требовательным криком, или уже потом, гораздо позднее, впервые залюбовавшись теплыми просторами земли, часто задумывается над такими несравнимыми вещами, как вечность и короткая человеческая жизнь?

Андрейке Суворову тоже пока не было никакого дела до вечности, когда он остановился у родной таежной реки. Солнце вот-вот должно было пробрызнуть золотом из-за сиреневых лесистых гор, с широкого плеса подувал легкий ветерок, у ног шептался зеленый подмаринник, какая-то птица совсем рядом хлопотала спозаранку вокруг своего гнезда и все спрашивала Андрейку:

— Чьи вы?

Андрейка ничего будто не слышал, он все смотрел и смотрел на дальние, чуть проступавшие в утреннем свете горы и ждал, когда оттуда, из неведомых стран, с океанских просторов, на него прольется солнечное тепло. Он ждал уже несколько минут. Потом решил посидеть, свесив ноги с обрыва. Снял заплечную холщевую сумку с горячим еще караваем хлеба, тоскливо глянул на юг, где остались притаженный захолустный городок, тихая улочка, покосившийся на один угол бревенчатый пятистенник, на деревянном крыльце которого всего час тому назад тихонько заплакала дальняя одинокая родственница и перекрестила его, Андрейку, когда он бодрым шагом вышел за голубенькую калитку.

Все было позади у Андрейки, как во всякой правдивой жизни: и удивительные сказки вперемежку с мечтами о новых штанах, и песни со слезами, и невозвратные потери на земле, но такого, как вот в это летнее утро, — чтобы он вдруг оторвался от родного угла, — такого еще не было. Может, поэтому и ходило под сердцем, словно до самых его глубин проникал ветерок с речного студеного плеса.

А вон и солнце! Вон оно как тихо-тихо позолотило гребень далекого Тигер-Тыза, вон как его лучи цыплячьей желтизной отозвались на ребристых

склонах вечно снежных вершин всех Поднебесных зубьев. И сразу по-новому, чуть незнакомо запахло цветами иван-чая, росной полевой ромашкой. А потом, вдруг с невообразимой высоты, казалось, из самых глубин бездонного утреннего неба раздался призывный клекот. Андрейка поднял лицо к розовеющему небу. Орлик!

И вспомнилось ему давнее... даже если тебе всего шестнадцать лет, если жизнь тебя впервые вела на свои необозримые просторы, все равно — давно это было — оглянись только да припомни... Закинув руки за голову, он лежал тогда на зеленом берегу Большого Берчикуля и бездумно смотрел вот в такое же розоватое утреннее небо. Рядом, покрхтывая от холода, дед Степан выжимал мокрые посконные штаны — только что поставили сети на линька и по недосмотру Андрейки чуток зачерпнули воды в плоскодонку.

Смотрел-смотрел в небо Андрейка, будто плыл в неведомые страны-государства и, может, не ушами, а душой услышал в небе гортанный клекот, словно позвал кто-то его, Андрейку, на неизвестном языке в самую высокую высь.

— Деда, кто это! — удивился Андрейка.

— А тебе пошто надо знать! — дед поднял жидкую бородавку встречь солнцу, немедленно же звонко, не по-стариковски чихнул и, подвигав сердито бровями, сообщил: — Орел, видишь, солнце встречает да подружку кличет. Он, видишь, солнышко заходя встречает, не то что мы, которые на земле.

— А живет-то он где, деда?

— А живет он в небе, там ему сподручнее...

— Ну, а если... — Андрейка подумал. — А если ему придет пора помирать?

— А он и помирает в небе. Так-то.

Тут Андрейка окончательно удивился:

— Деда, но если он помрет в небе — непременно же грохнется на землю! Разобьется же!

Дед сердито тряхнул серыми штанами, потом серьезно, как взрослому, ответил:

— А видишь, паря, орлу это нипочем. Он в небе прожил лет, может, с полтыщи, в небе умер на самом солнышке, а остальное его не касается. Так-то, паря...

И еще в этот час почему-то вспомнил Андрейка другой — не летний, а студеный январский вечер...

Жили тогда в пристанционном селе Каргат, что в сотне километров на запад от Новосибирска. По ночам станция освещалась единственным газовым фонарем, об устройстве которого среди ребятишек ходили самые фантастические слухи, потому что электричество — это целая электростанция, машины, всякая проволока, а тут на тебе, висит фонарь сам по себе, шипит, горит в любую погоду.

Помнятся еще минуты остановки дальневосточных и московских поездов, прерывистое пыхтение единственного маневрового паровозика с длинной трубой, деревянный горбатый мост через мелководную, но рыбную речушку и приземистую школу на крутом глинистом взлобке.

Жили в землянке вдвоем: дед — Степан Данилович Скворцов, лет так под семьдесят, бабка еще — Ольга Тимофеевна, да он — Андрейка. Отец не вернулся из партизанской армии геройского командира Щетинкина, сложив свою головушку в монгольских степях, в борьбе с черным бароном Унгерном, а мать отдала богу душу в тысяча девятьсот двадцать втором голодном году, не одолев сыпного тифа.

Мать свою Андрейка помнил как следует быть, а отца, бывшего кольчугинского саночника и забойщика с шахты Николаевской — только чуть-чуть.

Дед работал сторожем в «Заготзерно», летом удил рыбенку в реке Каргат, помаленьку копался в огороде, подолгу беседовал с единственным машинистом единственного на станции газового фонаря, — мрачным, немногословным человеком с украинским выговором, как передавали по селу мальчишки, — пленным турком, еще с поза-позапрошлой русско-турецкой войны. А бабка иногда пекла шаньги на пополам с землянистой лебедой или просом и ежевечерне, в случае плохой погоды [ее мучил застарелый ревматизм] нудным, почти загробным голосом читала евангелие от какого-то по фамилии Матфея.

— И бысть мор, и бысть глад... — начинала она при свете семилинейной лампы, а когда рассказ о глде, море и царе Ироде достигал своего апогея, дед Степан поднимал свою лохматую голову с пестрой ситцевой подушки и увещательно произносил:

— Ма-ать, а мать! Ты бы кончала эту несусветную сплетню...

Бабка, как помнит Андрейка, испуганно крестилась и осторожно закрывала книжку-евангелие.

Приходили к деду стрелочник Афанасий, потом еще сторож раймага, которого называли все Ячменный корень — потому что он так ругался. А потом еще одноногий буденновец Яшка и еще тот самый бывший турецкий военнопленный, которого все в округе окрестили непонятным именем — Янычар. В такие вечера уже не дед и не Андрейка, а сама бабка резво пробиралась на печь и накрывалась с головой пестрым лоскутным одеялом, чтобы не слышать, о чем будут говорить «эти слуги антихристовы». Дед, обыкновенно, усмехался и пригласил антихристовых слуг за некрашенный стол.

Ели квашеную капусту с горячей парной картошкой, запивали огуречным рассолом, а случалось, и

стаканчиком очищенной политуры. И разговаривали обо всем-то, про все. У Андрейки даже дух захватывало: до того было интересно жить на свете. Вот появилась, например, на земле какая-то «Антанта» и начала писать наиглавнейшему, в нашем царстве-государстве Ленину ульти-ма-ту-мы! «Вот слово выдумали, гады!» — чесал в затылке стрелочник Афоня, а второй стрелочник и бывший турецкий гражданин тихонько, и явно по-русски, ругались. А потом еще о бывших воинах разговаривали, как, значит, пойдет полк в атаку да как дернет во всю глотку «ура»... или как одному унтер-офицеру голову оторвало, а он подхватил ее, да ну снова вперед!

Янычар неодобрительно выпячивал толстые красные губы, стрелочник Афанасий смешливо отмахивался, и разговор, к великому сожалению Андрейки, на некоторое время мелел. Но тут, обыкновенно, вступала в действие неиссякаемая память заслуженного буденновца Яшки. Стукнув деревянной ногой по шатким половицам, он обыкновенно начинал:

— А Семен Михайлович как выхватит саблюку, да как рубанет того белого генерала, ну как есть надвое развалил! Оба войска так и ахнули. Самому, значит, Ленину белые генералы жалобу написали: так и так, не по правилам твоей Буденный воюет! Во до чего передернуло сволочей!

Стрелочник Афанасий — большой знаток паровозного дела — тот разглаживал старорежимную, лопатой, бороду, просил:

— Ты, Данилыч, расскажи-ка заново, как ездил в Москву к самому Владимиру Ульянову-Ленину!

— Так ведь сказано-пересказано... — куражливомаясь дед. — И с памятью у меня что-то плоховато...

— О, Ленин!.. — грозил кому-то коричневым пальцем Янычар и, обращаясь к деду, требовал: — Давай, давай, батька!

— Обыкновенная история... — приступал дед к рассказу, и в это время даже бабка на печи высывала длинный нос из-под стеганого одеяла. — Работал я тогда в шахте — уголек рубал. Такое дело у нас на роду написано... И вот однажды вызывают меня, почитай, из забоя в самое шахтное управление. Так и так, говорят товарищи руководители, отправляем в Москву эшелон угля самому Ленину. Плохо у него с топливом. Назначаем тебя, как по-томственного каторжанина и шахтера, вместе с другими сопровождать наш сибирский уголек. Марка тому углю самая высокая, — пусть Владимир Ильич не сомневается. И скажи там еще товарищу Ленину, что в случае чего — поднажмем, а надо будет — еще раз поднажмем! Советской власти замерзнуть

не позволим. В Кузбассе, мол, советская власть на обе ноги встала нерушимо.

Собрались, значит, мы, поехали. А поезда в те годы ху-удо бегали: идет, идет да самочинно и остановится в чистом поле. Механик на чем свет стоит ругается, кондуктор ложится спать в кювете, а кочегар вынимает колоду картишек и просит нас, сопровождающих: «А ну, с кем перекинемся!»

Однако прибыли. «Ура, ура!» — кричали тогда железнодорожники на Рязанском вокзале: «Сибиряки! Вот это здорово! Ура, ура!» Потом мы пошли в самый Кремль к Владимиру Ильичу. Нам говорят:

— Подождать надо, идет заседание Совета Народных Комиссаров.

И несут нам чай в тонких стаканах, — без сахара, но не морковный, а настоящий китайский — вот куда уже дело в Республике повертывалось! Сидим мы, пьем чаек, разговариваем про заседание Народных Комиссаров, про буферную восточную республику и тут приходит в нашу комнату человек невысокого роста, в пиджаке, в жилетке и при галстукке...

— В жилетке! — переспрашивает стрелочник Афанасий.

— И при галстукке! — подтверждает дед Степан. — Ну, человек и человек — быстрый такой, глаза будто и ласковые и в одно время пронзительные, — а по портретам мы тогда плохо Ленина знали. Видишь, какое дело. Вышел, значит, он и сказал: «Здравствуйте...»

— И за ручку! — снова спрашивает Афанасий.

— Как есть со всеми! — дед рубит ладонью по столешнице. — А потом и говорит: «Товарищи, шахтеры из Сибири! Рад, очень рад... Прошу вас, пройдите ко мне, нам о многом нужно посоветоваться...»

Дальше Андрейка плохо запомнил рассказ деда дословно, но сама постановка встречи сибирских шахтеров с Лениным каждый раз оживала перед его глазами, когда он мысленно возвращался к тем далеким вечерам своего раннего детства.

...Ленин ходил по кабинету, слушал рассказы сибиряков, коротко переспрашивал, поглядывал в окно на Ивановскую площадь, всю в синеватых апрельских лужицах, — этак чуть-чуть прищурится, глянет в окно и скажет: — Вот как!

— Данилыч, ну как он с виду, обличье-то у него какое! — на чистейшем русском языке любопытствовал Янычар.

— Какое у него обличье!.. — дед долго вспоминал, осторожно поглаживая кончиками пальцев скобленную столешницу, будто книгу листал. — Он, видишь, живой, торопливый и так иной раз поглядит на тебя, что ты перед ним — насквозь открытый человек. Сел он, значит, к нам в кружок, облокотился на колено, оперся подбородком на ладонь и давай сызнова выпрашивать... Дотошно стал выпраши-

вать про дела на шахтах, про жизнь в Сибири, как она настраивается и отчего кое-где идет наперекос. А лицо у него, скажу вам, будто немного желтоватое, как у мужика, который недоспит, недоест.

При этой беседе дед Степан, запомнив шахтерский наказ, ответил Ильичу, что жизнь теперь в Сибири на обе ноги встала, что теперь ее не пошатнешь — и на шахтах, значит, и в деревне.

— И в деревне! — быстро переспросил Ленин.

— И в деревне, Владимир Ильич, — подтвердил дед. — Она ведь у нас сквозь партизанила супротив Колчака.

— А с хлебушком как!

Дед будто бы хотел бодро ответить: дескать, чего там, товарищ Ленин, мы, шахтеры, да и все прочие, которые становили советскую власть, проживем, в случае чего, но тут, глянув в глаза Владимиру Ильичу и угадав в их легком прищуре большое человеческое внимание, не сумел соврать. Вздыхнув, он признался:

— А с хлебушком у нас, Владимир Ильич, не туго. Туговато. У бедняка в деревне, который партизанил, откуда нынче хлеб, а кулак — он жметесь...

— Жметесь! — Ленин быстро так встал, лицо его сразу посуровело, и резче обозначились лучики морщин у глаз, когда он спросил: — Жметесь кулак! И что вы думаете делать, — ждать, пока он станет добренький к советской власти, к рабочему классу!

— Что делать!.. — задумчиво ответил один из делегатов. — Добреньким он не обернется к советской власти — она ему поперек горла стала... В таком разе, Владимир Ильич, кулака и тряхнуть слегка не грех за ради революции...

В глазах Ленина, глянувшего на шахтерского делегата, на мгновение будто вспыхнул озорной огонек, но тут же и погас, когда глава Советского государства серьезно спросил:

— Это ваше личное мнение, товарищ!

— Пошто же личное, — поддержал соседа дед Степан. — Нам теперь не до личностей, так весь рабочий люд, вся беднота думает, — трудов-то впереди во-она сколько, а без хлебушка куда денешься!

...И еще вспомнил Андрейка (и память эта молодая накрепко привязала, приковала его к родным, заповедным местам) — вспомнил он один январский вечер. Поздно уже было, и бабка, убрав картофельные мундиры со стола, успела даже развернуть книжку «от Матфея», но тут с улицы нагрянул суровый, неразговорчивый дед и, крепко взяв Андрейку за руку, сказал сухо:

— Одевайся. Пойдем. Ленина хоронить будем...

А идти было далеко — по извилистой Красноармейской, потом через железнодорожный переезд.

мимо раймага, который незадолго перед этим сожгли волчанские кулаки. И как нарочно, в тот раз разыгралась настоящая сибирская пурга, которой всегда, кажется, ни конца ни края, — и швыряла она в лицо, в глаза, в нос, за шиворот драного воротника пригоршни колючего снега.

Четыре вечерних часа по московскому времени — это восемь часов в Западной Сибири. На площади, во выюжной крутени, стояли молча, чего-то непонятного для Андрейки ждали тысячи замкнутых, настороженных людей. Красновато, нежарко отсвечивали мятущиеся на ветру костры. неуклюже поднималась посреди неровной площади наскоро сколоченная из неотесанных березовых жердей трибуна... А люди все стояли, — молча стояли — и отсветы редких костров выхватывали из снежного мрака то сосредоточенные в великой печали, то руку, сжимающую оборванное цевье трехлинейной винтовки, то буденновский шлем с распластанной на нем огромной звездой... Андрейке припомнились вдруг слова из многочисленных рассказов инвалида Якова: «А Семен Михайлович как выхватит из ножен саблю, да как рубанет!...»

Люди на площади, посреди необозримой сибирской снежной равнины молча ждали.

А потом далеко-далеко и пронзительно закричал-загоревал гудок паровой мельницы, в печке которой в восемнадцатом году белогвардейцы сожгли родного Андрейкиного дядю большевика Николая, потом, будто вынимая чью-то ни в чем не повинную душу, закричал на станции маневровый паровоз...

Красноармейцы из батальона всеобща по неслышной команде подняли свои победные революционные винтовки к бледным звездам, и поздний, выюжный сибирский вечер прорезал хлесткий воинский залп.

— Похоронили... — неразборчиво обронил дед Степан и сильно сжал Андрейкину руку.

Потом, возвращаясь домой, они долго шли, подгоняемые пургой, а когда миновали обуглившиеся остатки раймага, дед сказал:

— Вот как орлы умирают, Андрейка...

Так это все теперь вспомнилось на зеленом утреннем берегу.

А сверху, из розоватой небесной сини, по-прежнему, нет-нет да и слышался призывный орлиный клекот, и звал он Андрейку в дальнюю даль, на зеленые, на бурные просторы.

И, может, в этот раз, когда сидел он на крутом берегу и слушал орлиный клекот, созрели в его сердце ростки упрямого, почти взрослого стремления к такому счастью, чтобы все вокруг радугами сияло! Но как такого добиться, как стать средоточием радужного сияния!..

☆☆☆

Прошел этот трудный день, закатилось солнышко, потом оно снова взошло и закатилось, а паренек шестнадцати лет все шагал да шагал по крутым изгибам реки. Останавливался на пасаках, в брошенных зимовьях, подремывал у первого приглянувшегося куста, покрывшись от гнуса домотканым дорожным одеялом. Миновал два крупных старинных села. Справа канул в голубоватый июльской дымке невысокий Салтымаковский кряж. Основательно притомился. Решил передневать в протоке небольшой речушки, в полуверсте от неказистой, будто нежилой деревни.

Наловил на самоделку безотказных пузатых пещарей, сварил их в старом солдатском котелке, а хлеба в сумке — ни крошки. Беда на первый случай не велика, но очень уж захотелось пожевать хотя бы корочку. Решил попытать счастья в деревне.

Первая изба, с наполовину задранный камышовой крышей, притулилась как раз у околицы. На завалинке сидел, будто он старик, а будто не старик, чернобородый, в барикульских разношенных пимах и при суковатом березовом костыле.

— Здорово ночевали... — несмело приветствовал чернобородого Андрейка.

— Милс... прос... — неразборчиво буркнул тот и сразу отвернулся.

Андрейка проследил его внимательный взгляд и тут же, почувствовав слабость в коленях, присел на теплую завалинку.

Посреди широкой, почти неезженной улицы поднимался аршина на два сруб колодца с барабанным воротом, а саженьях в двадцати от него молча хлестались два широкоплечих русоволосых мужика — один в синей косоворотке без рукава, другой — в холщовой рубахе почти до колен и с начисто оторванным воротом.

— А Воронка со сбруей и борону все едино отдашь опчеству... — устало сказал боец в холщовой рубахе и с неожиданной силой ударил своего противника в скулу слева. — Вот тебе, язви те в бак...

Чернобородый на завалинке досадливо крикнул:

— Дурак, Степашка, неужто позабыл, что мишуха левша... Эи, как он его поддел!

Опрокинувшийся Степашка медленно привстал, задумчиво сплюнул красной слюной через плечо и, поднимаясь с четверенки, упрямо мотнул лохматой головой:

— Не... Воронка не дам, сбрую порублю, а коммуну твоей все едино не бывать на деревне, будь ты, холера, проклят!

И мужики снова бросились друг на друга. Андрейка, давно забыв о куске хлеба, ради которого

явился в эту распроклятую деревню, преодолев хрипоту в горле, спросил соседа по завалинке:

— Дядя, чего они взбесились?

— Пошто взбесились!.. — спокойно ответил чернобородый. — Это, паря, брательники Чугуновы колхоз организуют. Пять ден заседадо опчество на сборне: за колхоз—Мишуха Чугунов—со стороны сознательной голытьбы; со стороны заречных крепеньких—Степашка Чугунов. Они как есть всю жизнь друг супротив друга идут... Низовская братия—ужас какая голосистая, однако заречных и к нынешнему утру не перекричали, а трава в поле переставляется, руки до работы просятся. Разошлись мужики до время по избам, а Чугуновы, вишь, все преют, все обсуждают вопрос... — Чернобородый неторопко вынул кисет из цветных лоскутков и, свернув козью ножку из желтой оберточной бумаги, подытожил свои размышления: — Видать, скоро постановление вынесут, — вон как лупятся, хоть святых выноси... А не вынесут постановления, — он потряс березовым дрыном, — я им такую резолюцию наложу! Только держать их, сукиных сынов будет некому!

— А вы кто, дядя!

— А я председатель тоза...

— Это что такое!

— Вот и видно, что в политике не разбираешься, газет не читаешь, — упрекнул хозяин завалинки и тут же воскликнул: — Эх он его поддел!

На этот раз на полянке брат Степашка брата Мишуху поддел, а когда там положение снова уравновесилось, чернобородый дооб'яснил:

— Председатель товарищества по совместной обработке земли — вот кто я такой. А председатель Совета сельского больно, он от гражданских еще ран при смерти, и я его тоже временно замещаю... Поэтому и веду наблюдение за этими брательниками, — а они все не кончают, а мне скоро пора подлечить — потому брюхо у меня урослово...

— Дядя, так они же побьют друг дружку! — нетерпеливо дернулся Андрейка. — При чем ваше брюхо?

— А при том, выноша... — проговорила черная борода, — мне, вишь, надо жизнь на селе настраивать, а всякие такие прения осточертели. Они, Чугуновы, вишь, из чего хлобыщутся: из-за Воронка, бороны да сбруи, а у меня на селе сто девяносто душ и сто шестьдесят из них — беднота да голытьба... Как мне их в люди вывести? А! Я бы уже давно встрял в пренью на полянке и написал бы свою резолюцию, да ноги у меня не в своей воле: болят, сволочи, раненые еще алиферовской белой бандой, когда я за него гонялся по кузнецкой тайге...

Тут Андрейка и сам заметил, что ноги чернобородого, в разношенных барнаульских пимах, ни раз-

зу еще не шевельнулись. И то ли от этого, то ли от зверского зрелища на поляне, выиграло молодое и мощно Андрейкино сердце.

— Дядя, так я же их уйму! — воскликнул он и хищной походкой тронулся на боевую, порядком истоптанную полянку, не вняв негромкому оклику с завалинки:

— Эй, парень, остерегись!

...После этого он целую неделю отлеживался в однооконной избе председателя сельского тоза Макара Макарыча Прибыткова. Болели руки и ноги, медленно оплывали багровые синяки под глазами, екало постоянно под сердцем. Вечерами рядом с глинобитной лежанкой, на которой, укрывшись тулупом, зябко вздрагивал Андрейка Суворов, тихонько садился Макар Макарыч и неторопливо выкладывал сводку с фронта непримиримой классовой борьбы:

— Бабка Дуня Ларисовна, понимаешь, ошпарила сельсоветского кобеля. В колхоз записалось семь хозяйств. Чугуновы утресь обратно хлестались, а Мишухина баба зарядила берданку медвежьим законом... Поправляйся быстрее, ты парень рабочий, сознательный в классовых боях, — может, какую помощь окажешь мне по письменной части, а то я как есть малограмотный — даже печать постоянно вверх ногами ставлю. А писания мне впереди предстоит — двумя руками не огребешься: перво-наперво, понимаешь, предстоит занести на бумагу все имущество кулачков из Заречья, потом, значит, написать им сопроводилочку, а потом дать пинка под зад, чтобы, значит, катились...

— А Чугуновых тоже! — спросил однажды Андрейка.

— Чугуновых! Мишуху, который тебя разделал по шее, — того определяем, как вечного батрака, бригадиром при конном дворе, а Степашку, который поддал тебе по личности и который является эксплуататором бедноты, — того под зад!

К удивлению Андрейки, выздоравливал он чрезвычайно медленно. Были тому причиной его основательно помятые в первой классовой битве молодые косточки или, может быть, частенько заглядывавшая под хмурым кров Макара Макарыча Катерина Чугунова, единственная дочка зареченского кулака Степана Чугунова, сероглазая, с льняными косами, острая на язычок.

Сначала-то Андрейка удивился: как же так, Макар Макарыч и отец Катерины на ножах — на классовых ножах, — и в одно время дочка кулака запросто навещается и руководителю деревенской бедноты! Только уж потом он уразумел, что Катерина по мачехе приходилась какой-то племянницей дяде Макару.

Впервые увидев ее, Андрейка даже зажмурился:

уж не поместилось ли ему, не картинка ли это нарисована у темной притолки! Но «картинка» тут же приснула в загорелую ладошку и певуче, горланно спросила:

— Дядя Макар, этого, што ли, городского мальчика тятенька с дядей Мишей изувечили! Вот храбрый парень, что удумал-то: на двух сбеленившихся мужиков полез! На деревне все ну прямо животики надорвали!

— Вот советская власть на местах кое-кому исправит животики с пупка на хребет, — скрипуче отзывался председатель тоза из кути, где он готовил мешанку для единственного в своем бобыльем хозяйстве поросенка.

— Ты скажешь, дядя Макар! — снова приснула сероглазая. — Где она, твоя власть, если народ, прости господи, как скотину в один двор сгонять? Какая это власть, если мужики что ни день — бороды друг у друга рвут! Нету никакой власти — и все тут!

Она упрямо тряхнула косами, и, бойко шлепая босыми ногами по широким полозницам, прошла в куты. Андрейка, снова зажмурившись еще от неизведанной сладкой истомы, слышал, как там произошла новая короткая стычка.

— Дай-ка я замешаю, — сказала девушка, — а то ничегошеньки-то у тебя не выйдет, сказано: руки — грабли.

— А ты не суй нос не в свое дело! — огрызнулся Макар Макарыч. — Молоко на губах, а туда же, учить лезешь!

— Молоко на губах — это я, дядя Макар, давеча целый горшок выдула, — да холоднющего!.. — а потом громко, полупшепотом:

— А парнишка-то, дядя Макар, басенький, сразу видать — городских кровей...

— Вот и дура... — пробурчал Макар Макарыч. — Он что ни на есть потомственного шахтерского рода, а что жидковат на вид — это со временем обрзается. И нечего тебе тут ходить да зенки палить, — парень, видишь, сам не свой!

Но Катерина и на следующий и еще на следующий день приходила и «зенки палила». Макара Макарыча часто дома не было, и Андрейка волей-неволей оставался с русоголовой с глазу на глаз.

— Ну, че, шахтер, — начинала Катерина и, видать, только для проформы гремела посудой в кути, — стосковался в наших краях да и страху натерпелся, не приведи господи.

— Какого это страху! — супился Андрейка и спускал тощие бледные ноги с лежанки. — От кого страху натерпелся!

— А лупцовка, которую получил у колодца, — не страх? — вырастала Катерина перед парнем и совсем по-бабы упирала кулаки в бедра. — Мужики наши звероватые — не страх!

Андрейка неприязненно передергивал плечами и кривил губы в презрительной усмешке.

— Они звероватые потому, что глупые. Глупость — не страх.

— Ты смотри, какой грамотный! — всплескивала загорелыми ладонями Катерина и, как это случилось однажды в розовые сумерки, нечаянно присела у лежанки на обрубок лиственницы, застланный вытертой телячьей шкурой. Присела, пригорюнилась что-то, притихла. Свет из низенького окошка падал только на половину ее продолговатого чистого лица, и было с этой стороны лицо девочки неизъяснимо прекрасным, песенным, будто горел в нем где-то глубоко внутри огонек далекого и печального предвидения. А та сторона девичьего лица, на которую падала тень от полатей, почему-то испугала Андрейку — испугала необъяснимо, потому что была в ее выражении непреклонная решимость, и будто еще по этой теневой стороне пробегали судороги.

— Не мешай ты мне, — досадливо сказал Андрейка, стараясь пристроить конторскую, еще купеческую книгу так, чтобы Катерина не могла видеть его трудов. — Писать мне надо, дядя Макар наказал закончить к паужину, а ты...

Катерина будто не слышала, все еще таинственные тени пробегали, скользили по сумеречной стороне ее лица, все еще розово светилась другая щека и чуть подрагивали пухлые, слабо очерченные губы.

— Глупенький ты еще и задиристый, как молодой петух, — кукареку и то проголосить не может, а туда же — топорщится...

И вдруг вспыхнули в вечернем свете оба ее светлых глаза, вдруг отвердели губы. Она прижала ладони к девичьим остреньким грудям и глуховато проговорила:

— Ты прохожий, ты вот по наущению этого ирода Макарики, который приходится родным братальником моей мачехе, пишешь имена справных мужиков, кулаками которые прозываются... Будьте вы прокляты, — а у меня жизнь под корень! Я вон пляшу в хороводе, завожу с подружками песни на зорьке, — а жизнь у меня — вся под корень!

Она помолчала, будто дождалась, пока в окошке погаснет последний розоватый отсвет, а потом снова начала — успокоясь — думать-горевать вслух:

— Прижил меня тятенька с заезжей коробейной купчихой, а та возьми да помри. Взял тятенька Калерию Ивановну в дом. Смертным боем она меня била, пока я в силу не вошла, а как вошла — я ее со свету белого стала сживать!

И что-то торжествующее прозвучало в глуховатом, незвоном теперь голосе Катерины.

— Как сживать!!

— А так! В могилу загоняю! Потому что тятень-

ка от ее наущений зверь зверем стал... и пьет, и сказки похабные при мне рассказывает, а наемди... — серые глаза под светлыми льняными бровями стали вдруг жесткими, ненавидящими, — а наемди, когда тетка Калерия была в Свистуновке... он... полез ко мне... на полати.

И ни слезинки из этих глаз в минуту такого признания не выкатилось — глаза стали еще суше, ненавидящие. — Ну вот, прохожий молодец... такое признание я тебе сказала, не обессуди на плохом слове... мне, видишь, замуж нынче выходить. Пора моя горькая настала.

— Замуж! — не понял Андрейка Суворов и взросло, недоуменно выпрямился. — Куда замуж!

Девичий лик снова потемнел, может, оттого, что из-за околицы надвинулись в ту минуту душные синеватые сумерки.

— Куда положено... — сказала Катерина. — Сосватал меня зареченский Генка, бывший купецкий сынок. Полюбила его лютой любовью, и нет ему из моего сердца выхода. Стали о колхозах на селе говорить да стали кур тащить в общее хозяйство, стали мужики зареченские яриться, а пуще всех Генкин отец. Арестовали Прокопия Никодимовича. Тогда взъярился Генка. Ушел в тайгу, на Нижнюю Терсь, на Тайдон. Сельские Советы зорил с дружками. А прошлой ночью спалил Свистуновку. На эту ночь пожалует к нам. Дяде Макару первому головы не сносить а мне, видать, в эту ноченьку — замуж, такую весточку Генка подал через своего верного посыльного.

Наконец Андрейке удалось сомкнуть пересохшие, удивленно приоткрытые губы.

— Дура ты, Катерина!.. — озлобился он. — Черт-те какие сказки рассказываешь, будто я маленький. Отдвинься да зажги семилитровую. Скоро дядя Макар вернется, а у меня все не готов список самых зловредных...

— А я по какому номеру иду в том списке! — строго выпрямилась Катерина.

— А для тебя номера пока не нашлось.

— За што же такая милость с вашей стороны, прохожий шахтер!

Андрейка отмахнулся:

— Отстань. Никакой милости с моей стороны. Так дядя Макар сказал.

— Слушай-ка... — Андрейка увидел, как серые глаза, словно как две падучие звезды, стремительно наклонились к нему, услышал на своих губах горячее, парное дыхание, но Катерина тут же выпрямилась и с тоской попросила: — Уходи ты из деревни затемно, — ради истинного, уходи, — твоя да дяди Макара головушки первые упадут!

И может, не от страха перед тем, что его головушка безвинно упадет в эту ночь за околицей не-

ведомой сибирской деревни, а снова от неистребимой тоски по неизведанным земным просторам, на которых живут и добрые и непонятные, злые люди, — может, от этого Андрейка поздним вечером вышел за околицу, все еще прихрамывая, так и не раздобыв кусочка хлеба, зато свободный, как птица, не ведающий своего угла.

Он ночевал на ближнем горном увале. Наверное, перед самым рассветом какое-то непонятное беспокойство заставило его раскрыть утомленные глаза. Багровое зарево металось в низине, за недалекой околицей. Щелкнули два-три выстрела — будто прутиком ударили по пустой огуречной бочке, а потом опять бесшумно металось багровое зарево.

Андрейка долго сидел, сомкнув руки на согнутых коленях, — сидел и невидяще смотрел в свое недалекое прошлое, в свое будущее, как будто слышал слова Макара Макарыча о том, что делать с беднотой-голытьбой, что ноги его, «ранетые еще в гражданскую алиферовской бандой, не в своей воле», что так ли, сяк ли, а если новая жизнь зачалась на деревне — она все одолеет: и огонь, и медные трубы. Но какой же это жизнь восстанет из далекого багрового зарева?

На главную железную дорогу, неподалеку от Судженских копей, Андрейка вышел поздним дождливым вечером. Где-то далеко-далеко мигали и таяли бледные огоньки, но в сгущавшихся сумерках они казались такими приветливыми, теплыми, что у Андрейки от внезапного волнения зовуще, сладко заняло сердце. Сразу же за кюветом по-прежнему глуховато ворчала и постанывала черная тайга, но она уже не казалась такой неукротимой, необъятной, всепоглощающей — нет, тайга осталась позади, а впереди — рукой подать — все множилось и множилось огоньки, и сырой ветер доносил запахи дыма, человеческого жилья.

Переночевал на вокзале, притулившись в самом уголке, и всю ночь, несмотря на каменную усталость, не сомкнул глаз. В непрекращающемся рокоте человеческих голосов, в сотрясающем гуле проносившихся мимо поездов он чувствовал себя непривычно маленьким. И все же сердце нет-нет да и замирало от неясных надежд. Вот она, огромная, разноголосая жизнь, вот ее необозримые просторы. Куда хочешь трогайся Андрейка Суворов, — хоть на восток, хоть на бескрайний запад, а что есть до ломоты в суставах хочется, что денег ни копеечки, так какое это имеет значение: были бы люди вокруг, с ними не пропадешь, не потеряешься на бесконечных дорогах. Не знал пока, не ведал Андрейка, молодой житель земли из притаежного приискового поселка, что не только в тайге, но и среди людей можно вдруг оказаться в потемках, потеряться.

С первыми проблесками хмуровой зорьки он принял твердое решение: всеми силами, как было загадано, пробиваться на запад, в далекий и прекрасный город, знакомый только по звонким стихам Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

— Дядя, а что, поезда сегодня до Ленинграда будут! — с надеждой спросил Андрейка соседа по лавке, косматого мужчину, со смаком жующего толстенный кусок сала.

— Куда, куда!

— До Ленинграда.

— А тебе пошто в эку даль!

— Ну... — Андрейка приметно замялся. — Дело у меня там есть...

— Ха, де-ело... — мужик подозрительно осмотрел Андрейку и энергично пододвинул к себе пузатый сидор из домотканного холста. — Какое же у тебя там дело заимелось! Что-то по носу твоему не приметно, чтобы в Питере дела тебя заждались.

Андрейка хотел было обидеться, но раздумал и, заметив, как быстро исчезает кусок сала во рту неласкового собеседника, сглотнул слюну.

— Учиться хочу в Ленинграде... — впервые за долгий путь сказал он вслух о своей затаенной мечте.

— М-м... — Мужик, наконец, справился с салом, бережно стряхнул хлебные крошки с колен и, тоже отправив их в зевластый рот, полюбопытствовал: — А в какое учение, позволь спросить, определяться надумал, какую такую науку одолевать будешь!

— На капитана морского плавания, — смело ответил Андрейка. — Или на штурмана.

Мужик долго молчал, ковыряя в зубах толстым ногтем, потом соболезнующе покачал лохматой головой.

— Все, видишь, нынче в науку кинулись, все удумали по науке ерепениться, ликбезы вон по ликвидации повсеместно понатыкали — аз да буки твердят, а того в соображение не берут, что род человеческий испокон веков без букваря жил, — да как жил!.. Ха, на морского капитана! — осклабился он вдруг. — По сухопутью-то видно несподручно стало куролесить, несмотря, что выюноша... Ну-ну, паря, давай поплавай, похлебай соленой водицы, коли доведется... А поезд будет, хлэпец, как не быть, на

то она, железка, и проложена, холера бы ее побрала.

Андрейку мутило от голода. Чтобы не смотреть на сытое скуластое лицо соседа, он отвернулся. Но и справа от него тоже ели, и напротив ели. Потом он долго не мог оторвать взгляда от двух женщин — молоденькой, курносой, в цветастом полущалке и темной, с крючковатым носом старухи. Между ними стояла литровая бутылка, доверху наполненная золотистым, крупитчатым топленным маслом. Поочередно женщины опускали в горлышко палочку с узкой лопаточкой на конце, извлекали из бутылки крошечную горюшечку масла и намазывали его на длинные ломти черного ржаного хлеба. Ели молча, истова и громко дышали. Во рту Андрейки даже слюны больше не было, скулы у него заныли, и, невольно скрипнув зубами, он спрометью выскочил на улицу.

На прохладном воздухе стало как будто легче, но тут же у него мелькнула мысль: а что, если бы найти такую работу — на день, на два, не больше, — чтобы только вперед есть давали, а там бы он черта своротил. Но тут из-за пристанционных построек показался товаро-пассажирский поезд, и Андрейка устыдился своей слабости.

Поезд стоял на станции долго, и Андрейка так же долго вышагивал мимо вагонов, не стыдясь искалочно заглядывать в суровые, непреклонные лица проводников и проводниц. Наконец, нужно же было на что-то решиться, — он приблизился к низкорослому стражу у тамбура, — этот человек в форме почему-то показался наименее неприступным, — и охрипнувшим вдруг голосом проговорил:

— Товарищ проводник... будьте добры... не подвезете до Ленинграда!..

— Че-е-вой-то! — пропел на русский манер проводник и, очевидно, от усиленных размышлений, собрал темные морщины на квадратном лбу. — Кудай-то тебя подвезти!

— До Ленинграда, товарищ проводник...

— А соображение ты с собой захватил!

— Какое соображение!

— Посредством которого кумекают!

— Так я же не зайцем... я могу и работу какую-нибудь делать...

— Работу делать!.. Сами, мил-человек, без работы дохнем! — Он сплюнул под ноги Андрейке и хотел, видно, отвернуться, но что-то необычайное в глазах парня, скорее всего неприкрытая голодная тоска, смягчила вдруг его простое человеческое сердце. Он приблизился вплотную и голосом не служебным, а домашним, обыкновенным, стал выкладывать:

— Ты возьми в рассуждение, головушка зеленая: до Ленинграда пути не менее недели, — вон

сколько человек мытарства принимает и только за свои собственные денежки, а у тебя в кармане чего такое из аркане! Это первое. По второму пункту обратно неуязка, потому что наш серо-буро-малиновый — пересчитай версты, — следует только до Челябин. В третьем пункте еще такая заковыристая неуязка: посажу я тебя от доброй души, а там идет ревизор, а там главный, а там линейная милиция! А! К тому же, не пригодись у тебя справки или там чего такого — вдруг ты беглый? А!

Андрейка отвернулся, стараясь скрыть дрогнувшие губы, и проговорил почти шепотом:

— Нет... товарищ проводник... не беглый я... Учиться так хочется, дяденька.

— Вона что... — озадаченно протянул проводник и вдруг, очевидно, по наитию, чаще всего свойственному людям повседневного труда, тихонько присвистнул, воскликнул:

— Слушай парень, а ты сегодня ел-пил!

— Пил... — Андрейка стеснительно улыбнулся и кивнул в сторону водогрейки.

— А попросить чего ж, языка нет!

— Не умею... Мне бы вот поработать, а потом чтобы за это хлеба или картошки...

— Опять поработать! Да куда работа уйдет! Работа у тебя вся впереди, милый, от нее еще не один разочек косточки затрещат! Погоди секунду...

Необычайно быстро для своей низкорослой грузноватой стати он взбежал по ступенькам в тамбур, двинулся в сторону железную дверь и скрылся в каком-то чулане. А мало погодя снова появился и протянул Андрейке объемистый пакет из серой бумаги.

— Бери... Бери, говорят, чего руки прячешь! Не ворованный, своим угощаю. Ешь да думай, как дальше быть, — на то у тебя голова на плечах.

Паровоз засвистел фистулой, поезд расхлябанно тронулся, пассажиры засуетились, закричали, будто на пожаре...

И долго Андрейка стоял на опустевшем перроне, долго глядел на сероватый дымок уходящего в неведомую Челябину поезда. По-прежнему тоскливо рвалось его сердце в дальнюю дорогу, и он даже не заметил, как чуть потеплело на его сердце. А потом он сидел в пыльном пристанционном садике, ел эту железнодорожную добрую картошку и, не стыдясь ни солнечного света, ни прохожих, утирал тылом ладони молчаливые слезы на щеках.

Нелегко начиналась жизнь.

— Эх, что выкомаривает, з-заноза! — произнес кто-то весело рядом с Андрейкой. Он открыл глаза и недоумевающе оглянулся, не понимая еще, где он, кто это рассыпается неподалеку бисерным хохот-

ком! И только рассмотрев маленького человечка, здорово смахивающего на рыжего ежика с зелеными глазами, он вспомнил все. Человечек сидел на огромном некрашеном столе, свернув ноги калачиком и, подхохатывая, занимался, видать, каким-то своим, веселым делом.

Заметив, что Андрейка открыл глаза, он кивнул ему:

— Поднимайся, трафи-те, лежебока, на обед скоро. Как раз успеем разочка три-четыре сгонять рысачков. А уж резвы-то, резвы, з-занозы!

— Подь ты со своими рысачками... — Андрейка отвернулся лицом к серой оштукатуренной стене. — Сколько раз тебе говорили: не громоздись с грязными лапами на стол...

Не обратив на последнее замечание никакого внимания, рыженький предложил:

— Хочешь, я тебе своего рысачка дам! Только тогда на спор: выиграешь — полпорции второго! А!

— Отстань, Генка, со своими тараканами.

— Ну и ладно... — нехотя согласился тот. — Не хощь — не надо, видать, силой милому не быть...

Это философское умозаключение рассмешило Андрейку, он еле сдержался, чтобы не приснуть.

— Слушай, полководец Суворов, — заговорил тут же Генка, — забегала уборщица тетя Матрена и сказала, что шахтера нынче убило.

— Где! — Андрей сел на топчане.

— Знамо где, в шахте. Стукнуло по кумполу — и ваших нет, а наших не видно.

— Чего ж ты зубы скалишь по такому случаю! — упрекнул Андрей.

— А что ж мне, рыдать! Тут, парень, не нарыдаешься про всякого: нынче тебя, завтра меня. Обыкновенное дело. А жизнь идет, как сказал Александр Македонский-царь.

Сегодня они вдвоем дневалили по общежитию горпромуча — так называли школу горнопромышленного ученичества. Дел на дневальстве почти никаких, поэтому Андрейка подремывал, а Генка Распопов с увлечением занимался своей излюбленной тараканьей гоньбой, благо недостатка в тараканах не ощущалось.

Вот так, значит, и пошли Андрейкины дела — по дедовой, по отцовской шахтерской дороженьке. От судьбы, видно, не уйдешь, стороной ее не об'едешь. В мечтах-то, на своем далеком прииске он вон как высоко заносился, а земля-матушка возьми да и осадит его: стой, не в ту сторону загляделся!

Обуваясь, Андрейка приметил на подоконнике потрепанный томик любимого Пушкина и с сожалением вздохнул: до чтения ли теперь, если после вчерашних практических занятий в забое кости все еще ноют. Поскорее бы на машину, потому что определились они с Генкой Распоповым в группу вру-

бовых машинистов. Специальность на шахтах пока редкая, машинисты пользуются всеобщим вниманием, про них вон постоянно и в газетах пишут. Но это про взрослых, а тут пока практика с кайлушкой да топором в шахте и теория в горном кабинете. Вот то же с теорией. По механической части дело как-будто движется, а с электричеством туговато. Андрейка горько признается себе, что едва ли получился бы из него штурман дальнего плавания, если с электрической схемой врубовки он не может толком разобраться, — пять групп семилетней школы — не то образование.

— Рылом не вышли, з-занозы... — сетовал постоянно Генка и часто решительно встряхивался. — Как пить дать, убегу! А, Андрейка, драпанем! На Дальний Восток, к морю!

— А жрать чего будешь?

— Ха, жрать! Нашел чем пугать! В случае чего и подтибрить можно...

— Чего подтибрить!

— Что плохо лежит. Жизнь вольготная по сердцу мне, — сказал однажды Александра Македонский царь! А на Дальнем на Востоке сядем на паровод, и — поминай как звали, — в Америку! Богатая, говорят, страна... Всю бы насквозь прошли!

— Всю не пройдешь, — равнодушно урезонивал дружка Андрейка. — Там разные государства, — в одном так говорят, в другом — по-другому.

— А мне плевать, как они говорят, — просто решал проблему Генка. — Это еще занятнее получится: вокруг сплошняком иностранцы, а мы с тобой и в ус не дуем, они нам лопочут, дескать, этого не трожь да этого не ешь, а мы и ухом не ведем, — мы — бельмес по-ихнему! Красотишка!..

— Никуда я не поеду... — соскучившись, отвертывается Андрейка.

— Уголек будешь долбать!

— Буду.

— Тоскишша-а... — Генка закидывал руку за голову и мечтательно прикрывал зеленые глаза. — Или бы на Северный полюс... А! Тут тебе эскимосы, тут белые медведи, тут другое прочее — ни горпромуча, ни инструктора, ни шахты, — провалиться бы ей в тартарары, потому все одно я не обвыкну под землей!

Подобрались в группе пять-шесть пареньков, которых неприметно связала если и не тесная дружба, то обязательно добрые бесхитростные отношения. А до дружбы было далекозато, потому мало пока они вместе рабочей мурцовки хватили. К Генке Распопову — за веселый, видно, нрав. — к Андрейке — за его обстоятельность и врожденное чистое отношение к жизни — привязался вначале Петяшка Самойлов — паренек из местной шахтерской семьи, в которой одних ртов насчитывалось

до девяти. Это был молчаливый, застенчивый, удивительно тощий и всегда голодный парень. Казалось, что он оттого и голоден, что стеснялся на людях есть в полную силу все, что попадет под руку.

— Ну, а барана зажаренного ты бы с'ел! — с интересом спрашивал Генка, развалился после обеда на топчане.

Петяшка Самойлов краснел совсем как девица и кивал.

— А двух баранов зажаренных бы с'ел!

После некоторого раздумья Петяшка с сожалением вздыхал:

— Не, два не осилю... Лопнуть можно.

За Петяшкой потянулся сын паровозного машиниста из Прииртышья Яков Назаров — мечтательный, но в середине с твердым стерженьком, с характером, статью из тех, кого природа, будто специально расщедрясь, создает из одних костей да мускулов.

Пятым оказался... Но прежде чем оказаться латым, он однажды вечером появился в длинной комнате общежития, тесно заставленной топчанами на деревянных крестовинах. Как обычно, после ужина было шумно. Кто-то в дальнем углу на бабий манер заунывно рассказывал страшную сказку про покойников, в другом конце чей-то бездельный дискант все начинал задиристо и никак не мог разойтись: — Пикал, цикал, мотоцикал... ламца-дрицца-ацаца! А потом опять сызнава. Андрейка лежал на топчане и при свете дальней лампочки силился вчитаться в пушкинские строки, — пока ничего не выходило, может, из-за надоедливой ламца-дрицца, а может, оттого, что рядом что-то настойчиво талдонил Генка Петру Самойлову. Хотелось крикнуть: «Ну, будет вам, ну вас всех к лешему!»

Но в это время от дверей, покрывая разногласный гомон, раздался раскатистый, видать, недавно установившийся басок:

— Здорово ночевали, хлопцы!

— Здорово!... — первым откликнулся Генка. — Ночевать, паря, было некогда, уголек добывали!

Но на этот выкрик никто не обратил внимания. Разглядывали вновь прибывшего. На дворе пока тепло, а он в овчинном полушубке. За плечами солидный мешок, в руках фанерный увесистый баул, на ногах мягкие ичиги, подвязанные ремешками под коленками. И не высок и не низок, и не широк в плечах и не узок — разберись, поди, с первого взгляда. Зато глаза, под бровями-колосьями, приметны издали, — чистого небесного цвета поутру, внимательные, — не прилипчивые, не взыскующие, а просто от душевного любопытства внимательные, готовые, казалось, вот-вот добродушно, по-приятельски улыбнуться. Но как потом оказалось...

Парень будто не заметил выжидательного, почти минутного молчания вокруг и, на самом деле, добродушно улыбнувшись, сообщил:

— Направили, братва, к вашему шалашу, — тетка такая боевитая, не иначе ваша начальница... Тут где топчан за номером семь!

Кто-то присвистнул, а Генка, тот даже за голову отчаянно схватился. Дело в том, что топчан за номером семь, стоявший в самом теплом месте и в светлом углу комнаты, принадлежал до вчерашнего дня Степке Норовистому, фамилию которого в школе плохо помнили, — отчаянному задире, дебоширу, всегда битому и, как говорила тетка Матрена, «по вся дни неумному». Терпели, терпели этого подыря, да накануне взяли и выгнали из школы. Но Степка Норовистый не один был такой — остался в школе его закадычный дружок Виктор Потемкин, из группы забойщиков. Славы этому Потемкину тоже было не занимать. Когда Норовистый уходил, он накрепко наказывал всем, примерно, в таких словах:

— Эй вы, пескари! Топчан мой не занимать! До самого главного начальства дотопая, а назло вернусь. Кого застану на своем месте — башку сверну!

Но после его ухода Виктор Потемкин то ли по старой дружбе с Норовистым, то ли от форса сейчас же перетащил свои сумку и пиджачишко на номер семь. Перетащил, огляделся и криво усмехнулся: дескать, мне все нипочем. А к вечеру нынче, пропустив занятия в горном кабинете, где-то крепко наклюкался и теперь, вольготно разметавшись на знаменитом месте, тоненько, с присвистом похрапывал. Попробуй, тронь такого, да он голову расшибет, не зря же поговаривали, что они с Норовистым даже ногами пошаливали в поселке.

— Так где же топчан за номером семь? А, братва!

— Заладил свой номер... — неодобрительно пробурчал староста Онищенко, откладывая в сторону недоштопанные штаны. — Вот твой номер, хлопка задает... Только, паря, не советую тревожить, — он добрый, пока спит...

— А чего же он залез на чужое место? — добродушно отозвался вновь прибывший, явно игнорируя предостережение. — Какой же это такой порядок... — и, подхватив свой фанерный баул, прямоком тронулся в передний светлый угол.

Представление как будто начиналось. Аудитория, по вполне понятным причинам, затаила дыхание. Даже Андрейка, до смерти не любивший подобных сцен, и тот отложил в сторону томик Пушкина.

Неторопливо, но споро скинув с себя все лишнее и оказавшись в ситцевой линиялой рубашке распояской, с рукавами почти по локоть, парень задвинул свои вещи под топчан и только тогда легонько тронул Потемкина. Витька сладко чмокнул

губами и повернулся на другой бок.

— Эй, друг!.. — окликнул новый претендент на номер семь. — Так все царствие небесное продрыхнешь... Поднимайся, что ли, а то выносить буду.

На этот раз Потемкин, очевидно, услышал приглашение: медленно приоткрыл один глаз, другой, слегка приподнял голову и силным со сна ли, с пьянства ли голосом спросил:

— Кто?

— Это я...

— А если ты, то катись к...

Сквернословить Витька был мастер, это у него не задерживалось. Новичок все тем же добродушным тоном обратился к настороженным зрителям и развел руками:

— Вы послушайте, какие он слова знает... соловей-разбойник!

Этим мгновением и воспользовался Потемкин. Согнув босую ногу в колене, он изо всей силы ударил парня в живот. В комнате теперь по-настоящему замерли, — и от того, как парень сразу согнулся и тут же пружинисто выпрямился, шумно вобрав в легкие воздух, и от того, как посерели его скулы, а большие, цвета небесной лазури, глаза хищно сузились.

Дальше, собственно, и смотреть было нечего. Казалось, вне зависимости от коротких манипуляций пострадавшего, Потемкин словно сам собой приподнялся над топчаном, потом, громко икнув, плотно сел на пол, потом раздался невидимый удар, — не удар, а будто выстрел прогремел под белым потолком и... Витьки Потемкина в комнате не оказалось. Только открытая дверь безмолвно свидетельствовала, в каком направлении чудом проследовал от «номера» семь соловей-разбойник.

А парень в ситцевой линиялой рубашке распояской, постояв еще задумчиво у порога, вернулся на отвоюванную территорию, пощупал свой живот и, ни к кому специально не обращаясь, посетовал:

— Здорово он меня в брюхо маханул... Давайте, братва, знакомиться: Михаил Демидов, потомственный крестьянский хлебороб, будущий шахтер... если не догадались!

На это представление первым опять откликнулся Генка Распопов, доброжелательно посоветовав:

— Ты бы, потомственный крестьянский хлебороб, шел подальше от окна, а то долго ли с улки кирпичом или железякой... Потемкин, которого ты... это самое... он таковский...

— Че-его! — усаживаясь на топчане, искренне удивился Демидов. — Таковский! Да твой таковский теперь пятую версту отрабатывает голыми пятками... — Он помолчал, будто что-то припоминая, а

потом, почему-то снова обращаясь персонально к Генке Распопову, хмуровато спросил: — Комсомол имеется!

Генка вытянулся на своем спальном месте и разнудушно пропел:

— Ком-со-мол!! Видишь, чего захотел! Не имеет-ся комсомола. Недосуг все, говорил Александра Македонский-царь.

Демидов медленно приблизился к Генке, заглянул ему в конопатое лицо, внезапно разлохматил пятерней его рыжую шевелюру и все тем же хмуроватым тоном подытожил короткий разговор:

— Вот с этого мы и начнем нашу жизнь, Александра Македонский-царь.

(Окончание следует)

Казимир Лисовский

ОБЛИК СИБИРИ

Как только начну о Сибири,
Волнуясь, писать допоздна,
Тотчас исчезают в квартире
Спокойствие и тишина.

И в комнате свежестью кедра
Повеет... И станут слышны
И гул енисейского ветра
И рокот байкальской волны.

Ударит морозом с Таймыра,
Жарою — с хакасских степей...
И я покидаю квартиру,
Спеша за мечтою моей.

Туда, где огни засверкали,
Где стал новостройкой пустырь,
Где в каждой мельчайшей детали
Мне виден твой облик, Сибирь!

...Я помню тридцатые годы
И город завьюженный наш,
И первые цехи завода
С названием гордым «Красмаш».

Они и сейчас, эти цехи,
Стоят, не старея почти,
Как первые, верные вехи
На нашем нелегком пути.

Где б ни был я, где бы ни ездил —
Повсюду, куда ни взгляни,
Сверкают земные созвездья —
Зажженные нами огни.

Окутанный снегом по пояс,
Иль плотной завесой дождя.
Стремительный электропоезд
Летит, басовито гудя.

И как-то уж стало привычкой,
Вошло в обиход наш простой,
Его называть «электричкой»,
Как где-нибудь под Москвой.

Сибири!.. От иртышских излучин
До самых далеких гольцов
Мы видим все ярче, все лучше
Твое молодое лицо.

И если я строчкой своею
Хоть в тысячной доле помог
Обжить берега Енисея,
Прокладывать рельсы дорог,
Воздвигнуть завода громаду
В полярной, глухой стороне,
Мне лучшей награды не надо,
И этой — достаточно мне!

Иван СОКОЛ родился в 1923 г. в Славгороде Алтайского края. Закончил среднюю школу в Кемерове, с 1941 года работал молевщиком на сплаве леса, рабочим на Кемеровском фармацевтическом заводе. С апреля 1943 г. участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны. После демобилизации из Советской Армии закончил Томский педагогический институт. Член КПСС с 1957 г. Работает редактором в Кемеровской студии телевидения.

Первые стихи И. Сокола публиковались в армейской газете. С 1947 г. печатается в газете «Кузбасс», в альманахах «Огни Кузбасса», «Томск», «Молодой Томск». Готовится к печати первый сборник стихов.

МОЙ ГОРОД

Утро радует
Голосом звонким.
Я ему, улыбаясь, сказал,
Что в счастливой
Кузнецкой сторонке
Я любовь и судьбу отыскал.
Пусть, друзья,
Я не очень уж молод —
Серебрятся виски сединой...
Я люблю
 вырастающий город,
Опоясанный Тотьмо-рекой.

Не спрошу я у юности:
Где ты!
Как я прожил ее,
Не спрошу.
Просто выйду

 на площадь Советов,
На кварталы домов погляжу.
Пусть в домах здесь
Едва ли кто знает,
Чем горжусь по-рабочему я...
В каждой улице здесь проживает
Отзвеневшая юность моя.

☆☆☆

Не сегодня только и не сразу
В сердце поселилась ты моею.
Сядь поближе, друг мой

 синеглазый,

Помолчим о прожитом вдвоем.
Вспомнятся и радости и слезы —
Не всегда у нас была весна, —
Но и под снегами от мороза
Сберегла тепло свое она.

Молча руку я твою поглажу,
Бережно к губам ее прижму...
И о том, что сердце сердцу

 скажет,

Мы с тобой не скажем никому.
Пусть любовь запрятала приметы,
Грозами огонь ее не смывает...
Знаю я, что и в молчанье этом
Неразлучней, ближе стали мы.

☆☆☆

Сквозь дымку белую тумана
Всплывает солнце в синеву.
Птиц перелетных караваны
Куда-то в даль меня зовут.
Деревья золото роняют,
Бледнеют травы на лугах,
И росы крупные сияют,
Как солнца капли, на листьях.

В тени уже не тает иней,
Холодный ветер прилетел...
А небо беспредельно, синее
В своей извечной чистоте.
И, заглядысь в его далеко,
Я так хотел бы жизнь прожить,
Чтоб душу чистой и широкой,
Как это небо, сохранить.

РАЗДУМЬЕ

В могучей роще старых тополей,
Когда согреет землю солнце мая,
Что ни весна, то гуще, зеленей
Шумит под ветром поросль молодая.
Пускай побеги тонкие малы,
Пускай еще не скоро возмужают...
Как бережно могучие стволы
От бурь и гроз собой их
 прикрывают...

Но час придет. В который раз земля
Вновь закипит извечною весною!..
И встанут молодые тополя
И старые стволы собой прикроют.
Пусть ты и сам стареешь каждый
 год —
Не страшно это, если сын растет.

ЮНОМУ ДРУГУ

А. Гусев

Я счастлив, что тебе
не довелось
В семнадцать лет лежать
за пулеметом,
Узнать, как пуля пробивает
кость,
Как смерть идет с холодным,
липким потом,
Встречать рассвет и думать: —
«Снова жив!»
Щекой к земле прижаться под
снарядом,
Запомнить мин неистовый
мотив,
Колоть штыком, отбив удар
прикладом.
Ты только на картине видел
бой.

И хорошо. И нам войны не
надо.
Но я хочу поговорить с тобой,
Мой юный друг, садись
со мною рядом.
Храни, что грудью защитил
отец,
Смотри, не прячься за чужие
спины
Даже тогда, когда летит свинец:
У труса силы меньше
вполовину.
В большом и малом находи
себя.
Ты нужен всем. Иди вперед
смелее.
И навсегда запомни — без тебя
Моя страна на одного слабее.

В ПОЛЕ

День такой, что лучше
не найдешь
А простору не видать и края.
Тяжелее, наливаясь, рожь,
Золото у солнца отбирая.
Не пройти, — высокая стена,
Только видно выгнутое небо.
Наклонись, и набежит волна,
Пахнущая и землей и хлебом.
Слушая, закрыв глаза, стою:

Вот о колос ударяет колос.
Песню поле мне поет свою:
Узнаю знакомый с детства
голос.
Эта песня радует сердца,
Сколько в ней труда и сколько
воли!
И хочу я слушать без конца,
Как поет под ветром теплым
поле.

Георгий Муллин

У ДЕВОЧКИ КРАСНЫЕ БУСЫ

У девочки красные бусы —
Кому-то взялась подражать.
Ты тоже умела искусно
Рябину на нить собирать.
Сейчас на тебе равнодушно
Влестит золоченая медь,

Рябиновым бусинкам душно
В потемках комода гореть.
У нас с тобой разные вкусы.
Но, если бы мне довелось,
Тебе подарил бы на бусы
Рябины тяжелую гроздь.

Александр ГУСЕВ родился в 1921 г. Участник Великой Отечественной войны. В 1955 г. окончил литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР. Работает в Томском книжном издательстве редактором.

Георгий МУЛЛИН родился в 1928 г. Работал учителем в сельских школах Томской области, сейчас — в районной газете. Студент-заочник Томского университета. Два цикла стихов Г. Муллина опубликованы в журнале «Сибирские огни».

В. Коган

ПЕРВЫЙ ВАЛОК

Владимир КОГАН, родился в 1930 г. на Алтае. Выпускник историко-филологического факультета Томского университета. Работает в редакции Томской областной молодежной газеты. Его стихи заняли значительное место в коллективном сборнике «Над Томью-рекою». Готовит к изданию сборник своих стихов.

Вот и свершилось
на поле лег
жданный, как милость,
первый валок.
Первым лучом
наступившего дня
солнце в плечо
потолкало меня.

Выжарив сны
в зное степном,
мчатся машины
с первым зерном.
Это везут
в кладовые страны
первый мой труд
на полях целины.

М. Овечкин

К Л Е Н

Геннадий ОВЕЧКИН род. в 1936 г. Инженер-горняк. Закончил Томский политехнический институт. Печатается в областных газетах. Опубликовал стихи в коллективном сборнике «Над Томью-рекою».

В деревнях, что лежат окрест,
Знают старого ветерана.
Он, как летопись здешних мест,
Весь в рубцах и заживших ранах.
Немца штык и махновца клинок
На коре его ставили мету:

Жгли, рубили, валили с ног,
А он снова тянется к свету.
Обожженный в большом огне
(что там войны истории древней!)
Он упреком последней войне
Встал у нас на краю деревни.

М. Щербинин

В К Р Ы М У

Михаил ЩЕРБИНИН род. в 1927 г. Закончил Томский педагогический институт, работает преподавателем литературы в Томске. Стихи Мих. Щербинина печатались в журнале «Юность» и в томских изданиях.

От лоснящихся магнолий
Кожа в сотнях ран.
По утрам стекает в море
Розовый туман.
И хотя здесь воздух сладкий —
Ляг и вдоволь пей.

Снится мне колхоз мой,
Золото степей.
Море кажется мне полем,
Где шумят хлеба.
Нет, на крымском на приволье
Жить мне не судьба.

Г. Юров

НАД КЕМЕРОВОМ

Геннадий ЮРОВ родился в 1937 г. в Кемерове. По окончании историко-филологического факультета Томского университета работает в редакции Томской областной молодежной газеты.

Печатается в областных газетах. Стихи Г. Юрова опубликованы в коллективном сборнике «Над Томью-рекою».

С кострами осени
Остался сзади лес.
Метнулась Томь.
Под самолетом
Вырастает ГРЭС,
Из черных труб
Выбрасывая тучи.
Дымы. Дома.
Трамвай на мосту.
И та же осень...
Сердце, что
случилось?
Ведь ты всегда

Стремилось в высоту,
Чего ж теперь
На землю
запросидось?
На самолет
Надвинулась земля.
Крутой вираж —
Мотор смягчил
звучанье.
Пилот всем сердцем
Понимал меня,
Пилот — он тоже был
Кемеровчанин.

Г. Молоstown

Квартир МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Кто не знает, что такое квартира на две семьи!

— Ужас, ужас! — восклицает Надежда Алексеевна, поплотнее прикрывая за собою дверь в коридор. И, остановившись против мужа, сидящего на диване, всплескивает полными руками с ямочками на локтях.

Григорий Иванович Орлов смотрит на нее поверх роговых очков, сползших на кончик большого носа. Газета в его руках чуть-чуть вздрагивает. Дымит окурок в бронзовой пенальнице, кудрявые синие барашки сменяются с красноватыми лучами невысокого солнца.

Настроение у Орлова прелестнейшее. Во-первых, потому, что сегодня праздник русской зимы, во-вторых, его бригада коксовиков перевыполнила план, сынишка Валерка принес, наконец, четверку по истории. Ну а, в-третьих, вообще, черт возьми, хорошо жить на свете! И если бы Наденька как-нибудь помирилась с соседями.

— Что случилось? — спрашивает он мягко.

— А ты не знаешь? — повышает голос Надежда Алексеевна. — Тебе на все наплевать, ты ничего не замечаешь, а я скоро с ума сойду!

— Но что же случилось?

— Дуется!

— Внимания не обращай.

— Легко сказать!

Надежда Алексеевна подносит фартук к глазам и уходит в небольшую смежную комнатку, где Валерка налаживает коньки.

Вдохнув, Орлов принимается искать недочитанную заметку. Мелькают заголовки: «Новые предприятия», «Больше квартир трудящимся», «Второй спутник совершил 1500 оборотов вокруг Земли», ...«Обь» штурмует льды у берегов Антарктиды»...

До слуха доносится отдаленный взрыв... второй... третий. «Это на острове, — решает про себя Григорий Иванович. — Строители берут гравий». Там экскаваторщиком работает и его сосед Мешков, которого Надежда Алексеевна прозвала «бирюком» за скрытный характер, за молчаливость. «В тихом омуте все черти водятся, — заявила она категорически. — От тако-

Н. Пичугин

М а т ь

Вспоила мать и вскормила
не для войны —

для мира —
двух сыновей пригожих,
голубоглазых своих.

Словно дубки молодые,
дружно росли,
не задиры,
в школе и дома, бывало,
все уважали их...

...Старший обрадовал внуком
старую мать.

...Однажды
младший стипендию первую
ей положил на стол
Жить бы и жить!

Но горе
в дом постучалось дважды —
под Ржевом

сразили старшего,
и младший с войны не пришел.
И скорбная весть
до срока
ссутила женские плечи...
Нет,

не расскажешь об этом,
не подберешь и слов!
Но всю неизбытную нежность,
большую любовь человечью
мать подарила внуку,

в нем воскресив сынов...
Грядущему дню навстречу
он смело глядит по праву,
большие просторы Родины
распахнуты перед ним.
И мирное поколение
под небом великой державы
идет по земле,

где когда-то
клубился
сражений дым.
И матери мира верят:
покуда мирные люди,
их сыновья и внуки,
шагают рука в руку, —
не будет могил под Ржевом,
в Корее огня
не будет,
и будет безоблачной юность
на каждом материке!

го всего можно ожидать!», — и стала запечатывать двери на ночь на ключ и на крючок.

Взрывы на острове, движение спутника, шторм Антарктиды как-то сами собой связывались воедино. Орлову чудится лязг металла, побелевшего от холода, и он поеживается, вспомнив сводку погоды, — «минус двадцать восемь...» Собственно, это уж не так страшно для сибиряков. Скоро пятнадцать лет, как Орлов работает на Кемеровском коксохимическом, привык к жару коксовых батарей и никак не представляет себя на месте соседа: «Как можно целых восемь часов на холоде! Наверное, потому и любит Мешков чай распивать».

— Надюша! Говорят, «Долгий путь» — отличная картина.

— Мироя! — отзывается вместо матери Валерка, и тут же его кудрявая белесая голова показывается из-за шторы. Лицо вдохновенное, синие отцовские глаза расширены. — Эх, папа, ты не представляешь, какая она смелая! Ты понимаешь?.. А он, — Валерка обреченно машет рукой, — фу... Ты не представляешь... вроде нашего «бiryюка»... — И мальчик кивает на стенку, за которой живут соседи.

Орлов мрачнеет, недовольно покашливает:

— Что еще за «бiryюк»?

— Ну, Пал Палыч, что ли.

— Не «что ли», а именно Павел Павлович и Мария Петровна! Понял?

Валерка пожимает плечами, озирается на мать, потом тянет:

— Понял.

Надув и без того пухлые губы, он идет к вешалке, одевается, исподлобья наблюдает за отцом: сами не любят, а меня любить заставляют! Небось, не понравилось, когда Валерка сдружился с Пал Палычем, когда целые вечера «резался» с ним на кухне в шахматы. А тут вдруг Павел Павлович! Мария Петровна! Кого-кого, а уж Марию Петровну совсем не за что уважать. Не кто другой, а именно она всякие шпильки Валеркиной матери ставит. А самому Валерке разве не достается от нее? — «Настрогал — убери». «Кран плотнее заверни», «Пол в коридоре не царапай коньками», или — уж совсем ни на что не похоже — руки мыть заставляла, когда мать с отцом в театр ходили!

Вот сейчас Валерка нарочно подарапает пол напротив их двери и духовку мимоходом раскроет, благо в ней курица на сковородке обжаривается. Все равно соседке никто не поверит, что это сделал Валерка...

Орлов складывает газету, закуривает. Он доволен собой, доволен жизнью. За стеклом буфета поблескивает головка хрустального графинчика, желтеют в нем лимонные корочки. «Эге! Да и коньячку, кажется, жена купила!». Он смотрит на часы: — «Да-а-а, до встречи гостей остается ровно восемь часов. Пожалуй, стоит прилечь, подремать: впереди веселая ночь, тосты, песни. Гости будут много. Если бы не такие соседи, плясать можно было бы в прихожей, на кухне, ну, кто где хочет. А лучше бы все вместе: его гости — мои гости, твоё вино — мое вино».

— Сынок, так ты говоришь, картина интересная?

Валентин

Девочка

Что их, девчонок, уважать!

Подставишь ножку — плачут.

Легко девчонок обижать:

Они не влепят сдачи.

И вдруг...

Как гром среди ясна дня, —

Сажают с девочкой меня.

Меня, за парту за одну

С девочкой! Кто с ней сядет!

Товарищ шепчет:

— Ты в плену.

Она с тобою спадит...

— Она!..

Прилично волосы

Зачесаны за ушки,

Подстриженные ноготки,

А на носу — веснушки...

«Так, так!»...

Я ногу побольней

Ей прищемил сначала,

Потом еще разок, сильней...

Она не закричала,

И не пожаловалась, нет,

Лишь щеки — словно маков цвет.

Звенит звонок.

Прошел урок.

Ушел из класса педагог.

На перемену надо.

Но... На пути — преграда.

Стоит девчонка.

Грозный вид.

Глаза горят,

лицо горит:

— Послушай! Ты меня не зли.

А хочешь задираешься,

Тогда на улицу пошли,

По чести будем драться!

Вот это фокус! Ничего,

Нашлась драчунья тоже!..

Промямлил я:

— Ты не того,

Не очень лезь из кожи...

Мы с нею долго были врозь.

Мне, с двойками в журнале,

Как в стуле гвоздь,

как в горле кость.

Глушченко

Чка

Ее пятерки стали.

Куда деваться от стыда!

Всегда в хвосте, досадно.

Налег на книги я тогда,

Сидел, корпел изрядно.

И вот впервые в мой дневник

Крючок пятерочный проник...

Она мне руку за ответ

Под парту пожала.

Зажегся я:

«Добыюсь побед,

Чтоб вечно уважала!»

Катилась времени волна.

Нет нашей дружбы чище,

Хоть стала девушкой она,

А я — в сажень парнище.

Хотелось подвигов, чудес,

Хотелось быть героем!..

Мы с ней на лыжах

в дальний лес

Умчались как-то двое.

Ушли за тридцать земель,

За двадцать километров.

Закурлесила метель.

Завыл сосняк от ветра,

Давно потеряна лыжня.

Промокла куртка у меня.

Как хорошо б

сейчас к сосне

Тихонько прислониться!

Но рядом — девушка,

и мне

Нельзя остановиться!..

Лишь утром мы пришли

в село.

Снега сверкали чудно.

Взглянула девушка тепло...

Сказать об этом трудно...

Навеки дружбу сохраня,

Я вижу: правы были,

Что рядом с девочкой меня

Когда-то посадили.

(«Юность»).

— Мироя! — В глазах сына вновь оживление. Окутая красным шарфом шею, он покачивается на коньках-«дугишах», приклепанных к желтым ботинкам. — Понимаешь, папа, какой он трус был, ужас! Я бы на его месте... В общем, сами увидите...

Стуча коньками, он выбегает.

Орлов подзывает жену, усаживает ее на диван рядом с собой.

— Не горюй, Надюша. На Советской улице ты видела, какой дом отстраивается? Там наша квартира будет. Отдельная! Вся кухня в моем распоряжении!

— Ты же к масленице обещал? — Надежда Алексеевна смотрит на мужа с мягким укором.

— Обещал! И мне обещали!

— Скорее бы уж.

— Недолго осталось! А нынче... Я тебя очень прошу. Пригласи Марию Петровну в гости, а я его — Павла Павловича, как вернется с работы. А?

— Попробую. Только во дворе говорят, что они на нас уже в милицию пожаловались.

— Пусть говорят!

У Надежды Алексеевны тоже словно гора с плеч: разве не надоела ей такая обстановка? Легко ли бок о бок толкаться с соседкой на кухне, делать вид, что не замечаешь друг друга, и жить в постоянной думе друг о друге, во взаимном презрении?

Лицо ее начинает светлеть, она принимается увлеченно рассказывать мужу немудреные женские новости о покупках, о нарядах, о ценах, забыв, что в духовке обжаривается курица. Наконец, спохватившись, со смехом бежит на кухню. А Орлов, довольный всем-всем, воровски крадется к графинчику, что стоит в буфете, и хочется ему в то же время, чтобы непременно застала его жена, что называется, «на месте преступления» да пожурила так, как только умеет одна она — ласково, с приторным испугом.

Вот и хлопнула дверь, вот поспешнее вошла Надежда Алексеевна. Осушая «махонькую», Орлов запрокидывает голову и вместо лукавой улыбочки кареватых жениных глаз видит в зеркале нечто другое — по розовым щекам жены текут слезы.

Поперхнулся, аж дыхание перехватило.

— Что такое?!

— Полюбуйся: духовка настезь раскрыта, и курица на боку!

— Не может быть?!

— Проверь.

— Да-а-а. Это уж свинство...

Нет, к чертовой матери таких гостей! Как только возвратится с работы Мешков, Орлов с ним серьезно поговорит. Что за наглость, что за ребячество?! В конце концов, всякому терпению приходит конец.

Бросив под ноги прочитанную газету, Орлов вытягивается вдоль дивана и долго возмущается. Потом, наконец, засыпает тревожным сном. Видится ему сутуловатый Мешков на своем экскаваторе. Из-под нахмуренных темных бровей недобро поблескивают его черные глаза. Зацепив ковшом экскаватора гравий, он высыпает его прямо на Орлова. Не то гремят камешки, не то так неприятно смеется жена Мешкова, Мария Петровна, да еще в ладоши от удовольствия хлопает...

...Нет, это не гравий сыплется, оказывается — телефон звонит.

Орлов идет к нему и спросонья в темноте натыкается на стулья, больно ушибает колено.

— Слушаю!.. Ну да, Орлов, черт побери!.. Нет, нет, не вас я, тут со своим... ногу зашиб, говорю! Чего хотите?..

— Говорит дежурный первого отделения милиции младший лейтенант Кочетов. Знаете, где мы находимся?

— Примерно.

— Немедленно явитесь к нам по важному делу.

— Знаю я это «важное дело». Только не пойду! Вы лучше моего соседа, Мешкова, вызовите, чтоб он жене своей воли не давал! Все!..

Григорий Иванович бросает трубку и, сердито насупясь, включает настольную лампу. В мягком свете перед ним возникает раздвинутый, по-праздничному накрытый стол. Звонит и звонит телефон, но Орлов не обращает на него внимания. Входит Надежда Алексеевна. Она с мороза, румяная, с белесым инеем на воротнике черного котикового пальто.

— Валерку искала. Нигде нет.

— Есть захочет — придет.

— Поздно уж.

— Наверное, на площади он, посмотри какое гулянье! Посмотри, что там творится. — Григорий Иванович приподнимает занавеску, и в это время в комнату вваливается Валерка. На нем милицейский полубубок с погонами сержанта, на голове большая шапка, нахлобученная до самого носа. А позади него — настоящий милиционер с узлом обледенелой Валеркиной одежды.

Но на этом кончить рассказ нельзя, потому что после того, как минет большое горе, человек часто возвращается к мелочам жизни, и они затемняют главное. Так случилось и в семье Орлова...

Напоенный горячим молоком, осмотренный врачом и растертый водкой, настоенной на лимонной корочке, Валерка мирно посапывает в своей кровати. К Орловым собираются гости, и вначале для каждого вновь приходящего рассказывается, как чуть было не утонул Валерка, заехав на коньках на тонкий лед около полыньи. Потом, возвратясь с кухни, Надежда Алексеевна сообщает мужу (но ее слышат все):

— «Бирюк» уже пьяный, песни поет!..

И гости слушают, покачивая головами, о несносной жизни рядом с темной личностью, какой является Мешков, о том, на какие подлые проделки способна его жена Мария Петровна, которая почему-то худая да черная. Потому что изозлилась вся! Да что там говорить: никудышние люди! Разве бы Надежда Алексеевна такой пирог испекла, если бы духовку у нее не остудили? А почему Валерка по истории не успевал? — С Павлом Павловичем пообщался! И уж непременно нынешний случай — результат влияния Мешковых. Непослушным парнишка стал!..

— Глупости! — резонно заявляет свекор Надежды Алексеевны Иван Иванович Орлов, еще крепкий старик с белым ежиком на голове, с золотистыми бровями, загнутыми книзу, нависающими над маленькими серыми глазами. — Глупости!

А. Шишкин

Старый шахтер

Проходил он сложные науки
Не в аудиториях просторных —
Эти вот натруженные руки
В ссадинах, запекшихся

и черных
30 лет бросали уголь в лавах.
Тридцать лет — как будто бо
за боем

Даже недоверчивая слава
Не прошла шахтера стороной
Уходили быстрые составы,
Громяхая по стальным

дорогам
И своим назвать имел он право
Не один... не два,

а много... много
А ведь это что-нибудь

да значит?

А ведь это что-нибудь

да стоит?

Пусть и нужно было жить

иначе

Но ему-то жизнь

не перестроить

Если кто неправ, то лишь

мальчишка

Тот, что в беспокойные года

Бросил недоученные книжки

И в Кузбасс уехал навсегда.

А теперь порой в хороший

вечер

Проходя, задумавшись,

проспектом

Встретит он шагающих

навстречу

Пареньков со стопками

конспектов —

Молодых, уверенных, горячих,

Чем-то возбужденных

по-ребячьи

Если бы не был почтенным

дедом

Он бы побежал за ними

следом

Он бы сел за тесной школьной

партой

И водил указкою по карте,

Постигал премудрость

радикалов

Возбуждая до высшего накала

Только седина вот над висками

Наплела, упрямая, узоры.

Только старость сжала вот

тисками

Сердце беспокойное шахтера.

г. Ленинск-Кузнецкий.

Вадим Сергеев

Прямой наводкой

Здесь, в шахте —
по команде четкой
В пласт, вставший черною
стенной,
В упор из пушки водяной
Забойщик бьет прямой
наводкой.

Утратив свой обычный вид,
Вода, лишенная простора,
Прозрачной балкою торчит
Из жерла гидромонитора.

Она лилась дождем из тучи,
Была волной, была вольна,
А здесь — от скорости
могучей —
Недвижной кажется она.

Но, упиравшись в пласт упруго,
Металлом став,
алмазом став,
Она рычит, вгрызаясь в уголь,
Сильна, как взрывчатый состав.

Она спрессована давлением,
Стихия вольная — вода,
Она подвластна всем веляниям
Людей отваги и труда.

Стихии разуму покорны!
...Чугун рождая из руды,
Огонь пылает животворный,
Добытый силою воды.

Юрий Разумовский

Твой свет

Под низкою кровлею шахты,
Хоть тише идти, хоть скорей,
Не сможешь уйти ни на шаг ты
От «зайчика» лампы своей.

Она примостилась на каске,
Невидная вроде собой,
Но луч ее светлой указкой
Тебя направляет в забой.

В бетонных сырых коридорах
Ни звука, ни искорки нет...
О, как он здесь нужен и дорог —
У солнца похищенный свет!

Шахтерская лампа на каске —
Поэзии светлой родня.
А звонкие песни и сказки
Не дети ль того же огня?

И в сердце горит у поэта
Строки раскаленная нить,
Чтоб людям хоть капельку света
В глубины души заронить.

Приезжайте ко мне в Ленинск, я вам покажу, какие бывают соседи.

Гости, которые плохо знают Ивана Ивановича, смущены. А он, направляясь к телефону, зовет сына:

— Григорий, соедини с милицией!

— Зачем? — недоумевает сын.

— На твоего соседа пожалуюсь, ишь, распелся ни свет ни заря!

Все настораживаются, и, пока старик соединяется с милицией, отчетливо слышны слова песни, которую поет Мешков: «...На подвиг и на смерть зовущий...».

Одно ухо Иван Иванович зажимает ладонью, у другого держит телефонную трубку:

— Але, милиция! Кто со мной говорит?... Кочетов...? А я Иван Иванович Орлов. С праздничком вас, с русской зимой! Спасибо. Что? Да тут мужчина один распелся, не слышу я... Чего я хочу? А вот чего: поблагодарить милиционера, который спас утопшего моего внука. Что?... А где тот человек? Так, так... Спасибо...

Старик кладет трубку, потом вызывает «скорую помощь». Хозяин с хозяйкой волнуются, гости переглядываются.

— Вот она называется скорой, а попробуй дозвонись до нее! — сердится Иван Иванович.

— Папаша! Будет вам! — кричит Григорий Иванович и поспешно наполняет рюмки. — Сколько можно?

Но старика соединили. Из-за того, что гости рассаживаются вокруг стола, не слышно, о чем он говорит со «скорой помощью».

— Папаша!..

— Иду.

Иван Иванович поднимает рюмку. Как заведено, первый тост — его. Смахнув со щек непрощенную слезинку, он говорит глуховатым от волнения голосом:

— Друзья мои! Человек, который спас нынче моего внука, пожелал остаться неизвестным. Но он сильно поранился об лед. Выпьем за его раны, за его светлую русскую душу!..

А в это время за стешкой, в небольшом кругу друзей, экскаваторщик Павел Павлович Мешков пил за дружбу.

Рюмку к его губам подносила худая, черная Мария Петровна, потому что обе руки мужа были крепко забинтованы..

За дружбу, друзья!..

Евгений БУРАВЛЕВ, родился в 1921 г. Детские годы прошли в То-гучине, Новосибирске, Промышленной. После окончания средней школы учился в авиационно-техническом училище. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. После армии работал в полярной авиации, на изыскании и строительстве железной дороги Самхарт-Игарка, последние годы на строительстве Южно-Сибирской магистрали. Учится заочно в литературном институте имени М. Горького при Союзе писателей СССР.

Печатается с 1953 г. в альманахе «Енисей», журнале «Сибирские огни», газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Стихотворения Евг. Буравлева печатались в журналах «Смена», «Молодая гвардия».

В 1956 г. в Кемеровском издательстве вышел первый сборник стихов — «Кладовскатели». Сейчас готовится к печати второй сборник «Родник у дороги». Закончена большая работа — поэма «Красная Горка».

Евгений Баллада о сапере

Долго по следу сапера
Крадучись смерть ходила,
Не затевала спора —
Все до поры шадила. —
Только дышала рядом
Стужей мгновений длинных
То над фугасным зарядом,
То на полях на минных.
Сердцем толовой шашки,
Черным зрачком запала,
Неосторожной промашки
От него ожидала.

А он обходил ее мимо,
К трудной привык работе:
Мина ему не мина —
Прокладывал путь пехоте.
Хватился только в Берлине.
Что на висках уже иней.
А было всего в ту пору
Двадцать четыре саперу...

...Давно те дни отшумели,
И в прошлом году сынишке
Мать из отцовской шинели
Выкроила пальтишко.
Редко о первой бомбежке,
О том, как он нохал порохов,
Рассказывал сыну Алешке
Взрывник Никодим Егоров.
Новых дорог не мало
Прошел он под гром аммонала,
И мжно ему служила
Взрывчатка страшная сила.
У речек менял теченья,
Равнял с берегами горы;
Вставали за ним селенья,
Рождался шахтерский город.
Ни отдыха, ни привала —
Спешил туда, где синели
Невзятые перевалы,
Непройденные тоннели.
Спешил, как будто боялся:
Останется сыну работа,
И к ночи в барак возвращался
Оглохший и мокрый от пота...

Но было такое место:
Вздыхались скалы отвесно,
На речке, что билась справа —
Временная переправа.
Замерло все на стройке
В ожидании взрыва.
Только кедровки да сойки
Звенели за дальней гравой,
Только, прощаясь с летом,
Солнце пекло нестерпимо.
Но я не думал об этом,

Встретив тогда Никодима,
Кострами багряных нарядов
Не волновала осень.
Из десяти зарядов
Сработало только восемь.
А за спиной — переправа:
Люди, рельсы и шпалы.
И только он имел право
Снова сменить запалы...
Внешне спокоен, беспечен
Перед свершением трудным
Шагнул он к дымящимся грудам
Расправив саженные плечи:

— Посторонись, пехота!
Побереги здоровье! —
И только капелька пота
Застряла над самой бровью.
Только стиснул мне руку
Жаркой своей ладошкой:

— Если чего... Как другу...
Присмотри за Алешкой...
Только сердце заныло:
«Эх, кабы жизни по две»...
Но долга властная сила
Звала и вела на подвиг...

Напрасно принес Алешка
Завтрак отца нехитрый —
Краюшку хлеба, картошки
И молока пол-литра, —
Когда разметало скалы
В облаке щебня и дыма.

Мы знали: его не стало —
Взрывника Никодима.
С заломленными руками
Упала навзничь береза,
Казалось, что даже камни
Точили украдкой слезы.
И кто-то из старых путейцев,
Пропахший от шпал креозотом,
Вспомнил, как рота гвардейцев
Шла за Матросовым к дзоту...

Все было
Сурово и просто,
Как все, что связано с боем.
Но долго еще подросток
Сладить не мог с собою.
Тяжелое, человежье
Горе, как камня глыба,
Легло на мальчишеские плечи.
На сотовой верете Южсиба...
И если случится — мимо
Промчит тебя скорый поезд,
Поклонись ему в пояс —
Взрывнику Никодиму.

Буравлев

Гудели
№ ЗНАКОМИ

Бригадир Али Умарбек

Вот и опять не шагнуть за порог —
То глухая пурга, то морозная звень.
И даже Али, несмотря на зарок,
Курит четвертый день.
Метет и метет ошалелый снег,
Ветер насквозь продувает брезент.
Возле огненной печки Али Умарбек
Вспоминает родной Ташкент.
А над палаткой гудят провода.
Тревожно на сердце все эти дни,
Как будто бьется чья-то беда.
Безнадежно запутавшись в них.
Гудят, и в ста метрах на юго-восток
Падают в снег, спиралью кружа.
А связь, как в пустыне воды глоток,
Ожидает далекая Бискамба...
Не мог больше выдержать Умарбек
И сказал: «Пурги и мороза нет!»
И шагнул за полог в кипящий снег,
И мы потянулись вслед.
Со шквальным ветром, со снегом по грудь
Два дня продолжалась борьба.

1) Станция на участке Южсиба Сталинск—Абакан.

Трудный пикет

Бывает, сходится клином
Свет на одном из пикетов:
Впереди — непролазная глина,
Позади — эшелон пакетов
(Сотни рельсовых звеньев,
Собранных к наступлению),
А вокруг километров за сто
Не найти кубометра балласта.
И тогда — ни раньше ни позже —
Связь окажется в полном порядке,
И начальник стройки предложит
Устранить затор на укладке...
Но составлены в козлы лопаты,
Разомлели в тепле ребята
С Дона, с Волги, с безвестной Косули
За две ночи впервые уснули.
Как поднять их, промокших, уставших,
И какими смотреть глазами,
Если младшей дочурки не старше
Та вон девочка из Казани!

От столба к столбу дотянуть как-нибудь
И еще — до вершины столба.
И когда на исходе второго дня
Продутый со всех четырех сторон
Последний столб Умарбек обнял, —
Захрипел полевой телефон.
Кто-то сидел без стекла и гвоздей,
Где-то вагон под откос слетел —
Одновременно десятки людей
Говорили о сотне дел, —
И, пробиваясь сквозь все голоса,
Летело: «Ты слышишь меня, Артем!!
Сын, понимаешь, сын родился!
Мы тебя очень ждем!»
Кто-то басыл на другом конце —
Не мог разобрать Умарбек.
Таял колючий снег на лице.
Слова продолжали свой бег:
«Алло, Бискамба! Алло, Бискамба!»
А к горлу Али подкатился ком,
И, наверно, от холода так дрожат
Провода, опущенные куржаком.

В. Дубский

Рассказы

Макар Иванович

Василий Федорович Дубский (1923—1958 гг.) воспитанник Кемеровского детского дома, трудовую жизнь начал на шахте «Пионер». Здесь же он приобрел квалификацию горного техника-электромеханика.

На шахте он написал первые рассказы. Один из них — «Стрелочница» В. Дубский послал М. Шолохову. Писатель ответил прямо: рассказ слабенький, но работать стоит. И Дубский упорно работал, месяцами вынашивал свои небольшие рассказы.

Уважаемый т. Дубский!

Рассказ, с моей точки зрения, слабенький, но работать Вам стоит. Ищите и обряцете.
Желаю успеха!

С приветом

М. Шолохов

11 11 48.

В 1948 г. в газете «Кузбасс» был опубликован его рассказ «Шахтерская натура». В том же году Дубский перешел на газетную работу в шахтерскую многотиражку, затем он работал корреспондентом радиовещания, а в марте 1958 года был утвержден редактором промышленного отдела областного радиокомитета.

Произведения В. Дубского печатались в газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Красная Шория». В альманахе «Огни Кузбасса» были опубликованы его повесть «В добрый путь» (№ 8, 1955 г.) и рассказ «Беруна» (№ 9, 1956 г.).

В последние годы своей короткой жизни В. Дубский работал над повестью из жизни горняцкой молодежи. Опубликовать этот труд не успел. Болезнь унесла его жизнь в самом расцвете творческих сил.

На двадцать первом году семейной жизни Макару Ивановичу Новикову решительно не повезло. Началось с того, что жене захотелось иметь собственное пианино.

— Добро бы еще в музыке разбиралась, — жаловался он друзьям-шахтерам. — А то петь начнет, и не разберешь: или это «Ревела буря» или «Шумел камыш».

Но Елена Михайловна была неумолима.

— Ты мне зубы не заговаривай, — наступала она. — Сама-то я и на кастрюлях сыграю, а вот другие не должны отставать от жизни!..

У Новикова была дочь — студентка горного института. Синие задумчивые глаза под темными дугами бровей, чуть смугловатые, как из желтой бронзы, лицо и тугие черные косы — все это давало повод считать ее одной из первых красавиц в шахтерском поселке.

Все лучшие надежды свои посвящал Макар Иванович любимой Наташе. Теперь же, когда дочери исполнилось двадцать, он просто не мог нарадоваться. И не за то любил, что она была красавицей, даже не потому, что единственная. Нет, другое было тому причиной — свой характер угадывал в дочери.

Старый забойщик не один раз замечал, какими теплыми взглядами провожали ребята Наташу, с каким вниманием следили за ее уверенной легкой походкой.

«Ну нет, — мысленно усмехался Макар Иванович, — такую не проведешь на мякине! Отцовский характер у девки — серьезная, деловая, гордая! Такая не ошибется в выборе».

И однажды Макар Иванович не устоял.

— Добро, — сказал он, выкладывая на стол пачку денег. — Покупайте.

Вот именно с тех пор и пошло все.

Не успело в доме появиться пианино, как до Новикова стали доноситься слухи, будто к Наташе начал похаживать какой-то долговязый субъект.

«Начинается!» — кольнула тревожная мысль. Праздника, он не слишком доверял разным слухам, но беспокойство все-таки нарастало. А дыма без огня не бывает.

Как-то Макар Иванович вернулся домой раньше обычного и увидел на диване незнакомого молодого человека.

«Где-то я видел этого голубчика?» — подумал Новиков, сухо поздоровавшись, начал раздеваться, причем так нерешительно, как будто пришел не домой, а в гости. Раздевался и вспоминал: «Где я встречал его?.. Ведь не во сне приснилась мне эта физиономия!..»

— С работы? — спросил молодой человек.

— Не с танцев, само собой...

— А что? Вам еще и на танцы не грех заглядывать, — пошутил гость. — Сколько вам, лет сорок пять — сорок шесть?

— Семнадцать, — сердито буркнул Новиков. А про себя заключил: «Дурак!».

Но отделаться от назойливого учителя музыки было не так-то легко. Он, как будто не замечая взвинченного состояния Новикова, расспрашивал старого забойщика о шахте, о лучших людях бригады, о заработках. Макар Иванович на все вопросы отвечал коротко: «да», «нет», «угу», «кхм». И все больше хмурил густые темные брови: «Пустомеля!».

Пожинав, Макар Иванович сразу же ушел к себе в комнату. Но уснуть в этот вечер не мог еще долго.

«Где же, где я встречался с ним? — морщился он, — Тьфу, дьявол!..»

И наконец вспомнил.

— Прыгун!

Сразу вздохнул облегченно — гору свалил с плеч. — Вот где я тебя заприметил, голубчик!..

В прошлом году жена и дочь затащили Макара Ивановича на стадион, где проходили соревнования по легкой атлетике. Там-то Новиков и видел своего гостя, который прыгал в высоту с шестом. Старик еще целый вечер смеялся тогда:

«Впервые встречаю, чтобы жердь через жердь перескакивала!»

Но как бы то ни было, а незваный гость зачастил к Новиковым. И главное — вел себя очень уж свободно, прямо как хозяин. То расхаживал по комнате, раздражая назойливым скрипом модных туфель, то бесцеремонно разглядывал на стенах ковры и семейные фотографии, то, развалившись на диване, рассказывал Наташе какие-то бесконечные истории.

В душе у Макара Ивановича с каждым днем росла неприязнь к парню. Ему все не нравилось в нем: и лицо, и походка, и даже костюм. Сказать об этом дочери он не решался.

«Своя голова на плечах, — думал он. — Должна понимать, с кем связывается».

И обиженный отец все меньше стал бывать дома, все больше начал задерживаться на шахте.

Но вскоре произошли события, которые отвлекли Новикова от семейных забот.

Разнеслась весть о том, что комсомольско-молодежная бригада соседней шахты намного перекрыла показатели старого проходчика.

«И надо ж так: столько лет держать первенство, а тут отдать каким-то пацанам...»

Макар Иванович ходил мрачный, как осенний день: шахтерская слава очень крепко сжилась с ним, и нелегко было ему расстаться с ней.

Подошел срок районного совещания передовиков.

В этот день Макар Иванович проснулся рано. Наскоро оделся, вышел на крыльцо. Улица дохнула на него приятной, как родниковая вода, прохладой. В небе ослепительно ярко разгоралось утреннее солнце. Белые обрывки облаков, словно беспорядочная стая гусей, медленно проплывали на запад. На крышах домов, на траве, на шелковой листве молодых березок серебряной россыпью сверкали капли росы.

— Хорошо-то как! — удивился Макар Иванович.

Весенний воздух звенел от множества птичьих голосов. Кругом все по-праздничному наряжалось, точно под искусной рукой невидимого художника. То тут, то там среди ковровой зелени яркими огоньками горели красные, желтые, голубые цветы. Было, действительно, хорошо. В такое утро стоило забыть обо всем, что было горького и неприятного.

«В самом деле, — подумал Макар Иванович, — не пора ли бросить дуться на дочь? Она с круглыми пятерками курс заканчивает, а я... Конечно, не такого жениха желал ей, да что поделаешь... Ведь надо же кому-то и музыкантами, и прыгунами быть... А что, если Наташа вовсе и не любит его? Откуда я взял, что он жених? Разве дочь говорила что-нибудь об этом?.. Нет. Затеял карусель и сам не знаю к чему! Да ведь этак о любом человеке можно подумать черт знает что!..»

Вечером на совещание передовиков Макар Иванович приехал намного раньше. До начала он успел выпить в буфете кружек шесть пива и, окончательно повеселев, готов был даже пойти танцевать, если б только умел.

В зале играл духовой оркестр. Молодежь танцевала. Пожилые степенно расхаживали по залу, рассматривали вывешенные на стенах монтажи и диаграммы, толпились у буфетов.

Неожиданно Макар Иванович заметил в толпе злополучного пианиста.

«Этот уже и здесь успел, — без неприязни, но и не очень дружелюбно подумал он. — Ну что ж, музыканту на любом торжестве почетное место».

Подошел секретарь райкома.

— Хочешь, познакомлю тебя с Леоновым? — спросил он.

— С каким Леоновым?

— А с тем самым, который обставил твою бригаду.

— А ну-ка, покажи мне этого суб'екта!..

И они направились в другой конец зала, пробираясь сквозь шумную толпу людей. Макар Иванович ловил взглядом каждое молодое лицо, угадывал мысленно:

«Не этот ли? Или вон тот?..»

Но лиц в зале было много, и почти все молодые, — попробуй угадай!

— Вот, он самый Леонов и есть, — сказал секретарь райкома, останавливаясь. — Знакомьтесь.

Старик взглянул на того, кого назвали Леоновым, и от растерянности крикнул. Перед ним стоял пианист. Тот самый пианист, который давно уже примелькался и надоед ему в собственном доме.

— Этот... Леонов?! — недоверчиво переспросил Макар Иванович. — Не может быть...

— Почему не может быть? — засмеялся секретарь райкома. — А вы знакомьтесь, знакомьтесь. Нечего рассматривать друг друга.

Пианист улыбнулся и охотно протянул руку... Но Макар Иванович словно потерял вдруг способность и говорить и двигаться. Он никак не мог поверить в то, что представленный ему парень — тот самый Леонов, о котором в последнее время было столько разговоров кругом.

— Мы с вами, кажется, уже немного знакомы, — весело сказал пианист.

— Д-да, кажется... немного того, — пробормотал Макар Иванович. — Значит, ты правда Леонов?..

— Правда.

— Который меня... это самое?..

— Чего же тут особенного?

— Ничего, конечно, особенного... Выходит, и прыгаешь, и на пианино играешь, и стариков... как бы это сказать?..

— При желании везде можно успеть.

— Кхм... Одного только понять не могу...

— Чего?

— Как же это ты при такой занятости еще и по части девочек успеваешь?..

— Вы Наташу имеете в виду?

— Хотя бы...

— Так мы ведь с ней вместе в институте учимся. Только я — на заочном отделении.

— Понимаю, понимаю...

Макар Иванович с любопытством смотрел на это-

го вездесущего парня и все больше убеждался в своей ошибке: в свете люстр и фигура, и лицо его были куда красивее, чем показалось при первой встрече.

«Что значит хороший свет, — подумал старый забойщик. — Обязательно надо будет купить себе большую лампу...»

Он протянул Леонову свою крепкую, жилистую руку и совершенно искренне сказал:

— Не забывай нас. Заглядывай. Наташка-то, это самое... небось, уже соскучилась.

Жалоба

Первый раз я встретил его на вокзале.

Только что прибыл московский поезд. Толпа пассажиров и встречающих шумным потоком хлынула к выходу в город и в несколько минут затопила весь перрон.

— Вот прут, испятнай их! — беззлобно ворчал низенький, седой, как игрушечный дед-мороз, старичок. Он держал в одной руке маленький дорожный чемодан, другой заботливо поддерживал такую же старенькую, как сам, спутницу. — И куда бегут, шут их дери?.. Того гляди, на столб какой пихнут. Крушение потерпишь!.. На сухом берегу-то...

Мы оказались рядом.

— Кстати, вы не моряк? — весело спросил он.

— Нет, — улыбнулся я. — Почему вы так подумали?

— Уважаю моряков, — объявил старик. — И летчиков уважаю. Я, брат, всех уважаю!..

Голос у него был негромкий, лицо морщинистое, но глаза по-молодому ясные, с искоркой.

— Люблю! — помолчав немного, вдохновенно повторил он.

— Чегой-то? — спросила его молчаливая спутница.

— Люблю, говорю, когда все вот так крутится, вертится. Кипит, бурлит!.. Жизнь, елки-моталки! Движение!..

В сутолоке кто-то нечаянно задел старика чемоданом. Старик покачнулся, но невозмутимо воскликнул:

— Ничего! Нажимай!

Повернулся ко мне.

— Вас как звать-то, простите?

— Андрей.

— Андрюша, стало быть?.. Вот, Андрюша, и в жизни так случается: не подтолкни иного, так он и будет худой коровой плестись. Или хуже того — его вперед толкают добрые люди, а он упрется — и, шабаш: — сам не идет и другим мешает!.. Потом хватится: «Ах, мать честная! Ах, я такой-сякой!..»

Ему уже помирать пора, а он еще и жить-то как следует не начинал...

— Сколько же вам лет, дедушка? — поинтересовался я.

— Лета здесь ни при чем, сынок, — вздохнул старик. — Дело не в летах...

На минуту задумался, точно вспоминая, сколько же ему лет, пожевал сухими губами, ответил просто:

— Семьдесят третий с весны пошел.

— На пенсии?

— Пенсия пенсией... Пятьсот рубликов государством вырешило. А только дело не в деньгах. Я еще на работу злой. Да, брат, тружусь еще.

Мы вышли на привокзальную площадь и распрощались...

Недаром говорится: гора с горой не сходится — через неделю случай опять столкнул меня с этим стариком.

Встретились мы возле горкома партии. Я сразу узнал его. На нем был тот же самый костюм, в котором я видел его первый раз — длинный, аккуратно выглаженный пиджак и узкие брюки навыпуск.

У старика тоже оказалась крепкая память. Порывшись со мной, он приостановился, вопросительно прищурился на меня и негромко сказал:

— Кажись, видел где-то человека, а?..

— Так точно, дедушка, — подтвердил я.

— А-а! Вспомнил! — обрадованно воскликнул он, и сунул мне в руку свою маленькую шершавую ладонь. — Здравствуй!.. В поезде встречались, так ведь?..

— Почти так. Возле поезда.

— Ну вот! То-то, гляжу, знакомый!.. Вы ведь моряк?

— Нет...

— Ах, да, летчик!.. Ну это все равно. Я ведь и летчиков люблю!..

— Как поживаете? — спросил я, не возражая против летчика.

Старик быстро взглянул на меня, весь как-то сразу обмяк, загрустил и, потрянув седой головой, признался:

— Живу плоховато, сынок... Да.

— Почему так?

Он беспокойно пошарил руками в карманах пиджака, пожаловался:

— На сына вот... заявление несу в горком партии... На чадо свое непутевое!..

— Обидел?

— Обидел, гвоздь ему в ухо!..

Сердито пожевав губами, он начал рассказывать:

— Понимаешь, какое дело... На курорт мы со старухой ездили. Видал, небось на вокзале мою нареченную?.. Да-а. Так вот, стал быть, с'ездили, верну-

лись домой. Выхожу опять честь-честью на работу... Я в строительной конторе пилорамщиком вот уже двадцать лет заворачиваю... Выхожу, значит, на работу, а мне и говорят: «Вы у нас, Кузьма Галактионович, уже не числитесь». Меня, скажу вам, будто кто плахой по лбу огрел.

«Как так, — спрашиваю, — не числюсь?»

«Да вот так, — отвечают, — уволили».

— Только это я хотел их «уволить» крепким словом, гляжу: бумажку мне в руки подсовывают. Приказ, стало быть. Читаю и глазам не верю: «Пилорамщика К. Г. Мельникова с работы уволить, согласно распоряжению начальника». Вот что делают, гвоздь им в ухо!.. Повернулся я, значит, и мигом к нему, к начальнику.

«По каким, говорю, таким статьям ты с работы меня посмел уволить?»

— Начальник-то мне родным сыном доводится. Ну и, понятно, когда мы с ним с глазу на глаз, то круто разговариваем, если, конечно, провинится начальство... Да. Спрашиваю, стало быть, таким манером, а он улыбается, осиновая душа, как будто и дело вовсе не его. Вертит хвостом так и этак.

«Ты присядь, папаша!.. Ты не горячись...» И всяко разное приспособляется. Юлит, одним словом. Нет, думаю, голубчик, не на того нарвался. Я парень бывалый!.. А он все свое:

«Ты ведь досыта уж наработался, папаша... хватит... на отдых пора... Хочешь, еще одну путевку на курорт достану?»...

Тут уж меня совсем взорвало:

«Да как ты, — говорю, — смеешь! Яйцо курицу учить вздумало!.. Подкупить хочешь? Не выйдет!..»

— Так и не пускает на работу?

— Не пускает. Самовольничает, гвоздь ему в ухо!

— А почему бы вам и в самом деле не пойти на покой?.. Ведь вам уже за семьдесят.

— Не привык я без дела, — с грустью вздохнул пилорамщик. — Скучаю. Ругаться вот даже начал... Со старухой пятьдесят лет прожили душа в душу, а тут на днях как-то поругались... Чуть, брат, до развода не дошло. Ей-богу!

— Дело можно и дома найти. По-стариковски...

— Дома? Это что же, стайки обывателям починять?.. Ну нет, Кузьма Галактионович хоть и самый простой плотник от рождения, да только душа у него, может быть, шире, чем у иного-прочего. Нет, молодой человек, не то вы говорите. Не то!

И он посмотрел на меня так, будто и меня заподозрил в какой-то каверзе.

— Много я прожил на свете. Верно. Да и работу всякую перепробовал. Ни от какого дела, скажу вам, не прятался. А все кажется: мало еще сделал путного. Совесть умирать будет... Ну, да ничего! Я на свое начальство найду управу. Подумаешь,

туз какой нашелся! Небось, повыше его есть!..

И сразу забеспокоился:

— Поди-ка ты! Заболтался я тут с тобой!.. Пойду. Бывайте здоровы! Может быть, еще увидимся!

Старик пожал мне руку, весело подмигнул, как бы успокаивая: «Будь уверен, я свое возьму!», и быстро исчез в подьезде большого двухэтажного здания.

Мне захотелось узнать, чем все кончится, и я решил подождать старика. Я отошел в сторону, присел на скамейку между двух тополей, закурил.

На улице царило обычное оживление. Вот протопала кирзовыми сапогами группа подростков в синих замасленных комбинезонах; промчался на зеленом мотоцикле усатый милиционер; просеменил на коротких ножках низенький толстый человек с роговыми очками на большом носу и обемистой папкой в руках.

Мое внимание привлекли очень уж оживленные голоса. Молодая румяная женщина спорила с пожилым худощавым мужчиной. Я прислушался.

— Ты ужасный человек, Михаил! Я тебе русским языком говорю, что согласна поехать только в Сочи!..

— Но, дорогая моя...

— И никаких «но»!

— Пойми, что ты все-таки домохозяйка...

— Я не просто домохозяйка. Я твоя жена! Надеюсь, ты заслужил путевку вне очереди!..

— Что ж, обещаю постараться, но...

Я швырнул под ноги изжеванный окурочок и отвернулся. В то же мгновение увидел старика, который выходил из горкома партии.

— Ну как? — спросил я, подходя к нему.

— Все в порядке, — сказал он, почему-то несколько не удивившись тому, что я все еще не ушел. — Оставил заявление.

Он поднял голову, посмотрел куда-то мимо меня и в раздумье добавил:

— По правде говоря, за успех не ручаюсь: дочь у меня в горкоме работает... Ну да посмотрим! В случае чего, я и до ЦК могу дойти!..

М. Небогатов

Шахтерская душа

Метель заметала дорогу,
Топила огни фонарей...
Спешил он к родному порогу —
К жене, к ребятишкам скорей!
Вдруг болью все тело, как током,
Пронзило... Схватился за грудь.
Шагнул, оступился — и боком
Стал падать в свистящую муть...
Рассудок готов согласиться,
А сердце не верит никак,
Не может, не хочет смириться,
Что все это правда, все так.
Мне легче поверить в иное:
Войдет он нежданно живой
И сразу же что-то смешное
Расскажет, тряхнув головой.
Увидев газетный тот номер
С известием — ушел навсегда, —
Прищурится: — Кто это помер!
Что-о! Дубский! Не верь! Ерунда.

Возьмет из кармана «москвички»
Бумажную трубку тотчас.
На стол — папиросы и спички...
— Послушай-ка новый рассказ!..
Сюжет, как всегда, немудреный,
Герой, как обычно, — шахтер...
Прочтет и, в героя влюбленный,
Запальчиво ринется в спор,
— Я знаю шахтерскую душу!
Из жизни узнал, не из книг.
И пусть кой-кого оглоушу —
Такой уж горняцкий язык.
...Не мало задумано было,
Да мало он сделать успел.
В чернильнице сохнут чернила,
И стол у окна — опустел...
Нет, в сердце живой ты, Василий.
Я слышу твой голос: — Не верь!
Как много нам надо усилий,
Чтоб жить после близких потерь...

Ада Гавзукина

КАПИТАНЫ

РАССКАЗ

Полдень. Жарко. Прибрежные тальники клонятся к воде. Иня, небольшая мелкая речушка, лениво плещется у берега. Сквозь прозрачную воду видно, как над песчаным дном ходят стайки пескарей. Они заплывают в тень деревянного мостика, часами висят там неподвижно и не клюют ни на какую наживку.

Но заядлые рыбаки, с выгоревшими на солнце волосами, в полной рыбацкой форме — в подвернутых выше колен штанах, тоже часами терпеливо ждут: не попадется ли на самодельную удочку какая-нибудь, хоть самая заваливающая рыбешка.

— Шурик! Тебя мамка искала!.. — зазвенел девчоночий голос, и беловолосая встрепанная голова высунулась из кустов.

— «Шурик!» — передразнил коренастый, загорелый до черноты мальчонка. — Сколько раз говорил: не зови Шуриком, отзываться не буду. И чего это ты, Любашка, всегда не в свои дела лезешь?

— Ой, да Саша же, да я же нечаянно, честное пионерское! — зататорила девчонка и, раздвинув ветки, ближе подошла к берегу. — Право, искала. У нас была. Где, говорит, этот шеллапут? Опять, наверное, на речке прохладжается. Пусть, говорит, идет домой сейчас же...

— Иду, иду... не кричи, а то ушам больно.

Мальчишка неторопливо смотал удочку, прикрыл травой банку с червями, снял с куста кулан, на котором одиноко болтался маленький ершишка, словно сделанный из одних колючек, и не спеша заплыл по дороге.

— Санька! — окликнул его выскочивший из-под мостка приятель. — В капитанов играть придешь?

— Приду, — не останавливаясь, мотнул головой Саша, — мать на дойку поедет — приду. Коров сегодня на дальний выпас погнали, долго не вернется...

— А меня примете?

Саша оглянулся. Беловолосая девчонка шла за ним.

— Да ну?!

— Чего «ну»? Чего «ну»? — заторопилась та. — Я и матросом могу...

— Давай примем, — совсем вылезая из воды и обтираясь ладонями, примирительно сказал Владик, — пускай на мачте сидит, землю высматривает.

Олег Король.

В пути

Шумит за кормою
Крутая волна,
Искрясь и сверкая
В багряном закате.
Дымит пароход,
И плывет тишина,
Вечерним раздумьем
Окутав фарватер.
Звезда замигала,
Купаясь в реке,
А сердцу в груди
Неспокойно и тесно.
И чей-то баян
О дорожной тоске
Выводит задумчиво
Грустную песню.
И песня к зеленым
Летит берегам,
Касаясь крылом
Серебристого плеса,
Туда, где остались
Родные глаза
С росинками слез
Да тяжелые косы,
Туда, где до полночи,
Знаю, она
С причала безлюдного
Не уходила...
И хочется слушать,
Как плачет волна,
И хочется с ветром
Померяться силой!

В. Соболев

ВЕСНА

Опять весна-чудесница,
высоко
Карабкаясь на синие хребты,
Разбила
свой кувшин
с душистым соком —
И над оврагом
ожили
кусты.
Густой вербовник зашуршал,
очнулся,
Головками пушистыми
дрожа.
Листок к листку,
соскучась,
потянулся...
И ветка ветку
будит, тормоша.
Вприпрыжку,
с круч разбуженных сбегая,
Журчат ручьи...
По лугу ветер, мчась,
Поет,
шумит...
И поросль младая,
Клубясь зеленым дымом,
поднялась.
г. Тяжин.

Г. Генке

МОРЕ, ШУМИ, ЗОЛОТОЕ

Зерна уже пожелтели —
Зреет богатство какое!
Колос кругом без предела —
Море, шуми, золотое!
Капли твои — это зерна,
Зерна одно как другое.
Все они наши, бесспорно, —
Море, шуми, золотое!
И далеко, без преграды
Стелется поле большое,
Ветер приносит прохладу —
Море, шуми, золотое!
И с голубого зенита
Смотришь, гудит над тобою
Родины нашей защита —
Море, шуми, золотое!

с. Тамбор, Тисульского района.

Г. Холоденкин

РОССЫПЬ СКАЗОЧНЫХ КАМНЕЙ

Раньше в песнях люди пели,
Будто яхонтом кольца
Привораживать умели
К парням девушек сердца.
Белый жемчуг будто свято
И навек хранит любовь,
А гранат в бою солдату
Останавливает кровь;
Что янтарь приводит к власти,
Гасит жар любви алмаз,
И приносит людям счастье
Скромный дымчатый топаз.
От болезней исцеляет,
Аметист, а изумруд
Тайны кладов открывает...
Только мало ль что поют?
Я в одном согласен с миром,
Что в глазах жены моей
Отблеск синего сапфира,
Покровителя морей,
Что зарей любви согрета
Глубина любимых глаз,
Что сама любовь одета
В скромный дымчатый топаз.
Что ж ценнее? Если спросят, —
Человек всего ценней.
Он в душе своей пронесит
Россыпь сказочных камней.

г. Сталинск.

Санька подумал. Любашка от волнения даже приоткрыла рот.
— Шпионом примем, — наконец решил Саша. — Сначала на
мачте, а потом вражеским шпионом. Слышишь, Любашка?

Девчонка заметно огорчилась. Быть шпионом — это значит добрую половину игры просидеть в плену. Хорошо, если просто заберут в плен, а то, чего доброго, в горячке и туманов надавать могут... Она хотела заспорить, но, посмотрев на непреклонного Саньку, вздохнула и согласилась.

— Ладно уж... — и тут же загорелась: — Я побегу, лыжные штаны надену. В платье неудобно...

И Любаша вприпрыжку умчалась, оставив Саньку далеко позади.

Саша шел неторопливо, помахивая удочкой и смотрел на далекие вершины Салаирского края. В дождливую погоду горы затягивает серой дымкой, и тогда очертания их расплываются, как пятно на промокашке. Сегодня, под солнцем, горы были лилово-розовыми, как будто кто-то кинул туда огромные охапки душицы.

От самого подножья Салаира и почти до огородов тянутся колхозные поля. Местами в них вклиниваются небольшие колки и перелески, оставшиеся от бывлой таежной глухомани. Сейчас, когда хлеба доспевают, поля похожи на красновато-желтое море: ветер скачет с холма на холм и катит друг за другом тяжелые шуршащие волны. Может, поэтому здешние мальчишки и любят играть в капитанов.

Впрочем, никто не знает, откуда появилась у ребят далекого села, где и реки-то порядочной нет, любовь к морю. Может, от книг, по страницам которых плывут моряки всех времен и народов. Может, от бескрайнего простора. А может быть, любовь к морю и у них в крови. Потому что первыми поселенцами на этой земле были сосланные сюда при царе взбунтовавшиеся матросы. Взрослым некогда думать о таких делах. Зато все ребята села убеждены, что ведут свой род от легендарных «потемкинцев».

Саша Акимов и его друг Владик тоже любили играть в капитанов. Но возить пассажиров, даже на самом большом океанском корабле, им вовсе не хотелось. Они предпочитали быть торпедными катерами. Или, в крайнем случае, сторожевым судном. То есть, конечно, они были командирами, но в то же время они были и командой, и мотором, и даже зенитной пушкой. Завидев эскадрилью вражеских бомбардировщиков — стаю ворон, — они громко командовали:

— Орудие, к бою!

И во весь голос крича: — «Бах! Тарарах!» — швыряли в ворон палками и камнями.

Дома Сашу встретили молчанием. Мать ворочала ухватом чугуны в печке, что-то подливала и подсыпала в них и даже не глядела в Санькину сторону. Сестра Анютка тоже молчала и сосредоточенно отвертывала голову тряпичному зайцу.

— Мам, а мам, я ерша на ущицу поймал. Погляди...

Саша немного трусил и поэтому решил ускорить события. Мамка ведь такая: закричит, закричит да тут же отойдет.

— Я вот тебя самого сейчас на ущицу поймаю. Опять целый день прошлындай, а поросята в огород забрались, картошку разрыли. Анютка чугуны с водой опрокинула...

— Кинула, — сказала Анятка и безмятежно посмотрела на брата синими глазами.

— Чтоб сегодня не смел больше никуда ходить! Если узнаю, что опять без меня собак по улицам гонял, так этим ухватом и пройдуся по спине, слышишь, Санька? Совсем от рук отбил-ся, капитан сухопутный! Отец из города вернется, все ему расскажу! — И мать, откинув волосы со лба, снова полезла ухватом в печку.

— Мам, — затынул Санька, по опыту зная, что нытьем можно выпросить у матери поблажку, — мам, я ненадолго, на полчаса всего, ма-ам... Я тебе потом из речки полную бочку воды натаסקаю, а мам!..

— Ох, да не канючь ты, как тот поросенок, которого три дня не кормили. Иди уж, иди... Но смотри, на полчаса.

Владик и Любаша уже нетерпеливо ждали у околицы, когда Санька наконец освободился.

— Пошли! — и Саша свернул к Ине.

— Погоди, Санька. — Владик дернул друга за рукав. — Вчера веревку на сосне забыли, а мать ругается. Давай в Сухой лог сбегаете, а?

— Далеко... Лучше завтра, с утра. Мать не велела долго...

— Так она ж нескоро придет, не узнает. Мы быстро — туда и обратно. А то отец, знаешь, как ругаться будет? Веревка-то наша собственная, в селпо купили. Я ее с колодца снял... Пойдем. — Владик просительно посмотрел на Сашу и переступил с ноги на ногу.

Любаша тоже сочувственно вздохнула.

Санька подшвырнул ногой какой-то камешек, подумал, подтянул пояс неопределенного цвета штанов и решительно махнул рукой:

— А, ладно! Только бегом!..

Вскоре ребята уже шагали по узкой дороге, выходящей среди полей. Пшеница по сторонам была такая, что ребят закрывала с головой. Стебли слегка клонились под тяжестью колосьев, тихо переговаривались, шептались, будто делились друг с другом какими-то радостными секретами.

— А знаете, ребята, я бы подвиг какой-нибудь совершил!.. — мечтательно сказал Владик. — Только у нас в Песчаном никаких подвигов нет... А так бы!..

— Я бы тоже! — подхватила Любаша, забегая немного вперед и идя боком. — Как будто мы в разведку идем, морская пехота. И вдруг: трах! бах! выстрелы! А я вперед со знаменем: «Ура!»

— Станут тебе разведчики со знаменем ходить, как же! Ты кино смотрела? Как они там, помнишь, Владик? — «Прекратить разговоры, саперы вперед, выходим на линию огня!»

Ребята пригнулись и, всматриваясь в окружающие кусты, начали красться по дороге.

Воздух над степью начал густеть, синеть, остро и в то же время тонко запахло нагретой за день травой, землей, потянуло особой вечерней свежестью. Небо слегка зарозовело, потом по нему пробежал яркий сполох и вдруг весь горизонт вспыхнул малиновым и оранжевым, как будто там, за вершинами Салаира, загорелся невиданно огромный пожар. Где-то в дальних кустах сонно вскрикнула птица:

Владимир Чугунов

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Свет-
лана

Мысленно является ко мне.
Теплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.
Что скажу я в этот миг, ре-
бенка

На коленях нежно приласкав?
Что нескоро я вернусь обратно,
А возможно — вовсе не
вернусь...

Так закон диктует в деле рат-
ном:

«Умирая, все-таки не трусь!»
Может быть, в журнале или
газете,
Желтых от событий и времен.
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер
он!»

А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитай,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда не
прав.

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трехлетняя Свет-
лана

Мысленно является ко мне...
Действующая армия, 1943 год.

Жажда

В тайге жара, Глубокий лог
Гнилой испариной дымит.
Идешь вперед — и нет дорог,
И нет ручья, чтобы напиться.

Я грежу, как журчит ручей,
Раздвинув корень древней ели.
Иголки низменных ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

Над ним порхает мотылек,
Букашки ползают по илу.
Живой воды один глоток
Вливает в тело жизнь и силу.

Я так ищу любви твоей,
Как ищут ключ у корня ели,
Где иглы низменных ветвей,
Склонясь к ручью, оцепенели.

Новые документы о поэте-земляке

Смертью храбрых погиб на фронте Великой Отечественной войны наш земляк — талантливый поэт и прозаик Владимир Чугунов. Это было на Северном Донце, недалеко от села Щебекина. Фронтовые товарищи похоронили его в гробу, сбитом из досок от снарядных ящиков. Над могилой они сделали надписи: «Здесь похоронен Владимир Чугунов — воин, поэт-гражданин, павший пятого июля 1943 года». Имя Владимира Михайловича занесено Новосибирской организацией Союза писателей на мемориальную доску, установленную в память о погибших на фронтах Великой Отечественной войны литераторах-новосибирцах.

Владимир Михайлович Чугунов родился 5 мая 1911 года на ст. Иланская. Свою литературную деятельность он начал в Анжеро-Судженске. Окончив в 1930 году горпромуч, Вл. Чугунов пошел работать в шахту машинистом врубовой машины, затем был выдвинут на работу в редакцию «Борьбы за уголь».

Жизнь в шахтерском городе, тесная связь с горняками дали ему богатый материал для его произведений — поэмы «Горючий камень», стихов «Шахтерская», «Сосна», «Подруги», «С четырех сторон пихтач и кедр», «Песня о Петре Сухове», «Я», повести «Клад на Алчедате», рассказов «На перекате», «Восемнадцатый шпур» и других. За этот период Чугунов написал много очерков и статей, публиковавшихся в городской газете. И позднее, когда Вл. Чугунов уехал из Анжеро-Судженска, он не порывал связи с редакцией газеты «Борьба за уголь». В августе 1941 года, приехав в Анжеро-Судженск навестить мать Серафиму Александровну, Вл. Чугунов передал редакции стихотворение. Первая строчка его — «Уголь — это бомбы и снаряды» — была использована на шахтах как лозунг, призыв.

В 1938 году Владимир переехал в Казахстан, полюбил и воспел этот край в своих стра-

— Сплю-сплю... Сплю-сплю...

Небо еще раз ярко полыхнуло и медленно стало гаснуть. Начало темнеть. Ветер похолодал, колосья зашептались громче. Ребята поеживались и незаметно для себя ускоряли шаг.

— А страшно одной тут остаться, — оглядываясь на кусты, сказала Любаша, — я бы ну ни за что не осталась.

Мальчишки ничего не ответили, только покосились по сторонам. Играть почему-то расхотелось. Поскорее бы добраться до сосны, схватить веревку и вернуться домой.

Дорога, взбежав на холм и попетляв среди кустов, круто ринулась вниз. Впереди, вырисовываясь на быстро темнеющем небе, показалась большая сосна с отломанной вершиной.

— Дошли! — шепотом сказал Владик.

Держась за ветки, он начал спускаться по узкой тропинке и вдруг остановился:

— Смотри! — подтолкнул он Сашу. — Что это?

Недалеко от сосны в густом массиве пшеницы двигались какие-то светлые пятна. Ребята замерли. Любаша крепко уцепилась за Владика, и глаза у нее стали круглыми. Саша, наморщив лоб, вглядывался в темноту. Светлые пятна медленно перемещались по полю. Казалось, что там и в самом деле, прячась и пригибаясь в темных хлебах, собирается какой-то отряд. Любаша испуганно ойкнула. Владика показалось, что у него так стучит в груди, как будто там работает молотилка. И вдруг до ребят донесся негромкий протяжный звук:

— Ме-е...

— Фу-у... — Саша только сейчас почувствовал, как ему было страшно. — Да это же телята!

— Ой, а мы то!.. — зазвенела Любаша...

— «Мы!» Я даже нисколько и не испугался.

— Ага, не испугался. Ты уж не хвастай, Владик, испугался, испугался! — кричала Любаша.

— Постойте, ребята, — Саша, сдвинув брови, что-то соображал, — это чье поле за сосной?

— Это «Зари», — не задумываясь, ответил Владик. — Тут отец пахал, я к нему бегал. А там — ихнее. У них там семенная пшеница посеяна. Ну, скорей, веревку снимем и домой. Вон уже темень какая.

И Владик снова начал спускаться по тропинке.

— погоди. Ты говоришь: семенная? А телята? Потравят ведь...

— Ну и что? Не наше поле. Пусть «Заря» сама за своей пшеницей смотрит. И телята не наши.

— А чьи?

— Почем я знаю!..

— Заринские, наверно, — вмешалась Любаша. — наших пригнали, я сама видела.

— Бежим!

— Постой! А как же они в пшеницу попали? Чего пастух смотрит?.. Эге-гей! — вдруг закричал Санька и замаха л руками, хотя в темноте пастух все равно бы этого не увидел.

— Эй, пастух-ух! — подхватила Любаша.

— Э-эй, где ты-ы? — закричал и остановившийся Владик. — Да ну, ребята, бросьте. Пастух, может, под кустом спит, а мы надрываться будем. А может, заринцы нарочно телят здесь пасут, может, у них тут на зеленку посеяно?

— Где же это ты видел, чтобы семенную пшеницу на зеленку кормили? — насмешливо спросил Саша. — Скажи прямо, что забоялся.

— Я? Чего это я забоялся?

— Телят гнать.

Любаша с удивлением посмотрела на Сашу и уже хотела что-то сказать, но Владик ее перебил:

— Да ты, Санька, чего? Ты, может, сдурел? — и он потянулся к Санькиной голове рукой.

— Сам ты сдурел. Не трогай, а то как стукну! Говорю: телят гнать надо.

— Куда ты их погонишь? Ты знаешь, чьи они? Тебе за них еще и по шее надают. Да они у тебя и разбегутся все. Их и днем то не удержишь, а то ночью!..

— Все равно погоню, — упрямо мотнул головой Санька. — А ты не маши! — сердито закричал он, увидев, как Владик махнул Любаше рукой, и постучал себе по лбу. — Не маши! Сам за паршивой веревкой вон куда побежал. Как же: «собственная! В селпо купили!» А тут — хлеб! Да что я с тобой, дураком, разговариваю? Пойдем, Любашка. Или, может, тоже струсила?

— Не-е... Только ведь, правда, разбегутся...

— А ну вас! А еще пионеры!.. Только играть умеете, как маленькие. Вредители вы, а не капитаны. Ну и не надо, один погоню!..

Сжав кулаки от бессильной ярости и неумения объяснить ребятам то важное, что он чувствовал сам, Саша бегом пустился вниз по склону.

Любаша заколебалась, потом тряхнула головой, отчего косички вновь запрыгали, и бросилась за ним.

— Теля, теля, теля! — зазвенел ее голос уже в ложбине.

Владик нерешительно постоял на бугре, медленно спустился по тропинке, подошел к сосне и опять остановился. Курносое веснушчатое лицо его было одновременно и гордым и обиженным. Он дернул за конец веревки, свисающей с сучка. Веревка не поддавалась. Тогда Владик полез вверх. Отцепив веревку, он сел верхом на толстый сук и опять прислушался.

— Справа заходи, справа, — кричал Саша. — Гони их в кучу!

— Я гоню, а они обратно... — в голосе Любашы слышались слезы.

— Куда ты их в пшеницу заворачиваешь? К дороге гони!

— Эх, вы, — не выдержал Владик, — с телятами не справитесь! Туда же суются. Пленных набрали, а удержать не можете. Вот я вам сейчас покажу, как настоящие моряки действуют!

Обхватив ствол руками, Владик быстро с'ехал вниз. Через минуту над полем уже звенели три голоса:

— Загоняй, загоняй!

— Веревку давай, окружай их!

— Держи, пестрый удрал!..

Ошалелые телята, взбрыкивая, бросались во все стороны, метались, стараясь вырваться, но ребята все больше теснили их к дороге. Наконец, запыхавшиеся, исцарапанные, с мокрыми от пота рубашками, ребята согнали телят в кучу.

— Уф! — Санька, отдуваясь, потряс рубашку на груди. —

стных, отточенных по форме стихах. Этот период жизни и творчества довольно полно освещен и в печати. К сожалению, мало что было известно о жизни и творчестве поэта в Анжеро-Судженске. Нам удалось собрать часть материалов — письма В. М. Чугунова к матери (умершей в 1953 г.), неопубликованные стихотворения, фотографии, удостоверение об окончании горпромуча, воспоминания анжерцев, хорошо знавших поэта.

Недавно автору этих строк из Алма-Аты, от Марии Федоровны Гришиной — жены поэта — и его дочери Светланы пришла посылка, в которой оказались ценные документы о творчестве Владимира Чугунова в «анжерский» период. В частности, заслуживает внимания не вошедшая ни в один сборник, видимо, неоконченная повесть «Лава ходит». Писать ее начал Вл. Чугунов рано, вероятно, до работы над известной повестью «Клад на Алчедате». Из Анжеро-Судженска поэт выезжал в Томск продолжать свою учебу в институте, на геологоразведочном факультете. В это время, как видно из архива, представленного нам М. Ф. Гришиной, он написал рассказ «Вертопрахи», тоже не вошедший в сборники. Заслуживают пристального изучения и другие документы. Сбор материалов и воспоминаний о В. М. Чугунове продолжается.

Кемеровскому книжному издательству следовало бы издать произведения В. М. Чугунова, читатели будут за это благодарны.

Г. УМНОВ.

г. Анжеро-Судженск.

Мы пойдем по тропинкам

Сядь-ка рядом со мной,
И давай помечтаем,
Как мы вместе с тобою
по жизни пойдем...
Хочешь, я подарю тебе,
молодость мая,
Ночь в палатке походной
с дождем и костром?

Мы пойдем по тропинкам,
усеянным росами,
По дорогам, которых
пока еще нет,
Где таежные речки
с зеркальными плесами
Поднесут нам кувшин
янтарный букет.

Нас туманы оденут
своею прохладой,
Зори бросят к ногам
золотые дары...
Скоро там зашумят,
закипят водопады
Укрошенной людьми
озерной Ангары.

Будем утро встречать
на лесах новостройки.
Наш обед — на полянке,
а сон — в шалаше.
Будем петь мы под звуки
вечерней тальянки,
Чтоб невзгоды и радости —
все по душе.

Ты молчишь? Не согласна?
Ты хочешь в столице?
И опять, как вчера,
не хватает мне слов.
...За окошками даль,
И туда, словно птица,
Улетает мечта,
Улетает любовь.

г. Белово.

Жарко... — Он посмотрел на Любашу, на Владика, раскрасневшихся, усталых, перемазанных, и вдруг, озорно улыбаясь, громко сказал:

— Капитанам Рудакову и Митясовой выражаю благодарность и приказываю гнать пленных до самого нашего штаба!

Любаша с недоумением посмотрела на Сашу, словно не понимая: что он сказал? Потом медленно, как бы изнутри, ее лицо осветила улыбка.

— Ой, а разве я?..

— Ладно уж... Ты только не задавайся. Просто нельзя в нашу часть вражеского шпиона допускать. Будешь тоже... посыльным судом.

— Ой, вот здорово! Эй, капитаны, вперед!..

Уставшие от погони телята шли медленно и не разбежались. Ребята их не подгоняли, потому что сами устали еще больше. Внезапно раздался быстро нарастающий шум мотора, из-за поворота дороги с треском вылетел мотоцикл с коляской и резко затормозил перед стадом. Телята, испуганные светом и треском, задрав хвосты, бросились в стороны. Ребята побежали за ними, крича и размахивая руками.

— Вон они: и ребята и телята! — закричал юношеский голос. — Все потери сразу нашлись!

С мотоцикла соскочили трое мужчин и тоже бросились за телятами. Вскоре пестро-белое стадо телят было опять сбито в тесную кучку. Ребята, перебивая друг друга, рассказывали о событиях этого вечера.

— Ох, Санька, я-то думаю, что тебе мать сегодня непременно всплест, — сказал комсорг колхоза Гриша Павлов и даже сморщился, держась за спину и показывая, как мать будет «всыпать» Саньке.

Саша насупился. Теперь, когда зоотехник и пастух «Зари» освободили ребят от заботы, стало как-то тревожно. Опять он пробегал весь вечер. Какой вечер? — Ночь уж на дворе...

— Что же, Иван Петрович, сами-то справитесь, или, может, помочь? Как бы ваш пастух опять телят не растерял. Неудобно все-таки: ваших телят из вашей пшеницы гонять. Обидеться могут... Ну, садитесь, ребята. Матери ваши там с ног сбились, вас ищут, а вы тут прогулки при луне с телятами устраиваете.

Мотоцикл с грохотом влетел в село и, круто развернувшись, остановился у правления колхоза.

— Санечка, сыночек! — бросилась к Саше мать и крепко, словно маленького, прижала его к себе. Санька услышал, как на лоб его упало что-то горячее.

— Мам, да мам же... — пробормотал Санька, чувствуя, как чем-то сжало у него горло. — Мам... — Он поднял голову. Мать смотрела на него долгим странным взглядом. Саша словно в первый раз увидел, какие у матери глаза: большие, полные затихающей тревоги и еще чего-то, что Саша даже не смог бы назвать.

— Мам... — прошептал Саша и прижался лицом к большой, жестковатой и теплой материнской руке.

...Ночь уже растекалась над селом: Из-за строгов Салаирского края медленно выплыла большая оранжевая луна и повисла на темно-синем небе.

Э. Иодковский

Ночь перед рекордом

Пока я ходить умею,
пока глядеть я умею,
пока я дышать умею,
я буду идти вперед.

(Комсомольская песня).

...Мой отец был прорабом на строительстве Магнитки. Его рассказы и стершиеся на сгибах номера многотиражки 1930 года переносили меня в то время, когда цифры кружили голову волшебной смесью фантастики и реальности. Люди десятков национальностей трудились на Магнитострое. Больше всего мне запомнились татарские фамилии бригадиров, удивлявших Европу и Америку мировыми рекордами кладки бетона.

Михаилу Идрисову, коренастому парню из татарского села Мамашир, в то время было что-то около трех лет. Можно описать его портрет, но важнее духовное родство — Идрисов чем-то неуловимым напоминает бригадиров первой пятилетки. Наверно, вот так же приводили они из глухих татарских сел невысоких парней, плохо говоривших по-русски, но жадно перенимавших все новое, что несли им русские товарищи. Наверно, вот так же коротко отвечали на удивленные вопросы по поводу рекорда: «Работать надо!».

О, как работают эти парни! «Как одержимые, можно сказать...», — говорит шахтер Вася Безгодов. Мне посчастливилось быть в шахте «Коксовая-1» в ту ночь, когда маркшейдер делал последний замер. Мы сидели у вентиляционной трубы, и ветер в ней гудел с такой силой, что казалось — сразу же за стеной забоя бушуют зимние вихри. Наконец, маркшейдер с торжествующим лицом объявил результат: 481 метр штреков. Ребята восприняли это как поражение: ведь они боролись за 500 метров в месяц. Я видел черную корку угольной пыли на губах бригадира; он облизал пересохшие губы и сказал:

МИХАИЛ ИДРИСОВ

— Машина метров 50 с'ела...

Речь шла о недоброкачественной погрузочной машине, на которой пришлось работать первую неделю месяца. Здесь, в черной дыре штрека, слабо освещаемой шахтерской лампочкой, мне почему-то вспомнились романы Хемингуэя: они тоже кончаются поражениями, которые порой важнее, чем победа.

Впрочем, для всех, кроме самих идрисовцев, это — победа. Более того — это новый рекорд Кузбасса. Я не удивлюсь, если узнаю, что скоро бригада Идрисова перекроет его. Так и в литературе — вещь, не являющаяся пределом возможности мастера, может служить образцом для менее талантливых.

В чем же проявился талант коммуниста Идрисова и его соратников, в первую очередь, начальника участка № 25 Николая Яковлева? Почему бесшабашный парень Вася Безгодов, который сам был бригадиром, перешел к идрисовцам и не жалеет об этом? Не касаясь чисто технических вопросов, расскажем о двух факторах, человечески понятных. Это — «месячный замер» и «скользящий график».

«Месячный замер» — это повесть о моральной тайке бригады, в которой трудятся татары и рус-

ские, литовцы и украинцы, плечистый белорус Николай Подберезский. Одной из первых на шахте бригада решила перейти на месячный замер; теперь ее объединяет и материальная заинтересованность в самоотверженной работе. Обычно проходчики зарабатывают в зависимости от сменного замера: сколько метров проходки выгнал — столько и получи. Каждый рвется вперед, каждый — сам за себя, каждый надеется, что недоделки устранил следующая смена...

А в бригаде Идрисова после того, как в конце месяца маркшейдер замерит длину проходки, все получают поровну. Никому и в голову не придет выбирать в забое работенку «доходней и прелестней». «Уравниловка!» — скажут недалёковидные. «Порядок в забое!» — отвечают проходчики. Внутри монолитной бригады такая «уравниловка» только на пользу. Кстати говоря, в июле каждый здесь заработал более 5 тысяч рублей. Как и у всякого честного человека, деньги у этих ребят — не самоцель, а попутный результат хорошей работы.

А что такое «скользящий график»?

Как известно, рабочий день проходчика — шесть часов. По «скользящему графику» каждые три часа в ряды проходчиков вливаются свежие силы. Часть работающих в забое уходит на отдых, а остальные переходят на более легкие работы, освобождая место отдохнувшим товарищам.

Этот график, разработанный начальником участка Яковлевым, помог бригаде без особого напряжения проходить 14—15 метров в сутки. К 18 июля было пройдено 223 метра штреков. Как хороший бегун на длинные дистанции, бригада стала наращивать темпы. 18 июля было пройдено на два метра больше, чем накануне; 19-го — еще на 30 сантиметров больше; 20-го — на целых два метра 40 сантиметров больше! И, наконец, финальный рывок: три дня выработка держалась на уровне 20 метров! Вот и ленточка финиша — 31 июля. В тот незабываемый день бригада прошла 22 метра. И за каждым метром видится мне угольная пыль, оседающая после взрыва, тяжелые бревна креплений, четкая работа электровозов...

Проходчики считают, что их работа — самая трудная в шахте. Я видел их усталые лица, видел чер-

ные капли пота, сползавшие по щекам. Видел и другое — тот веселый спортивный азарт, когда труд становится праздником. Глядя, как умело ставит крепления Гриша Шарифулин, — мне, корреспонденту, было неловко стоять в стороне... А о горном инженере Николае Яковлеве можно добавить, что он в эту ночь показал себя отличным машинистом электровоза.

Когда мы все, черные, как жители Ганы, поднялись на-гора, бригаду встречали по хорошей шахтерской традиции. Пионеры вручали цветы, гремел духовой оркестр. И в душе у каждого звенела мелодия комсомольской песни — той, которая приведена в эпитафии. Наверно, то песня о проходчиках...

У выхода из мойки нас захлестнуло августовское солнце. Ребята разошлись по домам. Мне не терпелось передать в газету материал о славном рекорде новых моих товарищей. А в самолете начали складываться стихи.

Человек в эбонитовой каске
покидает сверкающий день.
Все земные оттенки и краски
забирает стремительно тень.
Мутно светят шахтерские

лампы,
но хоромы сокровищ земных
обнимают широкие лапы
рукотворных квершлагов твоих.
Словно Данте, в глубине

преисподней
ты проходишь Центральный
квершлаг.
Величавой красоты преисполнен
твой размеренный, вдумчивый
шаг.

О, последние метры проходки
там, где коротко ухаает взрыв!
Дым клубится, седой и
прогорклый...

Как в кино, возникает наплыв.
Я взволнован — как в детстве,
мальчонкой,
а на черном экране угля
обнажаются зримо и четко
твои древние тайны, Земля...

г. Прокопьевск,
шахта «Коксовая-1».

1. На лыжне

Зрители, столпившись у легиона финиша, волновались: разыгрывался кубок по лыжам среди школьников—командное и личное первенство. Страсти накалялись, громче становились голоса по мере того, как приближалась минута, когда из-за бугра должны были показаться девочки-лыжницы.

...На лыжне шла ожесточенная борьба за каждый метр, за каждую секунду. Галя Дубавова, ушедшая со старта десятой, обошла всех соперниц и возглавила гонку.

...Неуклюжим, смешным медвежонком пришла она в спортивную школу. Кое-кто улыбался, когда Галя, тяжело переваливаясь и размахивая руками, пыталась бегать. И только тренер сумел угадать волю, характер, настойчивость—задатки спортсмена в этой неловкой девочке. Сегодня ей нужно было доказать, что время и труд не пропали даром.

Выигрывая дистанцию, Галя уже думала о бурном финише, но неожиданно стала терять силы, ощутив страшную слабость: отяжелели ноги, в теле появилась неприятная вялость, мелькнуло желание замедлить движение, чтобы перевести дыхание, захватить в грудь побольше воздуха. Слабость пугала, настораживала, так как пришла не в первый раз: и раньше ей случалось возглавлять гонку, но затем, устав и выдохнувшись, она приходила к финишу последней.

— Только не останавливаться, не поддаваться, не замедлять бег, — тревожно думала она. — От меня, от моего результата зависит успех команды.

Галя вспомнила последние советы тренера, глаза товарищей, ободряющие и сочувствующие, полные веры в нее и в ее победу, собрала силы и рванулась вперед, к финишу!

Нет, не напрасно верили в нее товарищи. Не напрасно воспитывали старшие в этой хрупкой девочке твердость, спортивный азарт, желание бороться до конца за победу. Кровь стучала в висках, казалось, что легкие вот-вот разорвутся, что сердце выпрыгнет из груди, что усталые ноги откажутся двигаться, но она усилием воли подавила минутную слабость и шла, бежала, летела к победе, тяжело хватая воздух.

И вдруг Галя почувствовала, что дышать стало легче, а кровь будто ровнее побежала по телу. Появилось необыкновенное ощущение легкости, а усталость точно рукой сняло.

— Вот оно, второе дыхание, о котором мне говорили, — радостно подумала она, прибавляя шаг, чтобы выиграть время.

Победа команде была обеспечена. И никто из многочисленных зрителей не знал, что это была победа Гали над собой, над своей слабостью, что это было рождение спортсмена.

Радостной и взволнованной пришла она домой. Счастье, заполнившее девочку, было так велико, что хотелось побыстрее наделить им всех близких.

— Мамочка, ты понимаешь, пришло ко мне второе дыхание! — еще с порога закричала Галя.

— Какое «второе дыхание»? — удивилась Елена Максимовна, накрывая на стол. — Всегда ты что-нибудь придумываешь. Отец, хоть бы ты на дочь повлиял.

Александр Иванович усадил Галину, ласково спросил:

— Ну, стрекоза, какое там у тебя дыхание, выкладывай.

Когда дочь замолкла, отец очень серьезно сказал:

— Нужно, доченька, чтобы второе дыхание не только на лыжне, но и в жизни было. Я не спортсмен, но думаю, что второе дыхание—это, прежде всего, твоя воля, твой характер, твое умение побеждать трудности и идти к намеченной цели. Тяжело тебе, трудно, а ты борись, не сдавайся. Победил — значит, есть настойчивость, желание, упорство, есть, значит, второе дыхание. Ты не маленькая, должна понимать, что при каждой неудаче в жизни у человека должно быть второе дыхание. Вот и старайся, милая, чтобы оно у тебя не проходило.

Время шло. Гале присвоили второй разряд по лыжам, а скоро ей пришлось еще раз проверить, действительно ли пришло к ней второе дыхание.

2. Трудный случай

Урок закончился. Когда учительница вышла в коридор, в класс вихрем ворвался мальчуган с горящими любопытством глазами.

— Которая тут из вас Галя Дубавова? — спросил он.

— Я, а тебе что надо?

— В комсомольский комитет вызывают, живо туда.

— Зачем? — спросила Галя, почувствовав, как сердце тревожно стукнуло в груди.

— Тебе лучше знать, — ехидно заметил мальчуган. — Двоек, наверное, нахватала, а теперь еще спрашиваешь, за чем.

Он исчез так же быстро, как и появился. Галя отправилась в комнату комитета комсомола. Разговор был неожиданным и кратким.

— Решили тебя вожатой в 5-й класс назначить.

— Но ведь я никогда не работала с пионерами.

— А теперь будешь работать, ведь ты комсомолка, девятиклассница.

— Я не знаю даже, о чем говорить с ними, что делать.

— Научишься, а мы поможем.

— Так ведь я...

— Послушай, Дубавова, — перебили ее, — если нужно будет на фронт идти, жизнь за Родину отдать, ты тоже будешь оправдываться: не знаю, не умею, боюсь, не пробовала. Тебе даем боевое задание, вот ты и подумай, как его выполнить, а через недельку зайди с планом работы — утвердим.

Так Галя стала вожатой. На всю жизнь запомнила она первую встречу с разудалой «вольницей» пятого класса. Каждый тормозил ее, каждый требовал для себя интересного дела, каждый пытался задать «каверзный» вопрос, чтобы смутить новенькую вожатую, растерявшуюся в первую минуту.

Растерянность прошла быстро. И вот она уже сидит среди них, весело разговаривает, шутит, смеется. Галя так легко и быстро вошла в коллектив пятиклассников, так уверенно «вершила строгий суд и быструю расправу», так увлеклась делом, что педагоги частенько говорили о ее «учительской жилке».

Может быть, эти разговоры, а скорее всего желание работать с детьми все чаще заставляли Галю задумываться о скромном, увлекательном и интересном труде педагога, воспитателя.

Именно это чувство и привело Галю в детский сад, который должен был выехать в дачные места, и заставило попросить места воспитателя на время летних каникул. Малыши встретили новую воспитательницу доброжелательно. Им явно понравилась эта смуглая девочка, такая подтянутая, ладная, стройная, с аккуратно уложенными косами и доброй улыбкой.

А когда узнали, что она знает много интересных игр, песен, стихов, умеет хорошо тан-

цевать и делать игрушки, то кольцо малышей вокруг нее почти никогда не размыкалось.

Всей душой она ощущала необыкновенное счастье, удовлетворение от любимого занятия. Все дело портил только Слава Торопов. Маленький человечек, своевольный и упрямый, явно не хотел признавать авторитета новой воспитательницы, не подчинялся ей, грубил. Не помогали ни разговоры по душам, ни строгость, к которой пыталась прибегнуть Галя, ни выговоры. Когда однажды, раздраженная его грубостью, она вышла из себя и прикрикнула, Слава совсем замкнулся и даже старался не смотреть в ее сторону.

В душе Гали поднималось глухое раздражение против мальчика, взгляд, когда она смотрела на него, становился злым и колючим.

— Педагогически запущенный ребенок, — думала она, повторяя чьи-то чужие слова, чтобы оправдаться перед собой и своей совестью.

Успокоение, однако, не приходило. Она понимала, что какие-то струнки детского характера, мягкого и нежного, она не затронула, не заставила звучать, и потому чувствовала себя виноватой.

— Спокойно, Галя, спокойно, — говорила она себе. — Тебе сейчас трудно, как на лыжне, но ведь у тебя есть воля, есть желание победить, есть характер. Только не отчаиваться, не пугаться трудностей. Ты должна благополучно дойти до финиша и выиграть дистанцию. Ведь этому тебя учил комсомол, товарищи, школа, об этом говорил и отец.

Когда на следующий день Галя подошла к мальчугану и заговорила с ним ровно, спокойно и ласково, Слава удивленно вскинул на нее большие глаза и торопливо отошел в сторону. Через несколько минут воспитательница заметила, как Слава, перемигнувшись с ребятами, отделился от группы и направился в сторону реки. Сделав вид, что она ничего не заметила, Галя наблюдала, как товарищи пошли за ним.

На лугу они остановились. Слава, подражая воспитательнице, расставил их по кругу, разделил на пары, вручил палочки и закричал:

— Начинается эстафета. Раз, два, три. — В последней паре, тяжело переваливаясь, разма-

хивая руками, бежал и он сам. Галя, глядя на его неловкие движения, невольно вспомнила себя и вышла из своей «засады».

— Неправильно дышите, когда бежите, плохо работаете руками, — сказала она, точно ничего особенного не случилось, словно и не заметила нарушения установленного порядка: никуда не уходила без разрешения воспитателя. — Хотите, я с вами заниматься буду?

— А вы умеете? — недоверчиво спросил Слава.

— У меня второй разряд по лыжам. Что, помочь?

Так начались тренировки «беглецов», как шутя называла их Галя. Постепенно растопился ледок и в отношениях со Славой. Теперь он вместе со всеми ходил за ней по пятам, вместе со всеми играл и пел песни, но больше всего — любил Галин рассказ о том, как к ней впервые пришло «второе дыхание».

Расставаясь в городе, он подошел к Гале, неловко тронул ее за руку и, стыдливо отвернувшись, сказал:

— Вы хорошая, а я не знал. Не сердитесь. Приходите к нам. Мама не заругает. Ладно? Я буду ждать. И в класс к нам приходите. Я в вашей школе буду учиться. Ладно?

С легким сердцем шла Галя домой, радуясь своей первой удаче воспитателя. Вот так и пришло к ней в жизни то второе дыхание, о котором говорил когда-то отец.

3. Последний звонок

Ночь. Все спят. За столом, включив настольную лампу, сидит Галя, записывая в дневник впечатления сегодняшнего дня, последнего дня школьной жизни: «Когда зардеет рябина, красавица русского леса, а на берегах пожелтеют листья, словно цветистыми флагами отдавая салют уходящему лету, начинается учебный год. Кажется, совсем недавно я, маленькая девочка с торчащими в разные стороны косицами, ухватившись одной рукой за маму, а другой сжимая портфель, испуганно подошла к школе. В

тот необыкновенный день все было так таинственно, так необычно.

Школа встретила нас первым звонком. Милый сердцу, родной звонок! Как мало сказано о тебе, как мало написано! Между тем в каждой школе свой, особенный звонок: иногда дребезжащий, иногда резкий и повелительный, иногда журчащий, словно ручеек. С каким волнением и радостью прислушиваемся мы к нему в первые дни учебы и как надоедает он нам к концу года!

Со звонком связано так много радостного и печального: звонок отсчитывал школьное время, которое, как кажется теперь, пронеслось слишком быстро; звонок возвещал конец урока, дня, месяца, четверти. Часы и дни складывались в тоды, и вот настал день, когда нужно покинуть школу.

Сегодня звонок прозвонил для нас, выпускников, в последний раз. Собрались в зале. Много теплых слов было сказано. Разными словами все говорили об одном: успешно сдавайте экзамены, не растеряйте в трудном походе по жизни все то хорошее, что дала школа. Они, пожалуй, правы: главное не в том, кем мы будем, а в том, какими будем.

Что же, пора и мне подумать о своем будущем. Дома ничего не говорила, но для себя твердо решила: пойду работать, и работать обязательно с детьми. Пока я думаю о пед-институте как о чем-то далеком, прекрасном, которое обязательно войдет в мою жизнь через несколько лет.

Впереди экзамены и новая, увлекательная, интересная жизнь. Время разбрасывает нас в разные стороны, но мы надолго запоем этот день, день прощания со школой, этот звонок, который всегда будет звенеть для многих поколений мальчишек и девчонок. Пусть будут они спокойны, пусть будут спокойны учителя: мы, а значит, и я, никогда не уроним чести своей школы, не испугаемся трудностей, мы пойдем в жизнь трудным путем, не ища окольных дорог и обходных тропинок».

4. О личном

Позади экзамены, школьная жизнь. Вновь Галя сидит за

столом, заполняя строки дневника: «Еще, кажется, вчера звенел последний звонок, а сегодня сдан последний экзамен, позади выпускной вечер с вручением аттестатов, последние напутственные слова учителей и директора.

И вот уже мы, вчерашние десятиклассники, мальчишки и девчонки, окончившие школу и мечтающие о друге, верном и преданном, о дружбе, сердечной и бескорыстной, о любви, большой и настоящей, должны самостоятельно определить свое место в жизни, в большом рабочем коллективе советских людей, чье имя — легион.

Мы не должны ошибиться, чтобы потом не раскаиваться в выборе профессии, не жалеть о бессмысленно растратенных годах, не вздыхать о несбывающихся мечтах. Нужно многое решать самому, но как подчас бывает трудно это сделать, если тебе только восемнадцать лет или у тебя горячее сердце и страстное желание отдать всего себя, до последнего дыхания, служению народу, Родине.

Родители усиленно настаивают, чтобы я шла в горный техникум, а я понимаю, что никакой труд, кроме работы с детьми, не принесет счастья и удовлетворения на всю жизнь. Трудно и страшно.

Страшно потому, что тебя впервые за восемнадцать лет сама жизнь заставляет по-настоящему думать, решать. И как, оказывается, это трудно, если за тебя всю жизнь, в большом и малом, думали и решали другие — родители, учителя, вожатые.

Они так заботливо оберегали нас от ушибов, так хорошо говорили о комсомольском долге, об институтах, которые gostеприимно раскроют нам навстречу двери, что теперь, покинув школу, становится страшно: жизнь, того и гляди, наставит тебе синяков. Ты в нерешительности и, как витьязь на распутье, стоишь у начала больших дорог, пытаешься угадать, какая же из них твоя, верная на всю жизнь, единственная.

Только теперь я начинаю понимать, что с аттестатом зрелости к человеку не всегда приходит зрелость, умение трезво рассуждать и верно оценивать свои поступки.

В жизни, оказывается, все гораздо проще и гораздо слож-

нее, чем в этом говорили учителя во время классных часов, много сложнее, чем об этом пишут в самых сложных романах. Это и понятно: романы, повести, рассказы написаны о людях незнакомых, а в жизни все касается только тебя, и как трудно примерить и применить к себе готовые рецепты, вычитанные из книг.

Вот и в газетах пишут, что на шахты и стройки, заводы и поля требуется рабочая сила. Но разве об этом мечтали многие из нас, кончая школу, разве к этому стремились? Хватит ли у нас, юношей и девушек, окончивших вчера десять классов, сил, воли и настойчивости решительно и просто сегодня сказать: «Да, нужно идти именно этим путем, пусть долгим и трудным, чтобы познать мир, людей, жизнь. А мечты? Мечты обязательно сбудутся, если очень захотеть».

Что ж, юности свойственно мечтать, юности свойственно ошибаться, сомневаться, но ведь юности свойственно и пробовать, дерзать, суметь, искать свое место в жизни, задумываться о труде и подвигах во славу Родины и народа. А испытания, сомнения, ошибки, разочарования, просчеты и ушибы неизбежны на пути тех, кто только начинает жить, кто только вчера окончил десять классов.

Пробовать, дерзать, не боясь временных неудач, смелее вмешиваться в жизнь, настойчивее искать свое место, чтобы обязательно найти его, — таким и должен быть путь нашей молодежи, мой путь, по которому я без сомнения и раздумий вступаю в новую, удивительно прекрасную жизнь».

5. На пороге жизни

У здания горисполкома девушка остановилась, нерешительно вынула и опять опустила в карман какую-то бумажку. Она уже совсем было собралась уходить, как к ней через дорогу с радостным криком бросился загорелый мальчуган.

— Галя, вот здорово, что я

тебя встретил. А у меня радость: во второй класс перешел — раз, в лыжную секцию записался — два, тебя встретил — три, в лагерь еду — четыре. А ты почему такая невеселая? Ой, здравствуй, я от радости и поздороваться забыл.

— Здравствуй, Слава, поздравляю с успехом.

— А ты почему к нам в класс последнее время заходить перестала? Ребята соскучились, депутацию к тебе посылать хотели.

— Делегацию, Слава!

— Ну да, я и говорю, прийти хотели, потому что плохо без тебя. Ты уж не забывай нас.

— Не забуду, теперь ни за что не забуду. Спасибо тебе, а то я уже сомневаться начала.

— За что спасибо? В ком сомневаться? В нас?

— Нет, в себе. Ты подожди немного, я скоро вернусь.

Галя решительно переступила порог горисполкома, быстро дошла до двери с табличкой «Отдел кадров» и, постучавшись, вошла.

А дома уже начали волноваться: слишком долго не шла дочь, мать не могла найти себе места.

— Александр, это что же делается? С утра ушла, а уже вечер на дворе. Ты почему молчишь? Почему не скажешь, чтобы документы подавала в техникум, ведь опоздает.

— Подать, Лена, никогда не поздно. Нужно знать, куда подать.

Дверь с шумом распахнулась: на пороге комнаты стояла радостная и счастливая Галя. Елена Максимовна сделала вид, что не замечает сияющего лица дочери, сурово молчала.

— Мапочка, милая, радость у меня, какая радости!

— В техникум документы подала?

— Нет, и подавать не буду.

Галя протянула матери бумажку. Это было ее заявление, на котором в углу появилась четкая надпись: «Направить работать воспитателем в детский сад».

— Отец, ты куда смотришь, что молчишь? Ведь губит она себя!

— Помолчи, мать, дай поговорить. Ты, Галочка, твердо решила, подумала?

— Подумала, папа, твердо решила!

— Ну что ж, раз подумала, раз любишь это дело, значит, так тому и быть. Правильно поступила. Теперь и я вижу, что есть у тебя второе дыхание, коли сумела свой жизненный путь выбрать. А ты, мать, не плачь: с таким дыханием она не только техникум, и институт заочно окончит. Рад, доченька, что дыхание у тебя правильным оказалось.

☆☆☆

На этом, пожалуй, можно и закончить рассказ о вчерашней десятикласснице Гале, потому что продолжать его — значит, говорить о новых трудностях, которые встретились и еще встретятся на ее пути, о новых испытаниях, ошибках, просчетах и удачах. Пройдет время, и, возможно, кто-нибудь вновь возьмется за перо, чтобы подробно рассказать, как Галя Дубавова стала настоящим воспитателем, найдя свое счастье, свое место в жизни.

Л. Фабеева

МАЛЕНЬКИЙ ХУДОЖНИК

До неба камыши стоят,
Там — речка, здесь — песок,
А кисточка пушистая,
Как папин помазок.
А краски-то бедовые —
Заметно по «усам»:
Сказали, что медовые,
И он проверил сам.

Я Б Л О К О

Что у нашей Тани
Спрятано в кармане:
Круглое, как мячик,
Бросишь — не поскачет,
Если тронешь — гладкое,
А укусишь — сладкое...
Что в кармане! «Ничего...
Таня скушала его»..

Д О Р О Г А

Все бежит дорога
От села до лога,
До силосных башен

Меж колхозных пашен,
Через дальний мостик —
Прямо к солнцу в гости!

В. Галдаев

Из записной книжки

Журналист — свидетель разнообразных и замечательных событий, которыми так богата наша советская действительность. Самое же главное — профессия журналиста дает возможность встречаться с замечательными и разными людьми, знакомиться с их жизнью, с их поступками, постигать в меру своих сил их радости и печали.

☆☆☆

...Это был механик геологоразведочной партии. Он вначале увлеченно рассказывал о поисках новых месторождений угля, а потом заговорил о том, что все-таки это дело дорогое, но и необходимое — нельзя же надеяться на случайные открытия. «Но вот, когда скважину отработали, тепляк убирается, и вы подумайте: сколько же теряется добра! Доски отрываются, ломаются. Установка на новое место — давай новые материалы. И мы часто почти не обращаем на это внимания. Притерпелись, что ли? А душа болит. Гвоздь найду — и тот приберу. Э, я уже мог бы жить в коммунизме!»... С какой убежденностью сказал это механик! И ему верится.

☆☆☆

Главная редакция «Последних известий» Всесоюзного радио организовала радиоперекличку коллективов соревнующихся шахт: «Тайбинской» — в Кузбассе и «Пролетарской-Глубокой» — в Донбассе. Мне пришлось выехать на «Тайбинку», на «Пролетарке»

находился мой донецкий коллега Норинский. Рассказы о делах горняков двух предприятий передавались во всех выпусках «Последних известий». В одном из них Москва передавала: «Горняки бригады Коровенкова с донецкой шахты могут гордиться своими друзьями из Кузбасса. Бригада Полухина, с которой соревнуются донбассовцы, установила всекузбасский рекорд добычи угля из-под щита, дав за месяц 22 эшелона топлива».

...В партком шахты зашел среднего роста человек.

— Знакомьтесь, Полухин Михаил Михайлович.

Я знал о его замечательных делах, но видел впервые и был очень удивлен: как ни старался я, но увидеть косую сажень в плечах не мог. А лицо его — да извинят меня за такое сравнение — было словно девичье... Проще говоря, совсем не шахтерское...

— Вот. Заявление я принес. Направьте меня в самую отстающую бригаду...

Кто-то из присутствовавших удивленно произнес:

— Сам себе решил заработок срезать!

А вскоре на всю страну, на весь мир звучал голос Москвы:

«Мы уже сообщали о закончившейся сегодня на «Тайбинской» работе по переводу на автоматику шахтного водоотлива. Сегодня же начата разработка второй лавы, где физический труд на добыче топлива полностью исключен. А между тем

лава будет давать угля в три раза больше, чем обычная.

Мы рассказывали и о сегодняшнем успехе бригады Полухина. Напомним: эта бригада в апреле установила в Кузбассе рекорд: она добыла из-под щита 22 тысячи 100 тонн угля.

Сегодня Михаил Михайлович Полухин после смены пришел в партком шахты и сообщил, что у него есть просьба.

— Направьте, меня, — сказал он, — в самую отстающую бригаду. Хочу и с этой бригадой добиться такой же высокой производительности, какая достигнута теперешним моим коллективом».

Я радовался своему «корреспондентскому» успеху. Но еще больше радовался за человека, хотя он ничего и не говорил о коммунизме.

☆☆☆

Василия Ивановича Попова знают не только на шахте № 9-15, но и на всем Анжерском руднике. И известность эта идет от мастерства, от того умения, с каким ведет он проходку горных выработок. Не будем называть метров и процентов, ибо они еще не всегда могут полностью характеризовать труд человека, хотя это во многом является основополагающим. Мастер горной проходки, Попов еще и бригадир горнопроходчиков.

Имеет ли это значение — когда пришло решение начать соревнование за звание коллектива коммунистического труда? Очевидно, имеет, если шахтеры тогда, словно со стороны, глянули на себя. Глянули и увидели, что плохого-то в жизни ой-ой сколько, и придется по-настоящему засучить рукава.

...А через некоторое время в бригаде произошло радостное событие: их руководителя Василия Ивановича Попова приняли в ряды партии. Это, мне кажется, был некоторый итог, еще лучше сказать — этап не только в личной жизни бригадира.

☆☆☆

Вот эту запись я переписываю с особым удовольствием: «Товарищ Алексеев образцово

выполнял свои обязанности главного инженера рудника. С примерной самоотверженностью помогал устранять недостатки, в чем ему помогала хорошая, тесная связь с партийной и профсоюзной организациями рудника.

Мы его считаем молодым прогрессивным работником, хорошим организатором, открыто и некомпромиссно разговаривающим с людьми, товарищем, который, как гражданин СССР, правильно выполнял свой интернациональный долг.

В заключение наша партийная организация Коммунистической партии Чехословакии считает, что если будет идти речь о вступлении товарища Алексеева в КПСС, то пусть эта оценка его деятельности на руднике Плавно будет считаться рекомендацией нашей первичной организации Коммунистической партии Чехословакии.

Комитет первичной организации КПЧ рудника Плавно.

Мне остается добавить лишь, что это письмо было прислано из Чехословакии в Кемеровский совнархоз и говорилось в нем об Александре Васильевиче Алексееве, начавшем работать после возвращения из-за границы заместителем главного инженера шахты «Абашевская-3-4» Куйбышевского рудника.

☆☆☆

Десятки тысяч строителей в Сталинске. А спроси многих из них об Андрее Иосифовиче Масалкине, и они добром вспомнят об этом человеке. Еще бы: более трех десятков лет он отдал строительству, выучил сотни людей своему любимому монтажному делу.

Давно отзвучали прочувствованные речи на проводах Андрея Иосифовича на пенсию. Давно. А редкая неделя проходит, чтобы Андрей Иосифович не навещил родной коллектив, не поинтересовался его делами.

Может быть, это из особой рабочей ревности?!

И — будем догадливы — как,

очевидно, обрадовался Андрей Иосифович, когда почувствовал, что он еще, по его словам, «понадобился»...

Коллектив треста «Электромонтаж-53» получил ответственное задание по монтажу большого количества кабельных линий на строительстве комплекса новой доменной печи и новой коксовой батареи. В тресте не хватало электромонтажников. Решено было начать обучение кадров на месте. За преподавателями дело не стало. И первым среди них был назван Андрей Иосифович Маслаков.

— Понадобился!.. — безыскусственно радовался он.

☆☆☆

Расположившись за одним из столиков, вкопанных в скверике, группа мужчин затеяла игру.

— Уберите, ребята, карты!

— Так, Ивановна, вы же сами говорили, что высадим садок, отдыхать в нем будем...

— Конечно, отдыхать. Только не за картами!

И карты спрятаны в карман.

Ивановна — так почтительно называют Дору Ивановну Уколову, что живет в одном из домов по Советскому проспекту в Кемерове. А «высадим садок» — это значит, что сквер садили сами жильцы дома и инициатором этого дела была Дора Ивановна.

...Долго мы разговариваем с Дорой Ивановной. Бросая время от времени взгляд на вышивающих ребятишек, Дора Ивановна рассказывает. Одиннадцатилетней осталась без отца. Его расстреляли царские сатрапы за революционную деятельность. Пошла в прислуги. Выросла, полюбила рабочего паренька. Сейчас ее муж Павел Иванович Уколов — начальник котельно-монтажного цеха на Кемеровском коксохимическом заводе. Выросли их дети Иван и Антонина, определились в жизни. Окончила десятилетку и их приемная дочь Мая, стала работать мотористкой

цеха углеподготовки на этом же коксохимическом заводе. Сейчас — заочница политехнического института.

А без детей — покоя нет. Взяла внучат Вовку да Саньку. Все равно мало. Каждое воскресенье приходят, вот так же, как сегодня, ребятишки Галя Межитова, Лариса Шолохова, сестренки Люда и Лариса Червовы, Галя Тулина, Валя Ладесова — да разве всех перечислишь? Бери домовую книгу и всех детей переписывай.

Дора Ивановна смеется:

— Возьмите трех Толь — Бородину, Кабанцева и Казанцева. Ребятишки такие замечательные, способные! Но и побаловаться любят. Энергии много, а куда направить — не знают. «Хватит, говорю, в собак палки пулять, приходите ко мне!» Сначала стеснялись девчоночьи дела делать, а сейчас — частые гости.

Дора Ивановна кивнула в сторону детей.

— Вот, учимся штопать чулки, пришивать пуговицы, делать мережку, вышивать украинским и болгарским крестом... Девочкам все это надо знать, да и мальчишкам тоже...

60 лет Уколовой, а ее энергии, подвижности, право, могут позавидовать молодые.

Как-то одна из «практичных» соседок обратилась:

— Что вас, Дора Ивановна, заставляет возиться со скверами? Нам обязаны высадить деревья, разбить клумбы. На то ЖКО и «Горзеленстрой» существуют. Им за это платят. Да и с ребятишками возитесь, ведь вам же за это не платят.

Обидные, нехорошие слова, но Дора Ивановна сдержалась, ответила с достоинством:

— Никто мне ничего не платит. А уж если говорить о плате, так я ее сполна получаю: нет никакой платы выше, чем людское уважение да детская любовь.

Семилетка
в действии

С. Курышкин

Сегодня — завтра Кузбасса угольного

Экономический
очерк

Обилие естественных богатств — полезных ископаемых, лесов, черноземных полей, пастбищ — от пойменных до подальших, — великолепный здоровый, как говорят сибиряки, «ядренный» климат издавна укрепили в народе славу о Кузнецкой земле как об одной из лучших и богатейших частей Сибири.

Земля Кузнецкая, или Кузнецкая котловина, как ее называют ученые-естествоиспытатели, — слабо всхолмленная равнина шириной в 100—200 и длиной около 800 километров — представляет собой явление удивительное, уникальное.

С востока — высокий горный хребет — Кузнецкий Алатау с его непроходимой тайгой, быстрыми изумрудными реками, непуганым зверем. С юга — могучее сплетение Алтая и Западного Саяна с их вечными снеговыми шапками, откуда и берут начало горные реки-красавицы, сестры Томь, Мрас-Су, Уса, Кондома. С запада — стокилометровой ширины, а длиной на

Хроника наших дней

1959 год —
первый год семилетки

ЯНВАРЬ

2 января в СССР осуществлен запуск первого в мире космического корабля. Многоступенчатая ракета, преодолев земное притяжение и пройдя не遠далеке от Луны, с гигантской скоростью понеслась в Космос.

Запуск космической ракеты, ставшей на вечные времена первой искусственной планетой нашей Солнечной системы, является величественным событием эпохи построения коммунизма и открывает эпоху межпланетных полетов.

Отличное начало семилетки!

☆☆☆

Опубликованы итоги выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1958 году. По сравнению с 1957 годом объем промышленного производства возрос на 10 процентов. Задание по выпуску валовой продукции выполнено и перевыполнено всеми союзными республиками и всеми совнархозами. Перевыполнен годовой план снижения себестоимости промышленной продукции.

В течение года вступило в строй более 800 новых крупных промышленных предприятий.

Хорошие результаты достигнуты и в области сельского хозяйства. Валовой сбор зерна составил 8,5 млрд. пудов — на 33 процента больше, чем в 1957 году. Намного возросло поголовье скота, заготовки мяса, молока, яиц.

В 1958 году национальный доход увеличился на 9 процентов. В виде различных выплат и льгот население получило свыше 215 млрд. рублей, против 202 млрд. в 1957 году. За это время в городах и рабочих поселках построено около 68 млн. кв. метров нового жилого фонда и более 700 тысяч домов — в деревнях и селах.

☆☆☆

Шахта «Полысаевская-2» — одна из передовых в тресте «Ленинуголь». Ее коллектив в 1958 году на 1200 тонн перекрыл проектную мощность и выдал несколько десятков эшелонов сверхпланового топлива. Благодаря эко-

номному расходованию средств и материалов государству сэкономлено свыше 2 миллионов рублей.

Вступая в первый год семилетки, горняки этого предприятия единодушно стали под знамена коммунистического соревнования и решили бороться за право называться шахтой коммунистического труда.

Шахтеры приняли на себя высокие обязательства по росту производительности труда, добыче сверхпланового угля, экономии государственных средств, внедрению новой техники, повышению своего технического и культурного уровня.

Они обратились ко всем горнякам Кузбасса с призывом последовать их примеру.

Обком КПСС одобрил ценную инициативу коллектива шахты «Полысаевская-2», предложил партийным, профсоюзным и комсомольским организациям промышленных предприятий поддерживать этот патристический почин шахтеров.

☆☆☆

14 января открылась VIII областная партийная конференция, которая обсудила тезисы доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства на 1959—1965 годы» и задачи коммунистов Кузбасса.

Докладчик — первый секретарь обкома КПСС тов. Пилипец С. М. сообщил, что в обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева приняло участие более 1 миллиона трудящихся нашей области. Рабочие, колхозники, служащие внесли множество ценных деловых предложений, направленных на дальнейшее развитие экономики Кузбасса.

Конференция избрала делегатов на внеочередной XXI съезд КПСС.

☆☆☆

Общественность нашей области отметила 30-летие одного из крупнейших проектных институтов угольной промышленности страны — «Кузбассгипрошахта». За время существования институт, в составе которого ныне трудится свыше 600 квалифицированных специалистов, подготовил около 2 тысяч проектов различных промышленных предприятий, в том числе проекты 223 новых шахт, 178 проектов реконструкций и углубки угольных предприятий, 64

всю область Кемеровскую — невысокий, спокойный Салаирский край — тоже родная ветвь Алтая, а на севере, вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали — пашни с редкими березовыми рощами. За ними, за границей области — тайга, Томская, Красноярская бескрайняя тайга.

При рассказе о родной нашей Кузнецкой земле трудно быть равнодушным вообще и еще, пожалуй, труднее рассказать о великодушном грандиозном будущем, недалеком будущем дорогого нашему сердцу Кузбасса. Трудно потому, что обо всем этом поэмы слагать следовало бы, а здесь приходится говорить языком цифр, языком инженера-экономиста.

Немного найдется на земном шаре таких мест с равным, хотя бы приблизительно, разнообразием ресурсов полезных ископаемых. В Кузнецкой котловине — Кузбассе — имеются железные, марганцевые и алюминиевые руды, золото, серебро, цинк, свинец, барит, фосфориты, известняк, огнеупоры, различные строительные материалы — это далеко не полный перечень подземных богатств здешней земли. Всего в недрах Кузбасса к сегодняшнему дню обнаружено около сотни различных видов полезных ископаемых, но не может быть и тени сомнения в том, что это далеко не предел, а скорее начало.

Бродят по земле Кузнецкой пытливые геологи...

А разведку вести, прямо скажем, в условиях непроходимой горной тайги с ее быстрыми, порожиными реками, с ее безлюдьем и бездорожьем — не очень-то легко... С рюкзаками за плечами и полевым молотком в руках только поцарапаешься на поверхности, а привезти в тайгу буровой станок с движком — проблема. Конь не увезет, машина не проедет, трактор... — его и самого тащить надо! Но упорный народ, наши геологи, беззаветные энтузиасты из «Кузбассуглегеологии» и из Кузнецкого геологического управления, — найдут еще немало, еще много раз порадуют своими открытиями нашу Родину.

Основным полезным ископаемым, главным богатством Кузнецкой земли является каменный уголь. Именно здесь, в Кузбассе, сосредоточены колоссальные запасы твердого минерального топлива в виде первосортных каменных углей. Нет, пожалуй, на земной поверхности второго такого района, который бы в своих небольших относительно масштабах заключал такую площадь и толщину мощных угольных накоплений, с такой разнообразной гаммой марок и сортов углей, пригодных и для коксования, и просто как металлургическое топливо, и для получения жидкого топлива, и для многих других целей.

Запасы углей в Кузбассе, по последним данным, составляют более 900 миллиардов тонн. Средняя мощность пластов равна, примерно, 6 метрам (вспомним, кстати, что в Донбассе она не имеет и одного метра). Угли Кузбасса выгодно отличаются от углей многих бассейнов — Караганды, Восточной Сибири, Средней Азии, Урала, Подмосковья — высокой теплотворной способностью (7—8,6 тысячи калорий), малым содержанием золы (от 4 до 10 процентов) и весьма низким содержанием особо неприятного компонента — серы (от 0,4 до 0,7 процента).

Кузбасс располагает огромными запасами углей самых разнообразных марок: от тощих до длиннопламенных и даже так называемых сапромикситов и сапропелитов, пригодных для производства искусственного жидкого топлива. Гордость и сла-

ву Кузнецкого бассейна составляют каменные угли, пригодные для коксования: коксовые (марки К₁ и К₂), паровично-жирные (ПЖ) и паровично-спекающиеся (ПС). Это так называемое металлургическое сырье, топливо и сырье для получения металлургического кокса, необходимого в доменном и мартеновском производствах.

Свыше трех столетий минуло с тех пор, как русские землепроходцы начали освоение ранее пустынного, дикого угла Сибири, позже названного Кузнецким бассейном. И мало, ох, как мало! природные богатства нашего края использовались в старое недоброе царское время. В 1913 г. здесь было добыто всего 1,2 миллиона тонн угля.

Но не о тяжком прошлом родного края нам хотелось бы рассказать, не будем мы задерживаться и на отдельных примечательных этапах становления и развития бассейна в советские годы.

Отметим лишь для вящей убедительности, что в прошлом, 1958, году в Кузбассе было добыто 72,6 миллиона тонн угля, а это в два с половиной раза превышает добычу всей царской России в 1913 году. Более трех четвертей добываемых в настоящее время углей, идущих на коксование, поставляются сегодня шахтами Кузбасса.

Что интересного сегодня на шахтах, что будет интересного в ближайшем будущем бассейна? Как живет, над чем работает сегодня многотысячный отряд шахтеров и инженерно-технических работников Кузбасса? Эти вопросы и хотелось бы осветить в этой статье.

Прежде всего, необходимо отметить самое главное, самое примечательное: на всех предприятиях угольной промышленности бассейна сегодня буквально царит большой трудовой и политический подъем. Материальное, так сказать, выражение этого подъема можно видеть в следующих цифрах: в начале года, накануне XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза, трудящиеся угольных предприятий Кемеровского экономического района брали на себя социалистическое обязательство выдать на-гора сверх плана за 1959 г. 450 тысяч тонн углей, в том числе 100 тысяч тонн коксующихся. Это обязательство было выполнено досрочно — к 42-й годовщине Великого Октября.

Известно, что решениями XXI съезда партии предусматривается довести добычу угля по Советскому Союзу в 1965 году до 600—612 миллионов тонн, при этом наиболее значительно добыча углей будет развиваться в восточных районах страны. Особое место в решении этого вопроса принадлежит Кузнецкому бассейну, о котором в постановлении съезда говорится, что он по-прежнему остается основной базой коксующихся углей для уральской и сибирской металлургии.

По семилетнему плану добыча угля в Кузбассе в 1965 году будет составлять 101 миллион тонн, то есть должна вырасти против 1958 года на 39 процентов. В конце семилетия участие кузнецких углей в общей добыче по Советскому Союзу составит около 17 процентов. Добыча коксующихся углей в Кузбассе за семилетие возрастет на 61,4 процента.

Для обеспечения намеченного развития добычи углей планом предусматриваются капиталовложения в угольную про-

обогатительных фабрик, более 30 угольных разрезов.

Одновременно с этим проектировщики института обеспечили необходимой документацией сооружение ряда заводов строительной индустрии, железных и автомобильных дорог, трамвайных гудей, водопроводов, новых шахтерских поселков, крупных культурно-бытовых объектов.

Основной объем выполняемой институтом работы предназначен для развития экономического потенциала Кузнецкого угольного бассейна.

В целях установления более тесных связей между проектировщиками и производством в Кемерове создан филиал «Кузбассгипрошахта».

☆☆☆

Великой вехой войдет в историю Советской страны, всего мирового коммунистического и рабочего движения внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, работа которого проходила в Москве с 27 января по 5 февраля 1959 г. Он знаменует собой вступление нашей великой Родины в новый период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества.

Доклад товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», одобренный съездом, всестороннее и глубокое его обсуждение, единогласно и с большим воодушевлением принятые съездом решения вооружили партию и советский народ величественной программой строительства коммунизма.

Все советские люди с огромным воодушевлением встретили решения съезда, с небывалым энтузиазмом и творческим подъемом приступили к претворению в жизнь плана семилетки.

☆☆☆

Знаменуя работу исторического XXI съезда КПСС, проходческая бригада с Прокопьевской шахты имени Сталина, руководимая знатным горняком М. Идрисовым, установила рекорд проходки основных горных выработок.

Работая по уплотненному графику цикличности, отлично используя породопогрузочную машину, бригада прошла в течение января 305 погонных метров основного штрека, что вдвое превышает установленный норматив.

Следует отметить, что в отдельные дни горняки пробивали подземный путь сплошь по породе, а значительную часть выработки пришлось делать двухпутевого сечения вместо однопутевого. Все это сдерживало темпы работы. Но бригада, вдохновленная сознанием того, что начала соревнование за звание коммунистической, с честью преодолела все трудности.

ФЕВРАЛЬ

21 февраля в газете «Кузбасс» опубликовано сообщение местного статуправления об итогах выполнения Кемеровской областью государственного плана развития народного хозяйства в 1958 году.

Задание минувшего года по производству валовой продукции выполнено на 102 процента. На 4 процента перевыполнено задание выпуска продукции местной промышленности. Страна получила из Кузбасса много сверхпланового металла, угля, кокса, минеральных удобрений и других важнейших видов продукции.

Против 1957 года увеличение производства составило 6,2 процента, в том числе по промышленности совнархоза — 5,3 процента и по местной промышленности — 10,7 процента.

Трудящиеся Кузбасса успешно справились с заданием по росту производительности труда и снижению себестоимости производимой продукции.

Новаторы области внесли 44 тысячи изобретений и рационализаторских предложений, 28 тысяч из них внедрено. Это позволило сэкономить государству 150 миллионов рублей народных средств.

Серьезные успехи достигнуты в 1958 году тружениками сельского хозяйства. Они увеличили посевные площади зерновых культур, и особенно кукурузы, широко применили раздельную уборку урожая, в значительной мере ослабили неблагоприятное влияние затяжной весны и сырой, холодной осени. В колхозах и совхозах возросло поголовье скота, увеличилось производство мяса, молока.

Значительно возрос в Кузбассе объем капитальных вложений, но в то же время установленный план оказался невыполненным. В 1958 году введены в действие: первый блок Томусинской ГРЭС, шахты «Малиновская-1», «Егозовская-1.2», «Березовская-1», Алардинский угольный разрез, дополнительные мощности по производ-

мышленность бассейна в сумме 19 миллиардов рублей, тогда как за предыдущее семилетие 1951—1958 гг. капиталовложения составляли 9,6 миллиарда рублей.

Уже в текущем году в Кузбассе будет добыто более 80 процентов всех добытых в Российской Федерации углей, идущих на коксование. За семилетие также намечено построить и ввести в эксплуатацию 28 новых крупных шахт и разрезов.

Вот эти грандиозные задачи и родят политический и трудовой подъем трудящихся угольных предприятий Кузбасса. Трижды правильно сказано о том, что великие цели родят и великие трудовые усилия, направленные на их выполнение.

Вооруженные решениями исторического июньского Пленума ЦК КПСС, партийные, профсоюзные и комсомольские организации угольных предприятий области проводят значительную работу по дальнейшему повышению производственной и политической активности шахтеров, по новому подъему социалистического соревнования за досрочное выполнение планов первого года семилетия.

По каким основным хозяйственно-техническим направлениям идет развитие угольной промышленности бассейна?

Кратко перечисляя, надлежит отметить основные из них: увеличение производственных мощностей действующих шахт произойдет:

за счет реконструкции значительного числа их;

за счет внедрения новых высокопроизводительных механизмов, в частности комбайнов «Донбасс-6» (для очистных) и Гуменика ПКГ-3 (для подготовительных забоев);

за счет перевода максимального количества очистных и подготовительных забоев на циклический режим работы и увеличения вследствие этого подвигания линии забоев;

за счет дальнейшего совершенствования систем разработки угольных пластов, в частности внедрения щитовых крепей и крепей с гибким перекрытием;

за счет комплексной механизации и автоматизации трудоемких процессов, и особенно всех вспомогательных операций.

На открытых работах рост добычи угля планируется за счет увеличения объемов вскрышных работ способом гидромеханизации, за счет оснащения разрезов новейшей техникой, в частности мощными шагающими экскаваторами, и внедрения бестранспортной схемы отработки. Кстати, об этом прогрессивном способе: открытая добыча угля в 1965 году должна составить 20 миллионов тонн, или около 20 процентов общей добычи в бассейне, против 14,6 процента в 1958 году. Темпы роста добычи открытым способом будут значительно выше, чем подземным, шахтным. Так, если на шахтах добыча за семилетие вырастет на 26,3 процента по сравнению с 1958 годом, то по разрезам она должна вырасти на 89 процентов.

Особое развитие получает наиболее прогрессивный способ выемки углей — гидравлический. Известно, что при гидродобыче наиболее полно и удачно решаются вопросы многочисленных сложных и трудоемких операций в забое. При этом резко сокращается потребность в лесоматериалах и металле. Производительность труда повышается, себестоимость 1 тонны угля снижается в 1,5—2 раза. И главное — значительно улучшаются условия работы. В 1965 году гидравлическая добыча угля в

Кузбассе возрастет более чем в 10 раз по сравнению с 1958 годом.

Предусматривается создание крупных гидрорудников с обогатительным и обогащающим хозяйством, расположенным непосредственно на территории потребителя, куда уголь будет доставляться по трубопроводам с окружающих гидрощахт.

Сегодня уже строится комплекс шахт Беловского гидрорудника с гидротранспортировкой угля по трубам на строящуюся Беловскую ГРЭС. Ведется также строительство группы гидрощахт Байдаевских, Северных и Есаульских с подачей по трубопроводам коксующихся углей на общую обогатительную фабрику, расположенную в непосредственном соседстве со строящимся Западно-Сибирским металлургическим заводом, будущим потребителем этих углей.

В текущем году, как, впрочем, и во всем семилетии, особую важность приобретают вопросы значительного улучшения технико-экономических показателей работы угледобывающих предприятий и прежде всего — повышение производительности труда, снижение трудовых затрат на добываемый уголь, удешевление каждой добытой тонны его.

Здесь решающее значение будут иметь всемерное внедрение комплексной механизации добычи и переработки углей, дальнейшая автоматизация производственных процессов. К 1965 году предстоит полностью ликвидировать непроизводительный тяжелый ручной труд в очистных и подготовительных забоях и в первую очередь на многочисленных вспомогательных операциях.

Именно на это сегодня обращено внимание широкой шахтерской общественности, над этим работает, по существу, вся областная партийная организация, стремясь наиболее достойным образом выполнить постановление июньского Пленума Центрального Комитета нашей партии.

Тут есть над чем поработать и нашим многочисленным изобретателям и рационализаторам, инженерам и техникам, командирам производства, работникам трестов, комбинатов и совета народного хозяйства, научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов... По справедливости следует отметить, что, несмотря на значительную механизацию угольной промышленности за последние годы, а также непрестанное совершенствование технологии, общий уровень механизации и автоматизации под землей остается неудовлетворительным. Сегодня он не обеспечивает существенного роста производительности труда, а также сокращения удельного веса ручного труда.

Ряд тяжелых, трудоемких операций — крепление очистных и подготовительных забоев, мелкая нарезка, доставка крепежного леса, его разгрузка и разделка, переноска конвейеров, спуск лав и другие — до сих пор ведутся вручную, вследствие чего на выполнении их занято большое количество вспомогательных рабочих, снижающих производительность труда основных рабочих по забою в 5—6 раз.

Кемеровский совет народного хозяйства до сих пор не решил вопрос об образовании в Кузбассе проектно-монтажных организаций по изучению, проектированию и наладке средств автоматизации, вследствие чего работы по автоматизации про-

екта, сборного железобетона, предприятия легкой и пищевой промышленности. Население области получило почти 1130 кв. метров нового жилья. Кроме того, построено свыше 5700 домов в сельской местности. Построены: 21 школа, 9 лечебных учреждений, 50 детских садов и яслей.

В 1958 году продолжал увеличиваться товарооборот. Уровень 1957 года он превысил на 620 миллионов рублей.

В школах (включая школы рабочей и сельской молодежи, а также школы взрослых) занималось 434 тысячи учащихся, на 24 тысячи больше, чем в 1957 году. 34 тысячи человек получали образование в вузах и специальных средних учебных заведениях.

В числе выпускников было 15 тысяч десятиклассников, 7830 инженеров, техников и других специалистов.

МАРТ

1 марта в Российской Федерации состоялись выборы в Верховный Совет республики и местные Советы депутатов трудящихся. Единодушно отдали голоса кандидатам народного блока коммунистов и беспартийных трудящиеся Кузбасса.

В выборах приняло участие свыше 1600 тысяч человек, т. е. более 99 процентов общего числа избирателей. В местные, поселковые, районные, городские и областной Совет был избран 15364 депутата.

18 представителей нашей области стали депутатами Верховного Совета РСФСР. Это машинист экскаватора П. И. Бородин, врач Л. К. Васильева, директор Кузнецкого комбината Б. Н. Жеребин, слесарь А. И. Загребанцева, заместитель председателя Совета Министров СССР А. Ф. Засядько, бригадир строителей П. А. Калабин, шахтер А. С. Карин, учительница Н. Ф. Кирсанова, председатель колхоза М. Г. Ковзиков, первый заместитель председателя совнархоза В. Г. Кожевин, сталевар Н. В. Коняхин, председатель Кемеровского горисполкома К. Д. Нецадимов, машинист аппарата азототукового завода Е. С. Панферова, второй секретарь обкома КПСС Е. З. Разумов, маршал авиации В. А. Судец, председатель облисполкома В. С. Шаповалов, первый секретарь Сталинского горкома КПСС

Л. М. Шуплецов, колхозница М. И. Яковлева.

Герой Социалистического Труда, сталевар Кузнецкого металлургического комбината Н. В. Конягин на первой сессии Верховного Совета РСФСР избран членом президиума Верховного Совета РСФСР.

☆☆☆

13 марта состоялась первая сессия областного Совета депутатов трудящихся нового созыва. Мандатная комиссия доложила, что в числе 208 депутатов, избранных всеобщим прямым и тайным голосованием населением Кузбасса, 94 рабочих, 28 колхозников. Среди депутатов 71 женщина, 116 избранных являются членами или кандидатами в члены КПСС, 92 — беспартийные.

Сессия обсудила итоги развития местного хозяйства за 1958 год, рассмотрела исполнение бюджета минувшего года и утвердила бюджет на 1959 год.

Бюджет нашей области на первый год семилетки составляет по доходам 1336 миллионов рублей и по расходам — 1334 миллиона рублей. Подавляющая часть доходов — 1014 миллионов рублей — будет получена за счет доходов от социалистического хозяйства области.

1 миллиард 51 миллион рублей бюджета предусматривается израсходовать на социально-культурные мероприятия, в том числе на народное образование 499 миллионов рублей, детские сады и детдома — 41 миллион рублей. На 36 миллионов рублей против прошлого года увеличиваются расходы на развитие здравоохранения.

239 миллионов рублей, т. е. больше, чем за два предыдущих года, решено ассигновать на развитие местной промышленности, значительные суммы выделены на строительство жилья за счет местных Советов, благоустройство населенных пунктов и т. д.

Одновременно с этим бюджет 1959 года предусматривает заметное сокращение расходов административно-хозяйственного назначения и на содержание органов управления.

☆☆☆

Еще одну трудовую победу одержали строители Кузбасса. 31 марта подписан акт о приеме в

изводственных процессов на шахтах проводятся разрозненными силами, часто полукустарно и не дают ожидаемого производственного и экономического эффекта.

Значительные возможности производства аппаратуры и средств автоматизации на предприятиях совнархоза используются далеко не полностью.

Проектно-конструкторские организации, обслуживающие угольную промышленность бассейна, — «Кузбассшахтопроект», «ВНИИГидроуголь», «Гипроуглемаш» — в своих проектах недостаточно предусматривают комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов. Зачастую получается так, что новые шахты и обогащательные фабрики оснащаются, в соответствии с проектами, давно устаревшей техникой. Отсюда и технико-экономические показатели их работы, никак не отвечающие современным требованиям.

Есть и еще одно неприятное обстоятельство, прямым образом связанное с вышеизложенным, — на шахтах накапливается много устаревшего, малопроизводительного оборудования. Это происходит и оттого, что значительная часть серийного горношахтного оборудования просто не приспособлена к работе с автоматическим управлением.

На шахтах, в трестах и в целом по бассейну уже разработаны детальные планы внедрения новой механизации и автоматизации. Вот еще неопровержимое доказательство оперативности руководства нашей партии народным хозяйством. Здесь мы имеем в виду решения июньского Пленума ЦК КПСС. Этими планами намечено полностью автоматизировать скребковые, ленточные конвейеры и бесконечную откатку, участковые погрузочные пункты, главные и шурфовые вентиляторы, угольные опрокидыватели, вентиляционные двери, компрессорные установки и многое другое.

Само собой разумеется, что для выполнения этих больших работ, требующих высокой технической грамотности и деловой квалификации исполнителей, потребуется значительное количество кадров. Сейчас уже идет деятельная подготовка таких кадров. В первой половине 1959 года на специально образованных курсах при трестах и в Кузнецком научно-исследовательском угольном институте обучено более 450 человек, кроме того, около 60 человек механиков и слесарей с шахт бассейна ездили на длительные семинары на те заводы, которые изготовляют средства механизации и автоматизации. Эти кадры составляют ядро, которое уже сейчас ведет серьезную работу по технической реконструкции наших угольных предприятий. В каждом угольном тресте созданы специальные шахтомонтажные и наладочные участки автоматизации как действующих, так и вновь устанавливаемых механизмов. И многие из этих участков за сравнительно небольшой срок успели завести добрую славу. Таковы, например, участки, руководимые инженером комсомольцем Б. В. Шупанниковым на Киселевском руднике, инженером М. Ф. Горюновым — на Прокопьевском руднике и другие.

Весьма примечательно, что во главе этих важных, неотложных дел становятся комсомольцы. И кому же, как не молодым брать в свои руки это прогрессивное дело, определяющее дальнейший рост технической культуры на наших шахтах и

главное — стремительный рост самих людей.

Приведем несколько примеров того, что сделано в этом направлении на шахте «Абашевская-2» в Сталинске. Внедрена сконструированная Кузнецким научно-исследовательским угольным институтом установка, автоматизирующая загрузку и обмен вагонеток на погрузочном пункте очистного забоя. Автоматизация такого погрузочного пункта позволила высвободить всех занятых там (а это не менее 7—6 человек на одном только пункте, а их по шахтам — десятки и сотни) и обеспечила полную и безопасную загрузку вагонеток. Сейчас намечено в ближайшие два года изготовить на Киселевском заводе «Строймаш» 200 таких установок и внедрить их без промедления на шахтах, а через 3 года автоматизировать почти все (более чем 700) погрузочные пункты в бассейне. Это мероприятие даст, по самым скромным подсчетам, не менее 7 миллионов рублей ежегодной экономии. Только одно оно обеспечит подъем производительности труда в целом по комбинату «Кузбассуголь» на 2 процента.

Почти такой же экономический эффект должен дать перевод всех шахтовых ламповых на самообслуживание в связи с автоматизацией процесса зарядки аккумуляторных ламп по имеющемуся уже образцу прокопьевской шахты «Северный Маганак».

Испытать на практике и выбрать лучшее для конкретных условий того или другого угольного района, отдельной шахты — вот главное направление, которое определяет сейчас работу и партийных комитетов, и инженерно-технических работников угольных предприятий, и научно-исследовательских учреждений.

Сегодня на многих шахтах, разрезах и обогащательных фабриках проводятся большие и важные работы по испытанию и внедрению новых способов выемки угля, систем разработки угольных пластов, машин и различных механизмов, телевизионному контролю за работой целых комплексов механизмов, совершенствованию организации труда и производства. При этом заметно расширился круг изобретателей и рационализаторов, повысилась экономическая эффективность от практического использования предложений.

Вот примеры этой романтики будней угольного Кузбасса. На шахтах треста «Сталинуголь» в Прокопьевске по предложению лучших рационализаторов и изобретателей шахт Денисова А. Ф., Красилова В. Г., Белевича П. Ф. и других переведены и работают на автоматическом управлении без машинистов, рукоятчиков и ствольных скиповые подъемные установки с асинхронными двигателями на шахтах им. Сталина и «Северный Маганак». Установлены и автоматизированы двойные вентиляционные двери рабочих горизонтов на шахтах им. Сталина и № 3-3-бис. Силами механизаторов на шахте «Маганак» переведены на дистанционное управление и контроль все механизмы на бункерах, что дало возможность высвободить 9 мотористов. Установлена радиосвязь на клетевых стволах подъемных установок шахт «Коксовая-П» и других. На 6 шахтах автоматизирована подача и оборудованы автоматические выключатели воды в мойках, что позволило резко сократить расход ее. Перечисленные и многие другие установки сделаны

эксплуатацию второй турбины Томусинской ГРЭС мощностью в 100 тысяч киловатт.

Новая электростанция, первый ток которой пошел по проводам Кузбасса накануне 41-й годовщины Великого Октября, — грандиозное сооружение. Строители произвели 7 миллионов кубометров земляных работ, уложили в производственные и жилые помещения 120 тысяч кубометров бетона и железобетона, смонтировали свыше 20 тысяч тонн металлоконструкций и разнообразного оборудования. Высота главного корпуса превышает 45 метров, длина 150 метров. Лишь остекленная площадь занимает целый гектар. Станция оснащена самым современным оборудованием, имеет высокий уровень автоматизации.

В текущем семилетии мощность Томусинской ГРЭС достигнет 1 миллиона 300 тысяч киловатт. Это будет одна из наиболее крупных тепловых электростанций в стране.

АПРЕЛЬ

1 апреля на строительную площадку Западно-Сибирского металлургического завода пришел первый железнодорожный состав.

Длительная и напряженная борьба коллектива строителей управления «Сталинскстройпуть», трех механизированных колонн, мостопоезда № 419 и других подрядных организаций завершена большой трудовой победой: железнодорожный путь к стройке гиганта черной металлургии пробит.

На буровзрывных работах, отсыпке насыпей, укладке путей, строительстве искусственных сооружений отличились экскаваторщики А. Шука, П. Антонов, С. Световидов, В. Пригорнев, шоферы И. Шамрин, А. Цуканников, К. Ченцев, бригады арматурщиков П. Гудырина, бетонщиков Р. Горюнковой, путеукладчиков С. Знайкина.

☆☆☆

21 апреля экскаваторщики второго участка Антоновского управления треста «Востокгидроспецстрой» вынули первые кубометры земли на котловане под главный корпус теплоэлектроцентрали Западно-Сибирского металлургического завода.

☆☆☆

21 апреля горняки Кузбасса, как и все трудящиеся нашей области, несли трудовую вахту, посвященную 89-й годовщине со дня

рождения Владимира Ильича Ленина.

В этот день они добыли из забоев шахт и разрезов свыше 289 тысяч тонн угля — почти на 44 тысячи тонн больше, чем предусматривалось суточным планом. Достигнутый уровень добычи топлива является самым высоким за все время существования угольной промышленности Кузбасса.

Исключительно дружно и производительно работали шахтеры Кемеровского рудника. В этот день они добыли 14 тысяч тонн сверхпланового угля, выполнив суточные задания на 180 процентов. Только коллектив Кедровского разреза отгрузил в течение суток свыше семи с половиной тысяч тонн угля дополнительно к заданию.

6600 тонн топлива выдали в день памяти вождя горняки треста «Сталинуголь».

В этот же день коллективы шахт № 5-6 и «Шушталепская-1» завершили выполнение 4-месячной программы.

МАЙ

5 мая общественность Кузбасса отметила День печати. Сейчас у нас выходят 2 областные, 13 городских, 17 районных и 75 многотиражных газет. Их разовый тираж превышает 364 тысячи экземпляров. Кроме того, издается «Блокнот агитатора» и литературный альманах «Огни Кузбасса».

В нашу область поступает 187 тысяч экземпляров центральных газет и 250 тысяч различных журналов.

В минувшем году трудящиеся городов и сел приобрели на 41 миллион рублей различных книг.

16 мая в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное вручение Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» общественному и государственному деятелю СССР тов. Н. С. Хрущеву, которой он был отмечен Комитетом по Международным Ленинским премиям за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира.

☆☆☆

20 мая на Кузнецком металлургическом комбинате состоялся многолюдный митинг, посвященный закладке комсомольской домной печи.

Начальник стройуправления № 11 треста «Сталинскпром-

непосредственно на шахтах рационализаторами и изобретателями. И вот первые, пока еще скромные итоги: внедрение автоматизации только на шахтах этого треста дало возможность высвободить более 120 человек с годовой экономией только одной зарплате свыше 1 миллиона рублей.

Можно без ошибки сказать, что в настоящее время преобладающее большинство угольных предприятий Кузбасса стало своеобразными лабораториями испытания и внедрения всего нового, передового, что рождается в результате сотрудничества работников науки и производства.

Гидравлическая добыча угля на пластах пологого и крутого падения, разнообразные щитовые крепи и гибкие перекрытия, целые агрегаты на крутопадающих пластах различной мощности, комплекс Томусинский—КТУ—для разработки мощных пологопадающих пластов, комбайны «Донбасс-7», узкозахватные комплексы К-52М, проходческие комбайны ПГГ, ПК-3, универсальные погрузочные машины УП-2, УП-3, различные металлические крепи в очистных и подготовительных забоях — вот далеко не полный перечень новых способов выемки пластов угля, систем разработок, агрегатов, машин и механизмов, испытание, внедрение и освоение которых на ряде шахт бассейна уже сейчас дает ощутимый экономический эффект. Их дальнейшее внедрение в угольное производство будет являться основным, все возрастающим источником роста производительности труда рабочих, облегчения его, а также создания безопасных условий.

Инженеры комбината «Кузбассуголь» подсчитали, что осуществление намеченных мероприятий позволит высвободить и перевести на другую работу более 15 тысяч человек, за счет этого повысить производительность труда примерно на 10 процентов и сэкономить государству более 1 миллиарда рублей.

Для решения этих задач потребуются напряженный творческий труд всех работников угольной промышленности. Можно не сомневаться, что шахтеры Кузбасса справятся с ними с честью, как справлялись и ранее с другими государственными заданиями.

Прошли десять месяцев работы угольного Кузбасса в первом году семилетки. Итоги работы за этот короткий промежуток времени свидетельствуют о том, что шахтеры Кузнецкого края верны своему слову, что семилетний план развития народного хозяйства нашего государства воспринят ими как родное, близкое сердцу дело.

По призыву проходческой бригады Михаила Идрисова с Прокопьевской шахты им. Сталина в бассейне развернулось соревнование за досрочное выполнение семилетних планов шахт. Идрисовцы обязались выполнить свою семилетку за 6 лет. Их начин поддержали горняки шахт № 8, № 5, «Чертинская-1», «Полысаевская-2», № 13, «Шушталепская» и многих других.

Следуя этому патристическому начинанию, коллектив шахты № 13 в Киселевске решил к 1965 году довести среднесуточную добычу не до 6 тысяч тонн, как предусмотрено планом, а до 7.

По инициативе механизаторов беловских шахт, в частности коллектива участка № 3 шахты «Чертинская-Южная», в бассейне с новой силой вспыхнула борьба за более полное, более

производительное использование горной техники. Беловцы решили бороться за добычу комбайном «Донбасс» 30 тысяч тонн угля в месяц. В сложных геологических условиях они ежемесячно добывают 18—20—25 тысяч тонн. На участке работают мастера высокопроизводительного труда, машинисты комбайна Николай Абабков, Алексей Полухин, Геннадий Зиновьев, Александр Келлер, горнорабочие Николай Черкасов, Николай Бродников, электрослесарь Борис Демченко и другие. На их слово можно твердо положиться. Такие не подведут!

Коллектив бригады щитовиков Михаила Полухина с шахты «Тайбинская» обратился ко всем горнякам Кузбасса с призывом: открыть в большом или малом коллективе бригады, участка, цеха, целого предприятия сверхплановые счета в честь семилетки и обязался уже в 1959 году внести на свой счет не менее 15 тысяч тонн угля. Вот как полухинцы держат свое слово: в апреле они добыли из-под щита мощностью 6,5 метра 22,1 тысячи тонн, что является лучшим результатом в Кузбассе. За 9 месяцев дружный коллектив горняков добыл более 22 тысяч тонн сверхпланового топлива.

Широкое распространение в бассейне получил начин шахтеров участка № 9 шахты «Байдаевская», известный под лозунгом: «Недельный план — за 5 дней!» По примеру байдаевцев сейчас соревнуются около 500 участков, цехов и бригад.

Прокопьевские шахтеры развернули на своих предприятиях соревнование за выполнение планов всеми угольными шахтами и разрезами и добились в этом неплохих результатов. За 8 месяцев из 17 шахт и разрезов на руднике только одна шахта «Зиминка-3-4» не справилась с планом.

Коллективы шахт № 12, № 5-6, «Северная», «Черная гора», Кедровского разреза и многие другие уже перевыполнили свои годовые обязательства и в связи с этим взяли на себя новые, повышенные. Близки к завершению своих годовых обязательств коллективы шахт «Ягуновская», «Коксовая-2», разреза № 8 и других.

Характерной чертой развернувшегося в бассейне социалистического соревнования за досрочное выполнение первого года семилетки является его массовость и многосторонность, переход от отдельных рекордов на отдельных шахтах и трестах к высоким коллективным показателям на каждом предприятии, участке. В Кузбассе нет такой шахты, где бы не было своих Полухиных, Идрисовых, Вискребенцевых, Егоровых, Пантеевых и других героев труда.

Отличительной особенностью соревнования в настоящее время является борьба не только за перевыполнение планов и обязательств по добыче и технико-экономическим показателям, за перевыполнение норм выработки, но и, вместе с тем, борьба за формирование нового человека, за высокий уровень культуры, борьба за новые моральные качества наших людей. Борьба эта не менее, если не более, трудная и почетная, чем выполнение хозяйственных планов, так как она требует длительного и упорного труда, повседневного кропотливого воспитания нового человека, свободного от пороков, унаследованных от далекого прошлого.

Сегодня в эту борьбу включаются все новые и новые бригады, смены, участки и коллективы целых предприятий. В их обя-

6. Огни Кузбасса

строй» тов. Козлов А. Г. поздравил арматурщиков и сварщиков с успешным окончанием работ по подготовке фундамента под бетонирование и передал эстафету трудовой славы бетонщикам. Бригадир Мионов П. М. заверил металлургов и строителей, что задача залить в печь домны 2665 кубов бетона будет выполнена за двое суток.

Парторг стройки т. Шитковский И. М. оглашает акт о закладке новой мощной домны. Этот документ подписан членом Президиума Верховного Совета СССР Героем Социалистического Труда заместителем начальника первого мартеновского цеха М. М. Приваловым, членом Президиума Верховного Совета РСФСР сталеваром Н. В. Коняхиным, директором Кузнецкого комбината Б. Н. Жеребиним, знатным горновым П. Е. Инютиным, управляющим трестом «Сталинскпромстрой» А. А. Калашниковым и другими.

Акт вложен в трубку из нержавеющей стали. Старейшие металлурги и строители А. И. Догадаев, А. А. Бень и И. А. Мак спускаются в котлован, укрепляют трубку с актом на дне будущей печи.

В 9 часов 30 минут на эстакаде медленно поднимается самосвал шофера А. В. Чуйко. В люк обрушивается поток бетона. Началось бетонирование фундамента новой мощной комсомольской домны.

☆☆☆

В третьей декаде мая труженики сельского хозяйства нашей области при активной помощи трудящихся городов и рабочих поселков завершили выполнение плана сева ценнейшей зерновой культуры — пшеницы.

ИЮНЬ

5 июня строители новой комсомольской домны Кузнецкого комбината приступили к монтажу первого пояса кожуха печи. Комплексная бригада управления «Стальмонтаж-3», руководимая В. Ф. Цикуном, выполнила ответственное задание досрочно.

☆☆☆

Трудящиеся Кузбасса горячо поддержали патристический начин коллектива депо Москва-Сортировочная о развертывании коммунистического соревнования. К

началу июня в этом соревновании уже участвовало почти 40 тысяч человек с шахт, заводов, строек, колхозов и совхозов области. В борьбу за почетное звание коллективов коммунистического труда включились 2 тысячи бригад, смен, участков, отдельные предприятия, в том числе такие крупные, как шахты «Полысая-2» и «Тайбинская».

☆☆☆

10 июня в Кемерове состоялось первое областное совещание участников соревнования за звание коллективов и ударников коммунистического труда.

☆☆☆

11—12 июня состоялся IX пленум Кемеровского обкома КПСС. Он обсудил задачи областной партийной организации по уходу за посевами, подготовке к уборке урожая и заготовкам сельскохозяйственных культур в 1959 году, а также ход выполнения социалистических обязательств по строительству в Кузбассе жилья и культурно-бытовых объектов. По обоим вопросам приняты развернутые решения.

☆☆☆

16 июня в Москве торжественно открыта Выставка достижений народного хозяйства СССР. На всенародный смотр представлено все лучшее, что создано в нашей стране. Десятки тысяч экспонатов свидетельствуют о замечательном творческом труде советских людей, вызывают гордость за нашу великую Родину.

Специальный зал павильона Российской Федерации отведен показу достижений Кемеровского экономического административного района.

☆☆☆

Галина Прокопьевна Давыдова из совхоза «Октябрьский» Кемеровского района — одна из лучших доярок области. В прошлом году она надоила по 4332 килограмма молока от каждой закрепленной за ней коровы. Начиная первый год семилетки, она дала слово поднять надои до 4500 килограммов. За пять месяцев она уже получила более двух тонн молока от каждой коровы своей группы.

Когда начался пастбищный сезон, знатная доярка обратилась ко всем дояркам области с призывом развернуть соревнование

зательствах наравне с другими записаны такие, например, пункты: «Учиться всем!», «Каждой шахтерской семье — личную библиотеку!», «Покончить с пьянством, прогулами, сквернословием!», «Беречь государственное добро как свое собственное!».

С тех пор как коллектив бригады А. Пантеева с шахты «Северная» в Кемерове вступил в коммунистическое соревнование, много произошло в нем изменений, много появилось интересного. Новысилась культура производства, улучшились показатели работы. Бригада решила своими силами построить вблизи шахты несколько домов для членов своего коллектива, и этот будущий поселок со спортивными сооружениями, с детскими площадками уже возводится. Все 19 проходчиков бригады прошли курсы машинистов электровозов, осенью 8 человек поступили в вечерний техникум.

Начиная соревнование за право называться коммунистической, бригада Егора Ивановича Дроздецкого с шахты «Абашевская-3-4» из Сталинска намечала выдавать из своего забоя ежемесячно не менее тонны сверхпланового угля на каждого горнорабочего. Фактически же шахтеры добывают по 2—3 тонны топлива дополнительно к заданию. Горняков этой бригады часто можно встретить в шахтной библиотеке за книгой или журналом, они вместе ходят в клуб, в кино. Знают на шахте рабочих дружного коллектива и как хороших общественников. Бригадир избран партгруппоргом и членом райкома КПСС, Мефодий Петрович Рог — партгруппорг участка, Вениамин Гагаев — общественный инспектор по охране труда, выпускник школы рабочей молодежи Николай Ильенко — член шахтного комитета ДОСААФ. Славятся эти мастера угля отличной дисциплиной и трудовой спайкой.

Горнопроходческая бригада т. Сусленкова с шахты «Комсомолец» из Ленинска-Кузнецкого выполнила план прохождения основных штреков за 9 месяцев на 123,1 процента.

Горнорабочий очистного забоя тов. Маценко И. Я. с шахты № 9 (Осинники), борясь за звание ударника коммунистического труда, взял индивидуальное обязательство выполнить семилетку в 5 лет, добыть за это время 27 тысяч тонн сверх своего личного плана, сэкономить 75 тысяч рублей и обучить 15 человек горному делу.

Этот перечень коллективов участков, смен, цехов, бригад и отдельных тружеников, борющихся за звание коммунистических, упорным трудом блестяще подтверждающих свои обязательства, можно продолжать и продолжать, потому что воистину славна земля Кузнецкая не только природными богатствами своими, но и своими сынами, богатырями труда, о которых поэмы складывать следовало бы.

Сегодня под руководством партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в коммунистическом соревновании участвует 545 различных по численности коллективов, охватывающих более 23 тысяч человек. Такой мощный размах борьбы за успешное взятие рубежей первого года семилетки ярко свидетельствует о глубоком понимании горняками Кузбасса тех задач, которые поставил перед нами XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. В этом и залог успешного выполнения планов семилетки угольной промышленностью Кузнецкого бассейна.

В заключение взглянем в недалекое будущее угольного Кузбасса — на одну из новых шахт, проект которой уже выполнен и близок к практической реализации.

Основные задачи проекта этой шахты нового типа — коренное улучшение технологии добычи угля на базе новейших достижений науки и техники, улучшение условий труда рабочих, обеспечение высокой производительности труда и сокращение сроков освоения проектных показателей.

Одно из решений этой задачи — предложенная проектом схема вскрытия, предусматривающая разделение шахтного поля на блоки, не зависящие друг от друга в разработке и вентиляции. Это позволяет поддерживать на пологопадающих пластах высокую добычу порядка 3 миллионов тонн в год. В случае необходимости ее легко увеличить путем простого увеличения числа одновременно работающих блоков. Отсутствие этажных штреков и промежуточных квершлагов, замененных вертикальными гезенками, позволяет сократить длину всех подземных коммуникаций в 4—6 раз в сравнении с длиной на действующих шахтах. Отсюда резко сокращается штат рабочих на подземном транспорте, поддержании горных выработок, вентиляции и др. Системы разработки предусматривают комплексную автоматизацию очистных и подготовительных работ, на доставке креплений, взрывных и прочих работах.

Порода остается в шахте — раскопе и в специально проходимых по угля камерам, — на поверхности навечно исчезают терриконы с их вредоносными запахами, тешащими поэтическое воображение своими «голубыми огнями» некоторых литераторов. Откатка угля производится электровозами в десятитонных вагонетках. Подъем угля на поверхность производится скипами емкостью до 30 тонн, подъемные многоканатные машины устанавливаются непосредственно на копрах. Уголь отправляется на центральную обогатительную фабрику. Погрузка угля поточная, безбункерная, склад у шахты только аварийный, на случай непредвиденных задержек на железной дороге.

Полностью автоматизированы работа подъемных и водоотливных установок, погрузка угля в вагонетки и вагоны, применено телевизионное управление забойными механизмами, конвейерными линиями.

Трудящиеся шахты расселяются в малометражных квартирах, рассчитанных каждая только на одну семью. Шахтерские поселки утопают в зелени, в обширных оранжереях круглый год выращиваются овощи и фрукты. Теплоснабжение шахты, поселка, оранжерей, плавательных спортивных водоемов и других объектов осуществляется от теплоэлектрической станции при обогатительной фабрике. Нет больше котельных с их дымом и копотью.

В результате производительность труда рабочего по проекту на выход составит для шахты с суточной добычей в 10 тысяч тонн — 10,6 тонны, для шахты с суточной добычей в 20 тысяч тонн — 11,2 тонны; себестоимость тонны угля соответственно 26,3 и 25,1 рубля. Тут уместно заметить, что сегодня аналогичная производительность труда у нас пока в среднем по бассейну не превышает 2 тонн, а себестоимость выше более чем в 2 раза против ожидаемой на шахте нового типа.

Для тех же горногеологических условий запроектирована

6*

за достижение надсеев молока по 16 килограммов в сутки на корову.

В соревнование включились сотни доярок колхозов и совхозов области. Вскоре многие из них уже догнали Давыдову. Так, доярка совхоза им. Чкалова Зинаида Котова довела ежедневные удои до 18—19 кг от каждой из 20 коров своей группы, ее подруга Александра Котова — до 17 килограммов. По 16—18 килограммов стали надаивать от своих коров колхозница Тяжинского района Любовь Морозкина и Нина Чалова из колхоза им. XXI съезда Беловского района.

☆☆☆

В конце минувшего года постановлением партии и правительства 28 совхозов и крупных подсобных хозяйств нашей области специализированы на производстве картофеля и овощей. Цель этого решения: круто поднять производство и по возможности полнее обеспечить население Кузбасса местным картофелем и овощами. Для укрепления специализированных хозяйств выделены дополнительные средства и немало новой техники.

Выполняя решение партии и правительства, коллективы специализированных хозяйств уже нынешней весной почти вдвое расширили посевную площадь под картофель. Много больше прошлых лет посажено капусты, помидоров, моркови, огурцов и других овощей.

☆☆☆

С 24 по 29 июня в Москве состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Пленум обсудил вопрос о работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве.

Пленум единогласно принял постановление по обсужденному вопросу, обратился к рабочим и работникам, колхозникам и колхозницам, к советской интеллигенции, ко всем трудящимся Советского Союза с вдохновенным призывом еще шире развернуть всенародное социалистическое соревнование за досрочное выполнение семилетки, за технический прогресс.

83

☆☆☆

Больше двух недель в шахматном клубе Кемерово продолжался поединок сильнейших шахматистов Кузбасса. После упорной борьбы 15-й областной турнир закончился победой молодого кандидата в мастера студента Кемеровского педагогического института Анатолия Богданаса. Семикратный чемпион Кузбасса мастер спорта В. Г. Скоторенко оказался на втором месте.

☆☆☆

Последнее воскресенье июня стало традиционным ежегодным праздником юношей и девушек нашей страны. 28 июня в городах и районах Кузбасса состоялись массовые выступления физкультурников, концерты художественной самодеятельности, веселые и шумные карнавалы, многолюдные гуляния.

ИЮЛЬ

9—10 июля в Кемерове состоялся первый съезд работников культуры и искусства Кузбасса. Свыше 500 делегатов — заведующие клубами и библиотеками, работники кинофикации и книжной торговли, искусства и книжного издательства — обсудили ход выполнения решений XXI съезда КПСС учреждениями культуры и искусства области и меры дальнейшего улучшения их работы.

☆☆☆

14 июля на финальных соревнованиях сильнейших штангистов страны, которые состоялись в Ленинграде, выдающегося успеха добился чемпион СССР и рекордсмен мира представитель Кемеровской области (г. Киселевск) Рудольф Плюкфельдер. Он установил новый мировой и всесоюзный рекорд в рывке штанги двумя руками для атлетов среднего веса. Сибирский богатырь в рывке поднял 139,5 килограмма.

☆☆☆

Исполнилось 25 лет Кемеровской ГРЭС. Настойчиво осуществляя борьбу за технический прогресс, коллектив энергетиков намного увеличил мощность электроцентрали областного центра. Основные технические процессы на станции механизированы и автоматизированы.

Продолжение на 104 стр.).

шахта нового типа с гидравлической добычей угля производительностью в 3 миллиона тонн в год. Все операции по добыче угля объединены в одном процессе — гидроотбойке, что обусловит высокую производительность труда. Давление воды у монитора принято в 100 атмосфер. Производительность рабочего по забой 46 тонн в смену, себестоимость тонны рядового угля 18 рублей 40 копеек.

Недавно технико-экономический совет Кемеровского совета народного хозяйства подробно обсудил эти два проекта и утвердил к строительству в 1960 году шахту нового типа Распадскую в Томусинском районе с гидравлическим способом добычи угля.

Мечты рабочих и инженеров-угольщиков становятся явью.

☆☆☆

При поверхностном чтении изложенное выше едва ли покажется интересным и тем более — захватывающим. Однако мы глубоко убеждены, что в этой простой, суховатой схеме и заключается героическая правда и романтика как чудесного сегодня, так и великолепного завтра нашего родного угольного Кузнецкого края.

Ю. Сартаков

ЧУДАК

— Ах, чудак! — смеялись в поселке, —
 Это же надо — по собственной воле!..
 Он пришил к шапке иголку,
 Насыпал коробочку соли,
 Сложил в рюкзак свой багаж
 немудреный,
 Подмигнул парням на прощанье
 И уехал на стройку в тундру —
 Ближе к северному сиянию.
 Время шло. И письмо соседи
 Получили — всех в гости зовет
 Шлет привет от белых медведей
 И от города, что растет.
 — Ах, чудак! — вновь шумел поселок. —
 В гости в тундру — смеется, что ли!
 Но...
 У женщин
 исчезло
 двадцать
 иголок
 И два
 килограмма
 соли.

г. Сталинск.

И. ЗЫКОВ

Рассказы о сибирской природе

Сила жизни

«И в ответ на зов теплыни,
Всей земли вбирая сок,
Из-под снега влажный,
синий
поднял голову цветок.

Ив. Дремов.

Как-то мы путешествовали по Кузнецкому Алатау. На равнине в лесостепи стояло лето с ярким солнцем, теплыми днями и ночами. Некоторые травы и деревья уже отцвели, а еще больше того цвело, у певчих птиц выросло или подрастало второе поколение, выколашивалась рожь, ежедневно выше и выше поднималась пшеница.

А в полосе горной тундры и у подножья гольцов лежал снег. За зиму его выпало столь-

ко, что он «перевесновал», то есть пережил весну и стал «летником».

И вот теперь с усилением солнечных лучей снежное поле быстро обтаивало. Но вот что бросилось в глаза и поразило нас: по краям снежника пробивались растения, и над белой пеленой покачивались зеленые макушки — первые вестники горной весны. Была тут алтайская ветреница, но главным образом кандык — травянистое луковичное растение. Луковицы его с давнего времени употребляются в пищу.

Растения мелкие, нежные, а вот все же пробившись через снег к солнечным лучам, растопили холодный покров вокруг стебельков и теперь знай себе растут под лучами солнца. А где снег растаял полностью, там эти растеньица уже вытянулись почти до нормального роста и набрали цветочные бутоны.

Мы остановились на окраине снежного поля и залюбовались

видом проросших сквозь снежный покров растений. Горное солнце так припекало, что снег не успевал превратиться в воду, а сразу переходил в пар. Окрайка «летника» все сокращалась и сокращалась. И вот что еще мы увидели: может быть, часа два-три прошло, как растаял снег, а из земли уже показались растения и потянулись вверх, как в сказке, — «не по дням, а по часам». Какая сила жизни!

Горячее горное солнце, не замерзающая под снегом, а теперь насыщенная влагой почва дают такую массу животворной энергии, только успевай усваивать. И растения усваивают.

Столь большая жизненная энергия растений в горной тундре, в альпийском поясе на горах не случайна. Растения выработали это свойство за многие, многие поколения. Во второй половине сентября опять повалит снег. И вот до того времени, то есть за два с половиной, за три месяца растения

должны вырасти и завершить плодоношение.

Ну, фиалка, огонек, кандык, мытник — те быстро отцветут, они эфемеры. Но ведь борщевик, дудник, володушка золотистая, борец и многие другие развиваются до крупных размеров. И природа наградила эти растения могучей энергией, огромной жизнеспособностью, своеобразной «любовью к жизни». За короткое горное лето надо начать и нормально закончить жизненный цикл, то есть сделать семена, дать новую жизнь.

Больше ста лет в прошлом вот в этих местах проезжал путешественник профессор Григорий Ефимович Щуровский. Он был геологом, но не мог не остановиться в удивлении перед пышной растительностью горной тайги и вот что написал в своей книге:

«Я не мог довольно надивиться роскошной растительной деятельности. Кониум, аконитум и др. выше человека, сидящего на лошади; и все это достигло такого необыкновенного развития в полтора месяца! Зде́шняя флора до того торопится развитием, что, кажется, видишь, слышишь и осязаешь, как она растет».

Иван-чай

«Как розова земля от иван-чая, от колокольчиков какая голубая!».

А. Прокофьев.

Дорога, по которой летом я ехал в горную тайгу, в одном месте поднимается на увал. Увал этот тянется километров на пять и покрыт березовым и осиновым мелколесьем. Деревца, конечно, выросли бы и больше, но их бездумно вырубают все, кто хочет, кто едет мимо.

По одной стороне дороги мелколесье сохранилось уже только маленькими кучками да одиночками. Здесь от бывшей лесной растительности, остался только иван-чай. Но и разросся же он! Сплошные заросли его покрывают все видимое пространство от дороги до грани поля, в общем, всю территорию бывшего березняка.

В дни поближе к летнему солнцестоянию, то есть со второй половины июня, начинается массовое цветение иван-чая. Трудно подобрать сравнение, на что бывает похож тогда увал. То ли малиново-лиловое озеро образовалось; то ли сблало на закате летнего дня опустилось на землю. Такое богатое цветение!

И пока шагаешь по обочине канавы, эти несколько километров, не только наглядись на красоты летней природы, но и надышишься настоящим медовым воздухом, да так, что всякая усталость пройдет. Ведь иван-чай — это лучший медонос в наших местах. Он и цветет долго. Большие соцветия — розово-лиловые елочки — начинают раскрываться снизу и лишь постепенно доходят до макушки. Первые цветы дали плоды, средние на елочке цветут, а верхние только готовятся к цветению. Сколько нектара!

Каждый раз, когда я прохожу через увал, я смотрю, не поставлены ли ульи, не выехала ли пасака в эти благодатнейшие заросли медоноса? Нет! Много, много меда пропадает напрасно.

Замечательно устойчивое, неприхотливое растение этот иван-чай. Стоит сушь, а она ему ни почем: длинные, большие метра, корни уходят во влажные слои земли и питают растение в любую засуху. Мощные корневища распространены во все стороны, дают молодые побеги. Иногда иван-чай произрастает на песчаной бесплодной почве, но все же хорошо развивается, цветет, выделяет обильный нектар.

Что за причина такой жизнеспособности? А причина такая: разветвленные и глубоко сидящие корни старых стеблей достают питательные соки из глубины почвы и через разветвленную единую корневую систему питают и молодые растения, еще не особенно укоренившиеся. Такое жизненное содружество! Вот почему иван-чай так быстро закрепляется и размножается даже на бедных, малоплодородных почвах.

Массив, о котором я говорю, существует в действительности. За большое количество осин это место зовут «Осинники».

А сколько подобных массивов в других местах! Да где только нет зарослей иван-чая! На лесных вырубках и гарях, на полянах и на опушках лесов, на сухих лесных болотах, среди кустарников, на речных долинах, в колках и березняках лесостепи, по обочинам дорог, на усадьбах.

Растение любит тепло и расцветает, когда наступают дни с особенно горячим солнцем.

Медоносное, лекарственное, кормовое растение, иван-чай — один из даров нашей замечательной природы. Распространенный от глухой тайги до усадьбы, — он, кажется, так и просится в культуру.

Большие листья

«Тополь светелюбив и быстро растет».

(Из ботаники).

Однажды, идучи по лесной дорожке, я увидел на открытом месте несколько молодых тополей с большими листьями. Это привлекало внимание: тополи в этом лесу были новыми деревьями. Здесь по одной стороне дороги росли хвойные деревья, преимущественно ели и кедр, по другой же — стоял высокий густой березняк. Видимо, сильный ветер издалека принес сюда семена тополя, они упали на влажную почву и проросли. Да, совсем новые деревья в этом лесу.

И вот теперь они стояли тонкими, длинными хворостяками, вытянувшимися над высокими лесными травами. Это были двух-трехлетки, деревья в самом что ни на есть детском возрасте. Но вот что бросилось в глаза: почему у этих деревцев-малюток были несоответственно огромные листья, словно заимствованные у другого и очень крупного дерева? Листья в две ладони взрослого человека.

Мы сорвали несколько необыкновенных листьев для гербария, а затем стали гут же рассуждать, почему у таких маленьких деревцев столь большие листья? Ребята, мои постоянные спутники, припомнили, что им приходилось видеть довольно крупные листья у осин и берез в таком же воз-

расте. Но подобной величины, как у этих топольков, они еще не видели ни разу.

И вот к какому выводу мы пришли. Молодые деревца, родившиеся так недавно, куда как меньше окружающих деревьев в лесу и находятся в затенении большую часть дня. Чтобы расти, нужен солнечный свет. А маленькое деревце получает этого света мало. Да и листьев у него немного. Поэтому маленькие деревца, чтобы больше захватить солнечного света, и выпустили крупные листья, более крупные, чем у взрослого дерева.

Ведь лист — это лаборатория солнечного питания, тут солнечный луч сложным путем превращается в органическое вещество. Значит, больше лист — больше этого жизненного вещества. Вот почему молодые тополи так быстро и растут.

Мы измерили молодую поросль и оказалось, что за одно лето тополи вырастают на полтора метра. Ну-ка, какие еще деревья здесь в лесу смогут конкурировать с ними!

Ребята со свойственным им остроумием сравнили молодой большелистый тополь с большеротым птенцом и искренне посмеялись над этим сравнением.

Когда мы уходили, самый младший из компании, Степа Садков, снял фуражку и помачал тополем:

— Растите, малыши!

Небесная гора

«Белый терем облаков над рощей».

Ал. Коваленков.

Жаркий июньский день. Солнце начинает припекать еще с утра. К полдню земля охвачена теплыней и млеет в горячих лучах. Видно, как над полем колыхнется, волнами переливается прогретый воздух. В такие дни земля отдает в атмосферу много влаги. Невидимый пар, поднимаясь, охлаждается, превращается в облака.

Кучевые облака появляются уже с утра. Вначале — небольшие, кудрявые, светлые; потом — больше и больше и количеством и по размерам.

Так как ветра нет или он

очень слаб, то кажется, что белые облака стоят на месте в какой-то величавой задумчивости. И какие только разнообразные формы принимают они!

В полдень и после него, когда земля нагревается наиболее сильно, температура земли и воздуха достигает предела, земля «потеет» еще сильнее, на небе образуются облака величиной с большую гору с темноватым основанием и ярко-светлым верхом. Как будто горы Алтая отразились в небесном зеркале.

Такие небесные горы движутся уж совсем медленно, опускаются низко, километра на полтора-два от поверхности земли. Так и чувствуется, что эта громада водяного пара хотя и легче воздуха, но все-таки весит много. Не напрасно же она опустилась так близко и застыла в неподвижности.

Наш открытый двухместный самолет как раз облетел такое облако, и мы решили пролететь сквозь него снизу вверх, чтобы посмотреть, что представляют из себя внутри большие кучевые летние облака.

Сказано — сделано. Самолет делает разворот и погружается в густой сизо-молочный туман. Перед погружением я успел взглянуть на вышотомер. Он показывал что-то около 1500 метров.

И вот мы летим в этом густом тумане. Трудно сказать, какова видимость в нем, так как, кроме нас, никого и ничего нет. Однако кое по чему можно представить густоту тумана. Спину пилота перед собой я вижу, вернее — различаю, но крыло самолета исчезло из виду. На фюзеляже самолета, на нашей одежде образовались мельчайшие капли воды.

Однако чем выше, тем прозрачнее делается туман, потом в какой-то момент стало видно все крыло самолета. Затем окружавший нас туман начал окрашиваться в желтый, оранжевый цвета, стал светлее, прозрачнее, сделался розовым, и вдруг мы выскочили из него под яркие лучи, такие яркие, что больно было смотреть. Я едва успел вовремя опустить защитные очки.

Стрелка вышотомера была на цифре 3600. Значит, обла-

ко имело высоту несколько больше двух километров. Действительно, гора! Гора из пара, поднятого солнцем с земли. Вроде, как солнечная гора. И когда мы взглянули на нее сверху, она была ярко освещена и сияла цветными огнями.

Золотое озеро

«С подтеками, как спелая
малина,
Встает закат на дальней
кугой.
Волнуется пшеничная
равнина,
Вся выгнувшись отлогою
дугой».

В. Журавлев.

На поле пока преобладают зеленые тона, значит, хлеба еще растут, набирают силы для цветения, для колоса, для зерна. Только рожь, переживавшая и напившаяся досыта снежной водицы, быстрее всех на поле выросла, выбросила вверх длинный колос и начинает чуть-чуть золотеть. Дело пошло к цветению, и скоро в горячие летние дни скажут:

— Рожь поспела. Земля наша, матушка, удобрена, обработана как нужно. Почему бы ей и не родить хорошо!

Кто постоянно имеет дело с полем, с почвой, тот не считает землю простым минералом, почва для него — живой организм, за которым нужно ухаживать и который родит, дает новую жизнь. Да и солнце — не просто звезда, посылающая нам лучи, нет, солнце — животворный источник, носитель жизни. Будет ненастное, мало-солнечное лето — и урожай неважный и кое-что на поле, в огороде, на бахче не поспеет, не созреет.

В дни летнего поворота, а также в самом начале июля солнце такое высокое, горячее, а вместе с тем и ласковое. Вот когда оно настоящее Ярило. Хлеба, леса и луга в цветении. Повсюду плещется через край жизнь.

Мы не торопясь едем по полевой дорожке. На полях начинается как-то светлеть, а кое-где — чуть-чуть золотиться. Недаром острова березовых колков, поднимающиеся над ши-

роким разливом колосьев, кажутся густозелеными, зеленее поля.

Рожь высокая, и колосья, покачиваясь от собственной тяжести, тычутся в руки. И чтобы они не попали под колеса экипажа, приходится отводить их в стороны. А они опять качаются, словно благодарят за внимание.

Ага, отдельные колосья уже зацветают. Мой спутник, ученый агроном, разглядывает желтоватые тычинки цветка и говорит с удовлетворением:

— Денька через два вся рожь зацветет.

Дальше по дорожке — овсы, тоже хорошие и тоже торопятся зацвести: уже выкинули метелки. У одних сортов метелки собранные, у других — разбросанные, у третьих — в виде гривки. Стебли у овса светло-зеленые, скоро начнут принимать солнечный оттенок, вот как только наберут сил для цветения.

Выше всех на поле кукуруза. Ряды ее прямыми линиями поднимаются на увальчик и скрываются за ним. На хорошей земле так разрослась, такая у нее облиственность, что напоминает подросток. Ей очень в пору горячее солнце лесостепной Сибири. Кукуруза — южанка, любит тепло и мягкую плодородную землю.

Мой спутник не выдерживает, он кукурузник, это он пестует новую культуру. Теперь он спрыгнул с коляски и исчез в густой зелени растений.

— Вы меня видите?

— Нет, хоть кричи «ау»!

— Много тут будет доброго корма, — говорит он, выходя из зарослей. — Не только человек, лошадь может спрятаться. Косули уже облюбовали это место, на днях видели матку с косулятами. А корма-то, корма сколько будет для фермы! — еще раз восклицает он.

Дальше островками, полосами, плесами — ячмени, просо, горохи, цветущая всяю синефиолетовая люцерна, желтый донник. Есть белый донник, надо и его испытать, как медонос. Потом мы полюбовались на клевера — малиновые, красные, розовые с оттенками, с переливами, словно клочок летней зари остался здесь на поле.

А затем открылась пшеница во всю ширь поля! С коляски за несколько километров отсюда видна по горизонту темная полоса леса. Так, пшеница ушла до самой лесной опушки.

Спутник что-то говорит мне о сортах, но не сорта меня захватили, а пространство, ширь. Кое-где поднимаются колки, в двух местах зелеными полосами вытянулись ползащитные тополевые полосы, да в одном месте виден парк, а в нем красные крыши усадьбы. Но все это только островки среди пшеничного поля.

На Алтае есть озеро Алтынколь — Золотое озеро. Слов нет — красивое озеро, и легенды присвоили ему такое

звучное название за красоту самого озера и его горных берегов. Но как бы ни были красивы озеро, а также горные и таежные пейзажи, — им не сравниться красотой вот с таким, начинающим цвести многокрасочным полем. Какое богатство растет, зацветает на наших глазах!

Пока преобладают зеленые тона. Но с каждым днем, по мере того, как растения начинают вступать в фазу цветения, поле приобретает золотисто-солнечный цвет. И когда над землей проносится свежий ветерок, на этом поле от края до края катятся одна за другой невысокие золотисто-зеленые волны.

Фото Войтенко.

Вечер в день летнего солнцестояния

«Золотых облаков
Разноцветный узор
Накрывает леса,
Как волшебный ковер».

И. С. НИКИТИН.

Как-то почти всегда перед летним солнцестоянием устанавливаются дни ясные, теплые. В этот период и ночи бывают теплые, полупрозрачные, бессонные. В эти ночи заря с зарей сходятся на небе, значит, всю ночь держится неугасимый свет, отблеск великого светила.

Хорошо было днем: такое яркое солнце, такое синее небо! А зелень, зелень! Прогретая земля напоила своими соками растения, и вот хлеба, травы вошли в рост, да так, что день ото дня выше. Хлеба колосятся, а травы поднялись и цветут. Замечательная пора: золотое солнце, красное лето, зеленая, в цветах, земля.

Летний вечер. Солнце показилось к горизонту, то прячась за облаками, то бросая прощальные лучи на высокий обрывистый, белесый от обнаженных песчанников берег реки, на поля по пологому скату увала, на реку, луга.

Красив у нас солнечный закат багряной осенью, морозным зимним временем и весною, когда к концу дня повеет холодком с полудночной стороны. Но по разнообразию красок неба и земли ничто не сравнится с вечером в дни летнего поворота солнца.

Вечер не совсем безоблачный. За длинный день много влаги отдала земля в воздух, много образовалось облаков — небесных путешественников. Укатили бы они по воле ветра, но к вечеру наступило полное затишье, и облака остановились.

Больше их скопилось на восточной стороне неба; здесь они сгустились, стали серопелеными, взлохматились, как будто хотели пролиться дождем на землю. Но лучи заходящего солнца согрели их, сделали мягче, нежнее, окрасили в сиреневый цвет.

В верхней части небесного

нупола облака реже, легче. Они тоже сероватые и сиреневые, но время от времени меняют окраску. Как только луч солнца проскочит через облачные окна на западной стороне, они окрашиваются в лилово-красный цвет с оттенками, словно там, на небе, расцвели обширные поляны иван-чая.

Но лучшие краски на западной стороне, у заката. Тут и облака реже, и похожи они на причудливые терема. Тут и большое чистое пространство, предвещающее ведреную погоду на завтрашний день. У горизонта, где облаков нет, разлито многокрасочное сияние с тонкими нежными оттенками. У самого горизонта — алая, повыше — золотисто-красная, еще повыше — красная, дальше — оранжевая, желтая, зеленая, за ней — голубая. И пока солнце не ушло за горизонт, краски держались в том же чередовании. Какой изумительный художник разрисовал это огромное полотно!

Более удивительные цветовые контрасты оказались на небольших кучевых облаках, остановившихся между зенитом и горизонтом. Двигаясь к солнцу медленно-медленно, они заняли какое-то особенное положение к лучам. И тогда на верхнем вдруг появилась огненно-золотая кайма по бокам и сверху по всей сложно изогнутой линии. Даже удивительно, насколько ровная эта кайма, словно ее тщательно подвели кистью. А облако пониже получило белую широкую кайму, похожую по цвету на чистое расплавленное серебро. Кайма эта засверкала так, что больно глазам. Третье облако, стоявшее почти в зените, вдруг заискрилось множеством полосок, словно рябью из червонного золота. Ведь надо же так преломиться лучам в слоях водяного пара!

Так тихо, что не шелухнется маленькая былинка на косо-горе. Кажется, остановилась даже река. Все цвета неба отразились в воде, и большой открытый плес вдруг превратился в огромное расписанное полотнище.

Пробивающиеся через окна небесных теремов солнечные лучи делают розовыми высокий берег, луговину. Но розовый луч вдруг исчезает, и де-

ревья, кусты опять становятся темно-зелеными.

Широкая пойма на другом берегу оживает, оглащается многими звуками. Пернатое население густых зарослей уремы как-будто слало прощальные приветствия солнцу, уходящему дню.

Словно соревнуясь, кричали два костостеля, один бесстрастно — «Дерг-дерг-дерг», второй, — наверное, помоложе, повышал тон, и у него получалось: — «Дерг-дерг-скыррр!». В сложном хоре можно было различить: — «Чик-ник-чик-ччю-ччю-юю; ффью-ю-ю, ффью-ю-ю». Насвистывал пернатый мальчишка, стараясь пересвистеть товарища. Из березовой рощицы взапуски кричали: «Ты видел, видел. Никиту видел!» — «Спать пора, спать пора!» — отвечали перепела. А иногда, покрывая все звуки, раздавался звонкий мелодичный крик: «Буль-буль-буль!»

Вечернее безмолвие и тихая река, как отменный резонатор, усиливали звуки, множили их. Где-то за поворотом рыбаки вполголоса разговаривают между собою, а мы отчетливо слышим голоса, всплеск весел и даже журчание воды у бортов лодки. А вот откуда-то издали донеслась песня. И слов не разобрать, а все-таки слышно, что поют целым хором, наверное, возвращаясь с работы.

Земля еще раз озарилась розовым светом солнца, показались берег, деревья, кусты ракиты, вода. Спокойной ночи, до утра!

Но облака еще долго пламенеют, вспыхивают в разных местах, затем затухают, чтобы опять вспыхнуть хоть на минутку. Они так и остановились на месте, словно собирались растаять в мягкой теплой тишине наступившей летней ночи.

Небесная синь спускается все ниже и ниже. Только у горизонта в одном месте держится сияние оранжевого цвета, а от него далеко к северу вытянулась светло-алая полоса вечерней зари. Полоса, немного уменьшаясь и слабея, движется к северу и дальше на восток, чтобы родить утреннюю зорьку.

Время года, когда заря с за-
рей сходятся. Самые длинные
дни в году, самые короткие
прозрачные ночи.

Полевой букет

«Веселые лесные острова;
Их омывает волнами

трава,
Прибой ромашек, солнце
и роса
Среди озер пшеницы и
овса».

Ал. Коваленков.

Приятно видеть среди широкого вспаханного поля или над морем колосьев клочок древесно-кустарниковой зелени — колок! В степи колки стали совсем редкими и в лесостепи становятся год от года реже. А там, где они сохранились, меняется их внешний вид. Совсем редко найдешь в колках высокие березы и осины; крупные деревья большей частью вырублены, остались лишь мелкие деревья-подростки, преимущественно березы и разнообразные кустарники.

И все-таки в этом маленьком клочке зелени в теплое время года гнездуют многие певчие птички, а в более крупных колках обитают серые куропатки, перепела.

В колках нередко можно увидеть мелких хищных зверьков: горностая, ласку, светлого хоря — зверьков, которые полезны, так как уничтожают полевых грызунов-вредителей.

Чуть колок покрупнее и гуще, туда забегает, а иногда устраивает нору лиса, облюбовывают наиболее потаенные места косули.

Вот, оказывается, сколь разнообразна жизнь в этих маленьких островках зелени!

Да, к сожалению, колков среди полей становится меньше и меньше. И тут мы ощущаем их большое хозяйственное значение. Там, где их нет, беспрепятственно носится ветер по полям, сдувая снег зимою, а в теплое время выдувая ценный верхний слой почвы. В обоих случаях обедняется полевая земля. Надо всерьез думать об охране колковой растительности среди полей, а если колков мало, то надо ускоренным

порядком создавать полезные лесные полосы.

Колки обычно занимают замкнутые впадины, по существу малоценные места. На небольшом пространстве от центра впадины до краев в колке очень часто представлено такое разнообразие растительных видов, что можно составить большой гербарий.

Я часто хожу по полям в разное время года, видел множество колков и скорблю, когда вчерашний колок вдруг оказался вырубленным начисто или колки вырубаются исподволь, но заметно, как они редуют, изреживаются, становятся хилыми. А это значит, что поле лишается своей естественной защиты от ветров, лишается полезных для земледелия птиц и зверьков, наконец, лишается разнообразия, богатства растительности, что так украшает нашу природу, обогащает ландшафт. А сколько в колках лекарственного сырья, медоносов!

Степные и даже лесостепные колки обычно невелики, около гектара, иной раз больше или меньше, в зависимости от того, насколько его порубили. И тем не менее весной и в начале лета любой сохранившийся колок очень красив, содержателен.

В центре его держится вода, окруженная поясом водолюбив: тут тростник, рогоз, а на кочках — осока, калужница. В разгаре весны в этой части колка появляются желтые кувшинки и красавицы белые водяные лилии. Ранней весной на миниатюрных озерах внутри колка останавливаются пролетные утки.

Следующий пояс состоит из кустарников и древесных пород, которые не боятся весенней воды и любят влажную почву летом: ивы, смородина, черемуха, калина, иволистная таволга. На свободных местах между кустарниками разрастается высокий тростник, пушит свои плети хмель, и возникает малопримечательная трущоба.

Дальше к краю пошла березы, которые не любят однообразие и одиночества. И вот к

ним присоединяются робколистная осинка, вытянувшиеся кусты шиповника, колючий боярышник. А какое обилие трав! Мышиный горошек, чемерица, синюха, папоротник, герань лесная, володушка золотистая, иван-чай, лабазник-таволжник, чина лесная, да всех и не перечтешь.

Окрайка колка — это кусты шиповника, боярышника, бузины, рябины, желтой акации. Среди трав — медуница, огонек, поповник, льнянка, золотая розга, подмаренник, душица и еще, и еще!

В хорошо сохранившемся колке всегда что-нибудь цветет с самой ранней весны до осени, до листопада. Начинают калужница и первоцвет, заканчивают пижма (дикая рябина) и золотистая льнянка. Всю весну и все лето здесь цветение: все это время можно наблюдать превращение солнечного луча в разноцветные венчики цветов. Природа — великий творец и художник — разбросала здесь все цвета солнечного спектра в разнообразных сочетаниях и вариациях.

С весны до осени здесь гудят пчелы, шмели, с весны до осени тут можно собирать лекарственные травы, корни, цветы, а затем ягоды.

В переходные от весны к лету дни и в начале лета там цветут черемуха, боярышник, акация, калина, шиповник — дикая роза, и воздух насыщается тонким медовым ароматом. Цветут одновременно и один за другим без перерыва. А на земле — огоньки, одуванчики, белые головки поповника, золотая володушка, красный, розовый, белый клевера, синие васильки, голубые колокольчики, а в промежутках между кустами в сыром месте можно увидеть роскошный бутон белой лилии.

И когда в это время смотришь на колок издали, так и создается впечатление, что стоит среди поля замечательный по цветовым сочетаниям великанище-букет, создать который может только богатая и щедрая наша природа!

В. Блюменфельд

Заметки о языке и стиле

Язык литературного произведения тесно спаян с изображаемыми картинами, образами и характерами. М. Горький говорил: «Писать рассказы о людях не значит просто «рассказывать», это значит рисовать людей словами, как рисуют их кистью или карандашом». А как это достигается? Достаточно ли для этого только логически складно рассказывать о чем-либо внешнем — о событии, происшествии, фактах? В этом случае может получиться так, что описываемые факты будут довольно связно стоять рядом друг с другом, но слова останутся нейтральными, невыразительными по отношению к этим событиям и фактам. Окажется, что слова и предложения можно заменять одно другим, и от такой перестановки содержание целого не будет заметно меняться. Слова не будут оживлять описываемого. Следовательно, одного внешнего рассказа мало.

Наши молодые литераторы часто еще не верят достаточно в силу, могущество стиля. Им кажется, что можно писать так, а можно и эдак, было бы грамотно. И в результате нередко встречаешь в литературных произведениях хотя и правильный, но плоский, безразличный язык, не создающий образов, не развивающий их, не окрашивающий их. А между тем стиль языка, слагающийся из стилистической экспрессии слов, фразеологии, синтаксических конструкций, из ритма речи, — и образует ту выразительную атмосферу, в которой оживают образы и раскрывается внутренняя тема литературного произведения.

Иной раз одной стилистической окраской слова можно вызвать целый образ. Вот слово «атмосфера», которое мы только что употребили, простой научный термин, некий синоним слова «воздух», то, чем мы дышим. Но вот это слово попадает в уста чеховской акушерки Змеюкиной, которая, обмахиваясь веером, говорит: «Ах, дайте мне атмосферы!». И мы смеемся. Что же произошло? Слово «атмосфера», попав в контекст речи Змеюкиной и окрасившись этим контекстом, приобрело некую особую смысловую и эмоциональную окраску: акушерка хотела выразиться по-светски, по-интеллигентному, а на деле показала лишь свою смешную мещанскую претензию на светскость и интеллигентность, и раскрыла всю себя в одном слове.

Слова оживляют описываемое, если писатель имеет свое видение мира, свое чувство жизни.

То чего не было в творческом переживании писателя, никогда не найдет и своего языка. А. П. Чехов требовал от молодых писателей «воспитывать в себе умение находить такой ритм, такой словарь, такое сочетание слов, которые вызвали бы у читателя нужные эмоции, нужное настроение». Когда же слова писателя вызывают настроение? Конечно, не тогда, когда он, независимо от внутреннего смысла изображаемого, старается казаться, так сказать, профессионально «поэтичным» и загромождает язык метафорами, сравнениями, «поэтическими» речениями.

Писатель вызывает настроение, когда он своим строем своего языка оживляет изображаемое и открывает в нем ту или иную ценность (в положительном или отрицательном смысле), как чего-то трагического, комического, возвышенного, печального, прекрасного, безобразного и так далее, то есть как чего-то характерного. Выявлению этой внутренней ценности и характерности изображаемых жизненных явлений и служит язык писателя.

Поиски того, чтобы нечто индивидуально характерное в жизни отразилось в самом языке, — и составляют исходный момент тех «мук слова», которые переживает всякий писатель. Он всегда оказывается перед вопросом: каким языком я напишу этот рассказ, повесть, роман? Это — отнюдь не технический вопрос. Это поистине «проклятый», всеопределяющий вопрос, без решения которого ничто не может быть написано настоящим писателем, хотя вопрос этот и решается порой стихийной подсказкой таланта. Но стихийности мало для успеха в зрелом творчестве. Ведь определяя, каким языком, каким слогом написать данный рассказ или роман, писатель определяет точку зрения на среду, события и характеры своей фабулы. Вопрос — каким языком я расскажу обо всем этом? — равен другому вопросу — какое освещение, какую оценку я дам всему этому? И писатель стремится, конечно, сделать индивидуальным это отношение к рассказываемому, выражаемое через язык. Вот почему так характерно тяготение художественной прозы ко всякого рода формам повествования от имени определенного лица, будет ли это сказ, пьесма, дневник, воспоминания.

Бывает, конечно, и такое повествование, где повествователь не персонифицирован, но и в этом случае мы обычно находим определенный угол зре-

ния на людей и события, определенную манеру речи, вызывающую у нас представление об ее носителе; и здесь перед нами возникает образ повествователя, создаваемый одним стилем речи, манерой повествования. И этот образ повествователя отнюдь не обязательно должен совпадать с личностью автора произведения.

Можно это лицо не называть, не персонифицировать его, но каждый писатель продумывает стилистическую манеру своего рассказа, потому что в ней заключено отношение к рассказываемому. Работая над «Бесами», Достоевский имел намерение написать злой памфлет на революционных демократов. Приступая к работе, он записал в дневнике: «Главное — особый тон рассказа». И это заметил Горький, говоря о романе «Бесы». — «В этом романе, — писал Горький, — есть фигура, на которую критики и читатели до сей поры не обратили и не обращают должного внимания, — фигура человека, от лица которого ведется рассказ о событиях романа». Где эта фигура в романе «Бесы»? Она нигде не названа, не охарактеризована, не персонифицирована, но она нередко выделяется в самом тоне повествования, как фигура свидетеля событий, вкладывающего в свой рассказ некую язвительность, злость, трагическую карикатурность. Иногда мы видим даже как бы образ и характер рассказчика «Бесов»: это бедняк-интеллигент, вовлеченный в свое время в кружки революционной молодежи, но затем увидевший там только темные пропасти. Он и ведет рассказ, как такой отпавший, забившийся в темный угол событий свидетель. И мы узнаем этого свидетеля по одному его голосу.

Избрать должную манеру языка в рассказе — это значит прежде всего приблизить рассказ к жизненной атмосфере изображаемой среды, к характеру чувств и мыслей ее представителей, к ее складу речи.

В современной советской литературе рассказчик чаще всего «прячется» за своими герсями. Это не значит, что его нет, но таково, так сказать, принципиальное положение у многих советских писателей. И понятно, почему так происходит. В центре советской литературы стоит герой нашего времени, воспитанный социалистическим обществом и воплощающий его поступательное развитие, его движение к коммунизму. С какой точки зрения, с какой языковой позиции советскому писателю удобнее всего изобразить такого героя? Конечно, с позиций его самого, этого героя. Писатель входит в его жизненную атмосферу, в его внутренний мир, в склад его сознания и речи, — из всего этого и составляется речь повествователя.

Возьмем «Молодую гвардию» Фадеева. Где здесь рассказчик? Он стоит за Олегом Кошевым, за Улей Громовой и другими молодогвардейцами. Он смотрит на мир их глазами и рассказывает о них как бы с их собственного угла зрения. У всех молодогвардейцев в грозной обстановке их работы обостренное взаимной любовью и дружбой зрение: когда они смотрят друг на друга, они все как бы влюблены друг в друга. Эту атмосферу юношеской влюбленности Фадеев и переносит в стиль своего повествования. Все молодогвардейцы видят, что у Олега Кошевого — лицо, «сверкающее глазами», что на его лице — «выражение необычайного напряжения и силы», что от Олега «исходило ощущение свежести, доброты, душевной ясности». Отсюда в языке Фадеева создается особая стилистика поэтического

любования своими героями, раскрывающая красоту советских людей. Об этом справедливо писал в одной из своих статей К. Зелинский.

В романе этому миру красоты противопоставлено фашистское варварство. И о нем писатель рассказывает как бы с точки зрения своих героев. Почему у адъютанта-фашиста «бесцветные глаза»? Почему он «длинный, белый, как глина»? Почему вахмистр Бадлер «очень тучный», «мерно сопит»? Почему его тело «при каждом вздохе и выдохе напоминает опару, заключенную в мундир»? Почему гитлеровский генерал со своим «чисто промытым кадыком» «опорно противен»? Почему гестаповец, допрашивающий Олега, похож на «миногу»? Почему Фадеев так описывает фашистов? И почему сама стилистика этих описаний как бы превращает фашистов в каких-то безобразных полуживотных? Все дело в том, что так видят фашистов сами молодогвардейцы. И это видение писатель переносит в стиль своего рассказа. Язык рассказа достигает своей цели там, где он плотно прилегает к рассказываемому, охватывает его сущность, запечатлевает всеми своими стилистическими элементами его внутреннюю правду.

Таковы те немногие примеры, с которыми хотелось бы подойти и к оценке языка и стиля писателей Кузбасса.

☆☆☆

Возьмем в качестве прозаического образца рассказ А. Волошина «У степного оврага» («Огни Кузбасса» № 10 за 1958 г.). Это в целом не плохая по замыслу новелла, не лишенная художественной выразительности. Новеллистическая форма в ней ясна, отчетлива. Весь рассказ сосредоточен вокруг одной центральной ситуации. Группа бойцов в дни Великой Отечественной войны, отставшая от своей воинской части, пробирается к своим. Бойцы задерживаются у деревни, которая вскоре должна стать жертвой фашистских варваров. В руках советских солдат — случайно захваченный ими немецкий бронетранспортер. С ним связана надежда на спасение, на возможность благополучного возвращения к своим. Но убежать отсюда — значит оставить на произвол страшной судьбы советскую деревню со стариками, женщинами, детьми. Покинут ли деревню на своем бронетранспортере шестнадцать смертельно уставших, но и «злых на фрицев» советских солдат, или они сделают эту деревню «стратегическим пунктом» своего долга и моральной силы, — такова центральная ситуация новеллы, которая освещает весь рассказ. Перед писателем встала задача — раскрыть нравственную красоту, гуманизм простого советского человека, солдата. И при том открыть ее в правдивом рассказе так, как она — эта красота — проявляется в простых характерах, в простой будничной жизни. Как, каким языком рассказать об этом? Конечно, таким языком, в складе которого отразились бы и поэзия нравственной красоты, и ее человеческая простота, ее «жанровая», житейская будничность.

А. Волошин подошел, в общем, к правильному решению. Он выбрал форму прямого сказа. Новелла имеет подзаголовок — «Рассказ сержанта». Этот сержант — участник событий, он пережил ситуацию вместе с другими бойцами. Он внутренне близок им. Мы без труда находим в рассказе сержанта стилистические элементы простой солдатской речи. И это сразу сближает нас, читателей, с жизненной атмосферой всего происходящего в новелле.

Вот момент встречи солдат с председателем сельсовета и старой женщиной. Председатель выражает глубокую тревогу за судьбу деревни.

— Не знаю, чем бы закончился этот разговор, если бы не вошла **тем часом** в Совет старая высокая женщина, **строгая глазами**, вся в черном. «Мать» — назвал я ее про себя и почему-то оробел». Это один из превосходных моментов повествования. Что здесь хорошего? Сочетания «тем часом» и «строгая глазами» могли быть употреблены каждым из шестнадцати бойцов, персонажей новеллы. Следовательно, момент встречи с высокой старой женщиной взят как бы на взгляд всей массы бойцов.

Если еще внимательней присмотреться к прочитанному отрывку, нетрудно заметить, что в нем создается — в тех же солдатских элементах речи — некий возвышенный стилистический ореол вокруг высокой старой женщины.

Зачем же понадобилось писателю создавать такой стилистический ореол вокруг старой высокой женщины? Этот момент органически связан с центральной ситуацией новеллы, подготавливает ее и создает предпосылку ее решения. Ведь оставить деревню на произвол фашистов, убежав на бронетранспортере, — это значит предать ту человеческую красоту, которая открылась солдату в лице высокой старой женщины.

Характерно, что фабульно она совсем не показана матерью, одной из матерей. Мы не видим в новелле ее детей, да их и нет у нее. Она — «мать» в более широком смысле. Ее назвал так про себя солдат, воплотив в этом имени трагическую судьбу многих матерей в годы войны. Так создается предпосылка к героическому решению центральной ситуации новеллы. Эта предпосылка развивается на наших глазах.

Возникший вместе с образом старой женщины внутренний мотив тут же ведет к встрече солдат «у голубой калитки» с деревенским мальчиком «лет пяти-шести», который «ногой ногу чешет».

— Тут я и Костя пошарили в карманах, нашли по кусочку сахара и **несмело** подали». Слово «несмело» продолжает, конечно, мотив «робости», возникшей у рассказчика перед старой высокой женщиной: жизни деревенского мальчика тоже угрожает поругание и гибель. И на него тоже ложится отблеск красоты, находящейся под угрозой. Когда ему подали сахар, «на лице его что-то похожее на улыбку появилось». И этой улыбкой он тоже стучится в солдатскую душу. В дальнейшем дается фабульное развитие этого мотива: один из солдат, которого рассказчик называет своим «помощником по оперативной части», Костя Спичев, руководит эвакуацией деревни. Перед ним колхозница нагружает свой скarb на коровенку.

— И так по всей деревне, — говорит он мне, но не всё говорит, я чувствую это и спрашиваю:

— А дальше что?

— Что дальше! — взволновался он. — Неужели ты думаешь, что наши ребята драться не будут? Хотя бы одного немца. Да хотя бы по одному немцу на каждого!»

Оставим пока в стороне некоторую прямолинейность, схематичность наметившегося героического решения центральной ситуации. Ход развития этой ситуации мог бы обозначиться глубже, драматичнее. Здесь у писателя — явная скороговорка. Но важно и другое: то, что солдат Костя «не

все говорит» и то, что сержант-рассказчик чувствует это и сразу понимает его, — открывает нам, что солдатский подвиг готовится коллективно, что в этом отношении между рассказчиком и его солдатами существует чуткая связь, порой даже не требующая слов. И именно это определяет, что подвиг совершится.

Нетрудно заметить, что стиль речи Кости Спичева и самого рассказчика — одного склада и строя. Речь персонажа сливается со складом речи рассказчика. Они — люди одного человеческого коллектива. Однако дело здесь отнюдь не сводится лишь к внешнему, бытовому и, так сказать, жанровому единству рассказчика с его героями.

Для писателя значительно существеннее душевная, нравственная сторона этого единства.

В новелле существует и другой эпизод, в котором рассказывается, как немецкий бронетранспортер попал в руки шестнадцати отступающих солдат. Его случайно захватил и привел с собой тоже отставший танкист Володька Швидко родом «с по-над самой Суры». Встреча с ним происходит так:

— Лязгнула стальная дверца. Вышел из машины маленький человек в синей замызганной робе, снял с головы ребрастый шлем и, сплюнув под ноги, сказал на чистейшем русском языке: — Вот же раз'язви тебя в судьбу!

Костя засопел, хотел приподняться с колена, но его опередил кто-то из солдат, крикнув:

— Эй ты, фашист! Какого роду-племени?

— Сам фашист! — зло отозвался человек у машины. — Я тебе такого фашиста пропишу... — Вдруг он усмехнулся, почесал в затылке и голосом добрым, скороговоркой добавил: — Пензенский я». Здесь из грубоватых очертаний картины, из будничных ее красок — «сплюнул под ноги», «почесал в затылке», из ее солдатской стилистической тональности явственно возникает почти лирическая задушевность. Она не ищет для себя никакого особого лирического строя языка, а выражается все в том же обыденно простом, солдатски-народном стиле речи. И, несмотря на это, концовка картины звучит струной поэтического сказа: «Вдруг он усмехнулся... и голосом добрым, скороговоркой добавил: — Пензенский я».

Если же этот поэтически окрашенный сказ сопровождается грубоватым просторечием, — то это можно объяснить законом стиля, который писатель сам над собой поставил: по этому закону элементы солдатского жаргона, диалектизмы нужны в новелле не ради бытового орнамента или натуралистического правдоподобия (натурализмом попахивает только брань в речи Володьки Швидко), а ради раскрытия все той же внутренней темы коллективного братства советских бойцов, их человеческой красоты.

Здесь уместно сделать небольшое отступление.

В двадцатых годах молодые советские писатели, как бы устремившись навстречу развороченной революцией народной жизни, широко распахнули доступ в свои произведения столь же развороченной стихии языка. Диалектизмы, жаргоны, вульгаризмы, а с ними и просто испорченная, «скукоженная», говоря словами Панферова, речь широким потоком ворвалась в литературу. Писателям казалось, что этим они демонстрируют свой отказ от «буржуазно-дворянского» языка, приближают литературу к народу, вводят в нее язык народа. И, руководствуясь этой иллюзией, они писали «под'елдыкивать», «три-

жильный», «дюзнуть», «скобыском», «шамать» «дай пять», «кильчак тебе промежду ягодиц», «ты от меня не усикнешь», «белевесый был гогона, крикун, бабник, одно слово: брянский ворокоса безуенный». На последнем примере даже не разберешь, насколько это русский язык.

М. Горький жестоко нападал на таких писателей, как Панферов, Пермитин, которые особенно буйствовали в подобном опрошении русского литературного языка. И Горький объяснил, в чем тут был основной порок. В столь ложно опрошенном и столь искаженном языке писатели приближались не к народу, вышедшему на широкие просторы свободной жизни, а в лучшем случае лишь к его историческому тылу, где народ веками пребывал в рабстве и невежестве, ограбленный материально и духовно. В «скукоженном» языке консервировались, поднимались на степень «народности» самые консервативные, пережиточные стороны народной жизни и прежде всего — темнота, бескультура, дикость. Таким образом, злоупотребление всякими диалектными формами могло только помешать основной задаче советского писателя — раскрытию духовного роста советского народа, красоте его моральных сил.

В новелле Волошина диалектные элементы использованы умеренно, с тенденцией раскрытия внутренней стороны темы гуманизма советского солдата, темы подвига и братства.

Но тенденция использования просторечно-солдатских элементов языка в теме советского гуманизма и подвига остается у Волошина в некоторой мере стихийной, неразвитой и непоследовательной. Это ясно видно по нарушениям основного стилевого тона рассказа совершенно инородными ему и случайными для него стилистическими элементами. То это — пейзаж, данный не на глаз солдата, а слишком уж утонченно-импрессионистично: «По ту сторону пригорка увидел я домишко, пониже его степной овраг — черный росчерк через блеклые осенние поля...» То перед читателем возникает чрезвычайно редкостная краска в портрете председателя Совета, не старого на вид, «с веселыми золотыми крапинками в глазах», то может встретиться слишком уж неожиданно изысканный эпитет: «Да! Так он и сказал: «сопливец»! И я не обиделся. Потом гнев его сменился необоримой тревогой». Эпитет **необоримый** рядом со словом **сопливец** воспринимается, как смешение стиля Блока и Панферова тридцатых годов.

В новелле Волошина может произойти и более резкое столкновение разнородных стилистических гластов: едва рассказав в манере солдатского просторечия о старой женщине и председателе сельсовета и употребив при этом такой оборот, как «а сам вроде как с просьбой к председателю», сержант-рассказчик вдруг резко меняет лад своего рассказа, обращаясь к книжно-лирическому строю речи: «И в это время впервые за много дней где-то высоко над нами размыло вязкие облака и удивительно празднично глянуло солнце. Каким приветным теплом повеяло на нас от этого скуповатого осеннего солнца!».

Здесь у читателя впервые возникает сомнение, где же настоящее, подлинное лицо сержанта-рассказчика: там ли, где он в своем просторечии так един с своими героями-солдатами не только по языку, но и по душе, сознанию, всему складу чувств, или же там, где на него надета личина книжно-лирической речи? Стилевая непоследовательность в новел-

ле Волошина проявляется как раз в самых «чувствительных» моментах художественной темы подвига — в ее лирических проявлениях.

Вот подвиг внутренне подготовлен. Решение защищать деревню принято. Силы к подвигу накоплены. Писатель рассказывает об этом сосредоточенно и выразительно. Он хочет передать ощущение счастья совершающегося подвига. Но в какой форме? Здесь мы читаем:

«Бывают такие минуты, когда чувствуется особенно остро чудесное проявление на сердце, идущее от земли, от солнца, от какого-то особенного дуновения ветра, даже от запаха размятой в пальцах сухой былинки. У меня тогда было такое вот полуденное солнцестояние в душе. Очень светло было в душе. До пустоты».

Скажем прямо — это неплохо написано. И какие-то нужные мотивы здесь найдены. Эмоциональное воздействие отрывка неоспоримо. Но одновременно мы, читатели, что-то здесь потеряли, и потеряли важное. Что стало с сержантом-рассказчиком и его солдатским просторечием? Куда он делся? И почему на его месте появился другой рассказчик, с буниным или чеховским «солнцестоянием в душе»? С этого момента образ рассказчика в новелле Волошина раскалывается надвое, и в дальнейшем ходе повествования возникает уже другой рассказчик — не тот, что с просторечием, а из иной общественной сферы, более интеллигентный, с другим видением мира.

И можно даже сказать, что этот новый рассказчик сам по себе отнюдь не плох. Под его углом зрения, в его ладу повествования в рассказ входят даже некоторые обогащающие его краски, например драматичность действия, более дифференцированная психологическая атмосфера.

Какой же рассказчик лучше? Когда вопрос поставлен так, приходится смотреть, с какой стороны содержания новеллы был необходимо связан первый рассказчик, и чему служит второй. Первый, просторечный рассказчик устанавливал в повествовании свое внутреннее единство со всеми бойцами. На первый план рассказа выдвигался, как мы уже знаем, мотив «согласия» со «своими», взаимочувствования с полслова или даже без слов. Просторечный рассказчик ничем не выделялся из своего коллектива и понимал каждое его внутреннее движение прежде всего через Костю Спичева. Потому он и может хорошо рассказать, как возникла инициатива подвига и намекнуть, как он готовился.

Этот первый рассказчик — лишь носитель духа коллектива, он только передает то, что созревает в коллективе, он сам не выдвигается на первую роль.

Коллективность подвига — вот для какой стороны содержания новеллы нужен был просторечный рассказчик. В первой части новеллы он главным образом рассказывал, а действовали другие — Костя Спичев, Володька Швидко и остальные. Не то во второй части новеллы. Здесь он сам постепенно выдвигается в центр повествования. Здесь уже он «командует» — не только своими бойцами, но и сюжетом и его драматическим развитием, вводимым в новеллу. Он начинает бой и принимает только на себя всю его напряженность: «Я смотрел на ближний увал и, стиснув зубы, все ждал и ждал, когда там появятся немцы»...

Наконец, из картины событий, решающих тему подвига, устраняются все другие участники. Остают-

...тя только рассказчик и немцы, которых он видит в прорезь своего пулемета. В таком положении рассказчику остается рассказывать только о самом себе.

Рассказчик повествует о том, как и с каким драматическим напряжением он решил судьбу всего коллектива, исчезнувшего из рассказа. Только на свою долю он оставляет и цену победы, ранение и страдания: «Я тащился на руках и чувствовал, как меня раскачивала и бросала на землю нестерпимая, рвущая боль в ногах».

Но, к чести писателя, следует сказать, что у него хватило такта последние две строки новеллы передать забытому было Косте Спичеву, который был главным героем первой части новеллы, где ставилась тема народной коллективности подвига. Сквозь полусознание раненый слышит голос Кости: ...«Вот друга вынесу». Это очень хорошо, это — возвращение к оборванной сути новеллы.

У А. Волошина не хватило драматических и поэтических красок для хорошо начатой темы коллективности подвига. По-видимому, эта тема осталась в какой-то мере стихийной, чем и объясняется ее незавершенность, а вместе с тем и переход от одного рассказчика к другому. Волошин — даровитый писатель, но мастерство писателя, как и всякого ремесленника, сказывается прежде всего в том, насколько он овладевает своим предметом и в какой мере обращает его в законы его собственной сущности.

☆☆☆

В качестве второго образца возьмем книжку стихов М. Небогатова «Моим землякам» (Кемерово, 1958). М. Небогатов — поэт несомненного дарования, вырабатывающий свои темы и формы, еще не всегда цельные, но порой чистого лирического тона. В стихах Небогатова рисуется Кузбасс с его природой, людьми, трудом, революционными преобразованиями, перед которыми все дальше отступает таежная глушь.

Язык поэзии, в силу своей эмоциональной сконцентрированности, значительно непосредственнее, чем язык прозы, связан в каждом своем моменте с внутренней темой, ее сущностью. Здесь вступают в действие смысловые оттенки языка, зависящие от ритма стихов, от звучания слов, от их особой чуткой связи. Однако и поэтический язык определяется взглядом поэта на мир, который охвачен его поэзией. Есть ли этот органический источник стиля у М. Небогатова?

Не все его стихи равноценны. Некоторые из них написаны «на случай» и определены лишь внешней темой: не всегда она доводится до поэтического оправдания в соответствии со своим действительным весом. Таково, например, стихотворение «Послание мира» — о первом советском спутнике Земли. Последняя строфа этой вещи «спета» поэтом в игристом ямбе, со смешливым частушечным «аканьем», а по чувству — так, будто речь идет о легком плясочном движении... к Марсу:

«Не внуки наши и не дети, —
Мы сами с вами наяву
Проложим путь к другим планетам,
На Марс слетаем, как в Москву».

Такие обороты, как мы сами с вами (почти — мы сами с усами) и — «на Марс слетаем», уместнее

были бы в какой-нибудь стихотворной шутке, чем в теме такой значимости, как включение космоса в человеческий мир.

Но можно опустить такие стихи — их в сборнике немного, и не они определяют характер поэзии Небогатова. В дальнейшем будем опираться на те стихотворения поэта, которые представляются органичными его дарованию и не лишены своего поэтического видения.

М. Небогатов — поэт простых чувств, доступных всем «землякам» Кузбасса и обращенных к ним. Поэтому изысканные «образные» наряды, как правило, здесь исключаются. Эта поэзия охватывает мир близких и простых вещей, находящихся в будничном и праздничном обиходе «родного края». Родство с миром «родного края» — а через него просвечивает порой и большой мир советской страны в целом — источник поэзии Небогатова. Этот край богат. Прекрасны его зори и его Томь. В его пейзаж вписаны терриконы и копры, грузовики на ухабах дорог, дымящиеся заводские трубы по соседству с тайгой, могилы партизан, поливших своей кровью кузбасскую землю, прежде чем она смогла расцвести. Этот край создавался и украшался руками «земляков», людей близких поэту по духу и делам.

Труд советского человека вошел основным грунтом в картину «родного края».

Чтобы не спутать масштабы и жанры, следует сказать, что содержание великого исторического процесса превращения отчужденного труда в «свой» труд и отчужденного от человека мира богатств — в «свой» богатый мир, затронуто в стихах сборника «Моим землякам» преимущественно в объеме малой лирической миниатюры.

В стихах Небогатова много пейзажей, в которых каждая малость — «своя», потому что

Эту рошу садили мы сами
Вместе с нами деревья росли.

В пейзаже возникает и Томь, играющая «серебром живым», и «земляки», которые своим трудом помогли ей заиграть в песне:

Там у станка, забыв про тяжесть век,
Стоит мой сверстник, русский человек,
Простой на вид, ничем не знаменит.
Он вдохновлен работой...

Из этого вдохновения черпается кое-что и для лирического освещения пейзажей «родного края».

Не случайно Небогатов иногда пытается говорить о превращении труда в песню. Интимное единство поэта с «родным краем», если иметь в виду поэтическое выражение этой темы, действительно кое в чем сродни народной песне, в которой певец всегда высказывается о вещах общезначимых, окрашивает их народно общезначимым чувством. В языке стихов Небогатова можно было бы поискать и найти непосредственные элементы народно-поэтической речи или близкие к ней: «Тишина такая в поле чистом»..., «По весне расти, крепчать дубкам»..., «Дорога дальняя в поля»...

Иногда встречается здесь перефразировка народно-поэтических оборотов:

Сколько тропок мы здесь исходили,
Только месяц лукавый видал...

Иногда возникает песенный повтор предлога: «По росистым, по лунным полянкам»..., или народная формула призыва к возлюбленной: «Выходи на дорогу скорей»... и т. д. И все же народно-поэтические элементы занимают лишь частичное место в языке стихов Небогатова. Материалы современности и раздумья о ней не всегда умещаются в фольклорную форму. Где уж тут до фольклорности, если в стихи вводится «Веселый, шумный город мой... с поющей в рупорах Москвой», если годы жизни сравниваются с «километровыми столбами», а в пейзаже поля «Вертолету неуклюжему подражает стрекоза».

Почему же поэт постоянно ссылается в своих стихах на песню? Слово «песня» мелькает в них со страницы на страницу: «призывно песня льется»..., он эту песню вдалеке услышит»..., «со мной, как песня, дума о Сибири»..., «я песней звонкой спорил с ветром»... и т. д. Не являются ли эти постоянные ссылки на мотив песни лишь слишком легкой игрой в условную и — прямо сказать — банальную метафору в том смысле, что песня — это все, что лирично, все — что чувство? И действительно, избитая метафора песни слишком уж часто становится у Небогатова всеобщей заместительницей всякой иной поэтической мысли и мешает ее дальнейшей выработке. Следовало бы пожелать всем молодым поэтам не убегать в песню от мысли.

К чести М. Небогатова: если бы он даже и не ссылался так часто на песню, в его стихах все же можно открыть некоторую основу песенного стиля. Известно, например, что характерной особенностью народной поэтической формы является образное сближение человеческого мира в его бытовом и трудовом обиходе с миром природы, — сближение, поэтически поясняющееся одно другим. В песенной поэтике фольклора мы называем эту форму народно-поэтическим параллелизмом, — его следы, его веяние мы находим в самой композиционной основе многих стихов сборника «Мои земляки». А иногда и сами предметы поэтического параллелизма здесь народно традиционны, например: березка — девушка:

Сколько раз березка возле прясла
Загоралась жарко на заре,
Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла
На вечерней сумрачной поре.
Вдруг как будто чудо с ней случилось:
В час, когда заря ее зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.

Это — природная часть параллелизма. Смелая метафора негаснувшей березки, конечно, отнимает от него фольклорную примитивность. Но все же предметная основа остается здесь по-народному простой: березка на вечерней заре. Столь же проста и другая часть параллелизма с человеческим содержанием:

У калитки девушка стоит,
Теребит платок и долгим взглядом
В темноту осеннюю глядит.

Хотя в дальнейшем в стихотворении происходит свидание с «плечистым пареньком» (при том заметим — комбайнером), природные мотивы не становятся только пейзажным фоном для любовно-бы-

тового сюжета. Березка и девушка остаются равнозначными композиционными членами одного образа: обе загорелись на вечерней заре и обе не могут погаснуть, когда заря уже ушла; одну охватывает «вечерняя сумрачная пора», другая глядит «в темноту осеннюю». Начатое в одной части продолжено в другой. И все стихотворение кончается природным мотивом, как исходным и наиболее сильным — березкой:

Сыплет бусы — чистую росу,
Словно хочет подарить влюбленным
Всю свою последнюю красу.

Благодаря поэтическому параллелизму смысловой центр стихотворения переносится с поверхности вещей и событий на то, ради чего только и существует народная поэтическая форма, — на красоту человека.

Но здесь встает и другой вопрос: насколько склонность поэта к формам песенного лиризма помогает ему охватить современную жизнь «родного края», глубину происходящих в нем преобразований, созидательную энергию его людей? В этом отношении лирической миниатюре Небогатова еще многого не хватает. Ведь едва ли параллель березка — девушка можно считать достаточно востребованной для современного содержания. Народнопесенную традицию нельзя канонизировать. Она не всегда достаточна там, где нужен поэтический анализ современности. Незрелость современной темы, невыработанность нужных для нее форм чувствуются даже в неплохих стихотворениях сборника. Можно с удовольствием прочитать стихотворение Небогатова «После митинга»: сгрудившиеся у стола советские люди ждут своей очереди подписаться под общенародным призывом к миру на земле. Поэтический параллелизм охватывает и эту картину советского общественного быта и, сопоставляя ее с кругом естественно-природных явлений весны, придает ей оптимистическую, жизнерадостную энергию:

А за окном журчат ручьи,
Готовясь к встрече с половодьем.

Благодаря такому созвучию природы совершающемуся событию поэтически окрашивается само народное самосознание:

Блеснуло солнце из-за туч —
И все вокруг залило мигом,
Внезапно яркий теплый луч
Лег на бумагу светлым бликом...
Стояли мы — к плечу плечом,
Казалось нам: сама природа
Всесильным солнечным лучом
Скрепила помыслы народа.

Но характерно, что в этом случае мотив помыслов народа, стоящий в центре стихотворения, остается все же лишь пятном лирического пейзажа: этому мотиву явно не хватает развития, может быть, эпического развития. Эпос народной жизни мало охватывается лирической миниатюрой Небогатова.

Стилевой лад стихов Небогатова не всегда обладает нужной цельностью. Иногда он ломается, допуская в свой строй чуждые ему, инородные речевые элементы. И происходит это чаще всего именно при встрече «наивной» песенной формы с современ-

ностью, ее людьми, профессиями, техническим обиходом труда.

Вообще говоря, мотивы современного советского города «освоены» в поэзии Небогатова в меньшей мере, чем колхозное село, труд на полях, природа. Сближаясь с людьми труда, эта поэзия порой заполняется оголенными техническими терминами и словами профессионального жаргона. Описывая труд шоферов на ухабистых дорогах, поэт может сказать — «ночь буксует напролет» (причем неясно, буксует ли ночь, шофер или грузовая машина) или — «хоть газуй, хоть не газуй» и т. д. В картине «родной земли» рядом с чисто песенными «тихими равнинами» у Небогатова порой «бегут составы длинные» (т. е. поезда), хотя слова «составы», перемещенные из своей технически-речевой среды в песню, теряет живую предметность, становится абстракцией.

Еще резче эти нарушения там, где в стихах Небогатова появляются вдруг элементы сентиментального романса, вроде «Я б хотел... цветком подснежным расцвести у милых ног» или — «Вечер открыл голубые глаза», «Березка в пышной кофточке, в белой юбочке»... В этих случаях поэт теряет как раз то, что является наиболее ценным в сборнике «Моим землякам» — народную основу лиризма. Она утрачивается потому, что «голубые глаза вечера» и подобные обороты романсного имажинизма — это отход не только от просторечия песни, но и от всего жизненного обихода земляков, от народных источников поэтического чувства. Хочется спросить: почему так ломается иногда стилевой строй стихов Небогатова? По-видимому, поэт ищет путей развития «наивной» песенной формы. В этом у него немало удач.

И все же, несмотря на все эти удачи, известная «наивность» песенной манеры Небогатова («наивность» в том смысле, как она присуща фольклорной поэтике) ощутимо задерживает развитие содержания в его поэзии, ставит ему свои границы.

Наши молодые поэты порой слишком односторонне увлекаются песенной формой, видя в ней иногда наиболее легкий способ овладения ремеслом поэзии в целом.

Бесспорно, песня является важным жанром советской лирики. Через песню в советскую поэзию проникают неиссякаемые, постоянно развивающиеся, животворные токи народного творчества. И все же песня — это не универсальный и не основной жанр советской поэзии, особенно в наши дни, когда культура советского народа вместе с револю-

ционным развитием техники, науки и производства растет все ускоряющимися темпами. Простейшие песенные ситуации не всегда могут охватывать большие вопросы действительности. Традиционной песенный прием параллелизмов может порой суживать возможности выражения мысли. Установка на то, чтобы «спеть», может иногда помешать глубокому поэтическому анализу жизни.

Обо всем этом приходится вспоминать при чтении сборника «Моим землякам». Если лучшие стихи Небогатова удачно развивают традиции народно-поэтического творчества, то в это же время многие из них задерживаются на наивном «простомыслии» песни, говоря термином Пушкина. Они задерживаются на этой стадии прежде всего там, где преимущественной формой стихов становится мимолетный «лирический момент», когда жизнь схватывается как бы на лету, — «как ветра свист, как листьев шум». А таков композиционный закон немалого числа стихов Небогатова. В этих случаях само художественное обобщение не выходит порой за пределы данного «лирического момента», будь то момент пейзажный («Шумит за окнами поземка»... «Ничем не примечательная тропка»...), или будь то момент поэтического чувства, на чем-то бегло остановившегося, чтобы тут же «выпеститься» в песне («Заглянул в глаза, — и как в хмелью»). Сложность, богатство, глубина духовной жизни народа в данной форме не могут быть охвачены.

В разделе сборника «Моим землякам», названном «На литературные темы», некоторые вещи свидетельствуют о том, что поэт, по-видимому, сам сознает относительную узость культивируемой им формы. Здесь поэт говорит о своих поисках «значительных слов, содержания большого», мысли («Где труд кипит, подобно бою, родится столько чувств и дум!»). Поиски ведутся, таким образом, на плодотворном пути. Конечно, ценность песенного «просторечия» сохранится для поэта и в дальнейшем, но уже в кругу более глубоко развитого содержания.

Как известно, великие русские поэты Пушкин, Лермонтов, Некрасов широко черпали из народного творчества, из поэтики, созданной народным сознанием, но они не останавливались на уровне «простомыслия» этой поэтики, а поднимали ее элементы до выражения больших общественно-философских проблем своей современности. Так создавалась большая русская эстетика. Пусть она поможет и молодым поэтам Кузбасса.

Н. И. Якушин,
кандидат филологических наук

Сибирский период творчества Ф. М. Достоевского

(Возобновление литературной деятельности)

В обширной критической литературе о Ф. М. Достоевском сибирский период его жизни освещался и освещается очень бегло. Внимание исследователей всегда обращалось преимущественно на характеристику взглядов писателя, сложившихся после выхода из каторги, а процесс формирования мировоззрения Достоевского и художественные произведения, написанные им в Сибири, получали лишь самую общую оценку.

Между тем годы, проведенные на каторге и в ссылке, были для Достоевского не только временем мучительного пересмотра своих прежних верований и убеждений, но и годами упорной борьбы за право писать, за право вернуться в литературу. Здесь, в Сибири, родились замыслы многих будущих творений художника, были созданы повести «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», написаны фрагменты «Записок из мертвого дома», романа «Униженные и оскорбленные».

Все это позволяет говорить о том, что сибирский период является важной вехой в творческом развитии писателя, что он может и должен стать предметом специального и самого пристального изучения.

Почти десять лет (1850—1859 гг.) провел Достоевский в Сибири: сначала в Омской каторжной тюрьме, а потом в Семипалатинске, где служил в Сибирском № 7 батальоне. И ни на одну секунду в его сознании не прекращалась напряженная внутренняя работа. В воображении писателя возникали стройные очертания новых романов, повестей, вырисовывались яркие характеры героев. Но далеко не всегда он имел возможность вдохнуть в них жизнь. Ведь за четыре года, проведенные на каторге, Достоевский не мог написать ни одной строчки, не считая редких записей в «Сибирской тетради»¹⁾, которые он делал от случая к случаю. Сменив арестантский халат на солдатскую шинель, писатель остался таким же узником и редко мог выкроить свободную минуту для работы. И только в конце своего пребывания в Сибири он получил возможность более или менее спокойно и систематически трудиться.

Таким образом, литературная деятельность Достоевского в Сибири протекала неравномерно, и ее условно можно разделить на два отрезка времени. Первый, охватывающий время 1850—1856 гг., когда писатель только готовился к возобновлению литературной деятельности, когда он собирал и готовил материал для своих будущих произведений, когда он после многих лет вынужденного молчания заговорил в письмах к родным и знакомым своих героев, когда, скрепя сердце, написал цикл «патристических» стихов¹⁾. И наконец, второй, протекавший с 1857 по 1859 гг., когда были созданы сибирские повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».

Задача настоящей статьи — охарактеризовать начало сибирского периода творчества Достоевского.

☆☆☆

С того первого дня, как Достоевский навсегда оставил позади ворота Омской каторжной тюрьмы, он жил только одной мыслью — вернуться в литературу. Он отлично понимал, что за те четыре года, в течение которых он был оторван от умственной жизни своей страны, многое должно было измениться. И действительно, за это время было опубликовано множество новых произведений, в литературе появились новые имена, совсем другие мысли и идеи волновали теперь читающую публику.

Достоевский спешит наверстать упущенное время. Он жадно читает все, что ему попадает под

¹⁾ Характеристика «Сибирской тетради» Достоевского не включена в настоящую статью, т. к. занимает совершенно особое место в литературном наследии писателя и требует специального анализа.

¹⁾ Отдельные сведения по этому вопросу можно найти в статье Л. Гроссмана «Гражданская смерть Достоевского» («Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 683—692) и в статье П. Сакулина «Второе начало» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. II, М.-Л., 1930, стр. 523—545).

руку. В письмах к брату он настойчиво просит присылать ему больше книг. «...Книги — это жизнь, пища моя, моя будущность!»¹⁾ — говорит писатель.

Круг интересов Достоевского всегда был очень широк, но теперь ему хочется особенно много знать. Он систематически читает новейшую периодическую литературу, произведения знакомых и незнакомых авторов, просматривает журналы за последние годы.

Достоевский никогда не был пассивным созерцателем литературного процесса, никогда не был писателем, стоявшим в стороне от решения важнейших вопросов как общественной, так и литературной жизни. И поэтому ему как можно скорее хочется окунуться с головой в литературную борьбу. В письмах к брату и своим друзьям он не только интересуется литературными новостями, но и сам высказывает суждения о только что прочитанных книгах, о творчестве отдельных писателей, говорит об ответственности художника перед читателем, о необходимости бережного отношения писателя к своему дарованию. Этими мыслями ему хочется поделиться с широкими читательскими кругами. Он мечтал написать большую статью «Письма об искусстве» и даже начал работать над ней.

Позднее Достоевский предполагал написать целую серию статей, посвященных современному состоянию русской литературы, но этому замыслу не суждено было осуществиться. В письме к брату от 3 ноября 1857 года он сообщал: «Хотел было я, под рубрикой «Писем из провинции», начать ряд сочинений о современной литературе, у меня много созрелого на этот счет, много записанного, и знаю, что я обратил бы на себя внимание. И что же: за недостатком материалов, т. е. журналов за последнее десятилетие, — остановился»²⁾.

Интересно отметить, что именно с опубликования литературно-критических статей Достоевский предполагал возобновить свою прерванную каторгой писательскую деятельность. Он думал, что вступление в литературу лучше начать «серьезной статьей (об искусстве) и на нее просить разрешение печатать; ибо на роман до сих пор смотрят как на пустячки»³⁾.

Но главное, о чем заботится сейчас Достоевский, это, конечно, о том, чтобы ему разрешили публиковать свои произведения. Ему неважно, с чем он предстанет перед читателем; будет ли это статья об искусстве, роман или повесть. Главное — начать, главное — увидеть свое имя в печати, а там...

Огромное количество материала скопилось у писателя за все эти годы. «Не могу вам выразить, — доверительно сообщал он поэту А. Н. Майкову, — сколько я мук потерпел оттого, что не мог в каторге писать. А между тем внутренняя работа кипела. Кое-что выходило хорошо, я это чувство-

вал. Но выйдя из каторги, хотя все было готово, я не писал. Я не мог писать».¹⁾

Достоевский не мог писать, не будучи уверенным в том, что написанное им дойдет до публики. Ему необходимо было теперь же видеть перед собой читателя, необходимо было теперь же поделиться с ним тем огромным количеством замыслов, мыслей, идей, которые пока еще беспорядочной вереницей теснились в его голове, мешали спать, думать, жить. Он пробует начать писать. Но работает беспорядочно, несистематически: мешает непривычная казарменная обстановка, непосильная для больного писателя солдатская служба и, наконец, отсутствие связи с тогдашним литературным миром. Значительно осложняет и без того трудную жизнь Федора Михайловича начавшийся роман с М. Д. Исаевой. Но писать хочется, хочется писать, уйти от этой жизни в мир мыслей и чувств своих героев, вместе с ними страдать, любить, надеяться и ненавидеть. Достоевский начинает понемногу систематизировать и записывать свои воспоминания о страшных годах, проведенных в «мертвом доме». «В часы, когда мне нечего делать, — пишет Достоевский А. Н. Майкову, — я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания на каторге, что было любопытнее»²⁾. Это, конечно, еще не были «Записки из мертвого дома» в том виде, в каком они появились несколько лет спустя: но первоначальные наброски и отдельные эпизоды создавались писателем в первые годы пребывания в Семипалатинске. Это подтверждает и А. Е. Врангель в своих «Воспоминаниях»,

Создавая отдельные эпизоды «Записок из мертвого дома», фрагменты статей об искусстве и литературе, Достоевский одновременно приступает к работе и над другими произведениями. Еще на каторге он в течение нескольких лет обдумывал «большую повесть». Когда писатель приступил к воплощению своего замысла, осталось невыясненным. Но весьма вероятно, что план повести и отдельные куски ее были написаны вскоре после выхода из каторги, хотя Достоевский и говорил, что отложил пока работу над ней «в сторону», т. е. «нужно более спокойствия духа». Одновременно у него возникает замысел «комического романа».

Оба эти произведения не были завершены писателем в первые годы пребывания в Семипалатинске. Позднее «большая» повесть получила название «Село Степанчиково и его обитатели», а отрывок из «комического романа» превратился в повесть «Дядюшкин сон».

Таким образом, несмотря на обилие материала, страстное желание творить, Достоевский в течение первых трех лет после выхода из каторги, по существу, ничего законченного не создает, ни над чем систематически не работает. Один замысел сменяет другой, и большинство задуманных произведений оформляется пока лишь в виде планов, отдельных набросков и фрагментов.

Исключение составляют эпистолярное наследие Достоевского периода его жизни в Сибири и цикл сибирских стихотворений («На европейские собы-

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 139.

²⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. II М.-Л., 1936, стр. 585.

³⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. II М.-Л., 1928, стр. 184. Однако, спустя год в письме к Е. И. Якушину от 1 июня 1857 г. он говорил иначе: «Скажу вам без обиняков, что у меня давно уже определено, с чего начинать, и с другого я не начну, хотя и есть кое-что другое, но кроме романа и повести, я ни с чего другого не начну». (Письма, т. I, стр. 221).

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 167.

²⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 164.

тия 1854 г.», «На 1 июля 1855 года» и «На вступление на престол Александра II»).

☆☆☆

Как и многие русские писатели, Достоевский чрезвычайно внимательно относился к переписке, которую всегда вел с очень обширным кругом людей. В сибирский период своей жизни писатель оживленно обменивается письмами со старшим братом М. М. Достоевским, со своим новым приятелем А. Е. Врангелем, с М. Д. Исаевой, ставшей позднее его женой, со своим другом петрашевцем А. Н. Плещеевым, с женами декабристов Н. Д. Фон-Визиной и П. Е. Анненковой и др. В этих письмах нашли отражение многие факты из жизни писателя в Сибири, а также вопросы, связанные с процессом формирования его мировоззрения в этот период.

Отвечая своим многочисленным корреспондентам, Достоевский очень заботился о стиле и языке своих посланий, рассматривая их как своеобразный вид художественного творчества.

Эпистолярный жанр был близок писателю, и он охотно использовал его в своих произведениях. В форме переписки написана его повесть «Бедные люди», рассказ «Роман в десяти письмах». Письма неотъемлемой частью вошли в большинство его крупных романов.

Письма сибирского периода жизни писателя интересны прежде всего с точки зрения отражения в них мучительного процесса пересмотра прежних взглядов, верований, убеждений. Этот процесс начался у Достоевского еще в Петербурге, в долгие месяцы одиночного заключения, а затем в Омской каторжной тюрьме, когда он день за днем пересматривал всю свою жизнь, стремясь объяснить себе все то, что произошло с ним.

Как происходил этот пересмотр взглядов у писателя, проследить очень трудно. Сам он говорит об этом крайне неохотно, всегда стремясь перевести разговор на другую тему, уйти от прямого ответа, отделаться общими, ничего не значащими словами.

Однако молчать и отделяться намеками можно было далеко не всегда. Приходилось высказываться и более определенно. Но далеко не всегда при этом писатель говорил правду. В целом ряде писем Достоевский говорит, например, о полном отказе от прежних своих взглядов и убеждений. В письме к Тотлебену от 24 марта 1856 года он писал, что «был осужден законно и справедливо», что долгий опыт, тяжелый и мучительный, протрезвил... и переменял его мысли, что ему тяжело «страдать за то, чего уже нет, что изменилось в нем в противную сторону, — страдать за прежние заблуждения, которых неосновательность уже сам видит»¹⁾.

Мог ли иначе говорить Достоевский в письме, в котором просил исходатайствовать ему отставку и возможность печататься, в письме, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь? Конечно, здесь была известная доля правды. Но этот процесс пересмотра прежних убеждений происходил очень сложно и отнюдь еще не был закончен в это время. Со своим прошлым писатель расставался с большим трудом, с болью и страданиями. Поэтому

письма Достоевского надо уметь читать. Нужно в каждом отдельном случае иметь в виду, кому, когда он писал и с какой целью.

Только в двух письмах Достоевский высказывается более искренне, хотя и в них многое не досказано. Речь идет о письмах к Н. Д. Фон-Визинной, написанных сразу же после выхода из каторги, и к А. Н. Майкову от 17 января 1856 года.

Н. Д. Фон-Визина была одной из тех, кто принял в судьбе Достоевского самое горячее участие. И писатель никогда не забывал об этом. В ней он почувствовал человека, который может его понять, и к этому человеку он обращается с большим посланием, где впервые за много лет попытался изложить сущность своих новых воззрений.

Оглядываясь на прожитые годы, Достоевский еще полон сомнений, неуверенности. «Я — дитя века, — говорит он о себе, — дитя неверья и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски»¹⁾. И вот в этих сомнениях, колебаниях у Достоевского выработался, говоря его словами, свой «символ веры», который сложился у него в те минуты, когда он был «совершенно спокоен» и чувствовал, что «любит и другими любим». Сущность этого символа сводилась к следующему: «верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но... и не может быть. Мало того, если б мне кто доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной»²⁾.

Многие годы, оторванный от общественного движения России, Достоевский признавался, что ему многое теперь еще неясно, что он живет в каком-то ожидании, что с ним «в скором, очень скором времени, должно случиться что-нибудь решительное», что он «приближается к кризису всей своей жизни», что он «как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае неизбежное»³⁾.

Вот с какими мыслями оставил Достоевский Омский острог. Но вопреки его ожиданиям, «кризис его жизни» произошел не так скоро, как ожидал писатель, а затянулся на долгие годы.

Прошло два года. Это было время напряженных исканий, внимательного изучения явлений общественной жизни. Многое для писателя прояснилось, но во многом он так и не смог разобраться, а многое осталось вне поля его зрения.

Жизнь шла вперед. Началась и окончилась Крымская война, умер Николай I, из России доходили слухи о подеме общественного движения и готовящемся освобождении крестьян. Все это время Достоевский почти ни разу ни с кем не говорил о том, что он передумал и перечувствовал.

Правда, в письме к Майкову от 18 января 1856 года писатель говорит кое-что. Но и здесь мы найдем множество недомолвок. В этом письме Достоевский высказывает мысль о том, что все его прошлое было ошибкой, заблуждением. Он даже утвер-

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 143.

²⁾ Ф. М. Достоевский. Письма т. I, М.-Л., 1928, стр. 142.

³⁾ Там же.

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., стр. 178—179.

ждает, что «оно не более, как случай»¹⁾. Идей утопического социализма, в которые он верил, показали ему теперь нежизненными. «Идеи, — писал он, — меняются». Изменились они и у Достоевского. Теперь он во многом солидарен с взглядами А. Н. Майкова, отказавшегося к этому времени от прежних увлечений демократическими идеалами и проповедывавшего идеи христианства, русской государственности. Но, в отличие от Майкова, Достоевский не считал эти взгляды чем-то новым, каким-то откровением. Он говорит, что всегда разделял эти мысли и убеждения, что он «всегда был истинно русский»²⁾, разумея под этим горячую любовь к своей родине и глубокую веру в то, что России принадлежит великое будущее, что она в конце концов поведет за собой все народы, что она объединит их в единое общечеловеческое братство. Да, эти мысли Достоевский разделял всегда. Но теперь он считает, что народы объединят не идеи социализма, а христианство, а точнее идеи православной церкви. Вот в каком плане шло изменение взглядов Достоевского. Но эти мысли у него еще только возникали, и он еще не был окончательно уверен в их истинности.

Итак, процесс пересмотра прежних убеждений у Достоевского не был завершен в первые годы после выхода из каторги. Это произошло значительно позднее, уже после возвращения из ссылки. Но письма писателя к Фон-Визинной и Майкову все же дают возможность проследить, в каком направлении развивались мысли Достоевского, определившие в дальнейшем характер его мировоззрения.

Наиболее значительную часть сибирского эпистолярного наследия писателя составляют письма к М. М. Достоевскому. К своему любимому старшему брату чаще всего обращается он со всякого рода просьбами, с ним ему хочется поделиться своими чувствами и мыслями, к нему он адресует свои самые большие послания.

Особенно интересно первое письмо, написанное Достоевским после выхода из каторги, в котором он в сжатой, конспективной форме излагает многие события, художественно воплощенные позднее в «Записках из мертвого дома». Это письмо можно с полным основанием считать одним из первых этюдов, одним из ранних набросков знаменитых «Записок».

К его удивлению, брат отвечает ему очень коротенькими записками или вообще молчит. Причем молчание это продолжается иногда по 6—8 месяцев.

Не получая ответа на свои письма, Достоевский насторожился. Он уже не уверен в прежней привязанности брата. Его письма к нему становятся все более сдержанными. Но не в смысле излияния чувств. Нет. Они по-прежнему переполнены уверенностями в любви и преданности, страстными призывами любить его, не забывать, горькими сетованиями на свою многострадальную участь³⁾.

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 165.

²⁾ Там же.

³⁾ Своё молчание М. М. Достоевский объяснял следующим образом: «Мысль, что каждую строчку мою прочтут люди посторонние, охлаждала во мне всякий порыв говорить с тобой». (Достоевский. Письма, т. I М.-Л., 1928, стр. 529).

Письма к брату позволяют нам более ярко представить себе жизнь писателя в ссылке. Мы узнаем о его страшной нужде, о безуспешных его попытках достать денег, о его здоровье, которое день ото дня становилось хуже. Наконец, в этих письмах (особенно в последний период пребывания писателя в Сибири) много говорится о работе Достоевского над своими сибирскими повестями и о его новых творческих замыслах.

Переписка Достоевского с братом поражает простотой стиля. Писатель то говорит спокойно, последовательно развивая свои мысли, то вдруг начинает волноваться, и сразу же тон письма меняется. Перед нами появляются какие-то отдельные равные фразы, в которых чувствуется и затаенное страдание, и горечь, и глубокие душевные муки.

В некоторых письмах писателя к брату нельзя не почувствовать связи отдельных фраз и даже целых абзацев с речью героев ранних произведений Достоевского. Это говорит о том, что сибирская переписка писателя была тоже своего рода творческой лабораторией, где он оттачивал свое перо и самым серьезным образом готовился к возобновлению литературной деятельности.

Большое количество сибирских писем Достоевского адресовано к его семипалатинскому приятелю А. Е. Врангелю, с которым писатель близко сошелся и подружился в первые годы ссылки. Письма к Врангелю интересны прежде всего тем, что в них необычайно подробно рассказывается о развитии взаимоотношений между Федором Михайловичем и Марией Дмитриевной Исаевой.

Интереснейшей частью сибирского эпистолярного наследия были письма Достоевского к М. Д. Исаевой, с которой он переписывался с мая 1855 года, т. е. со времени ее отъезда из Семипалатинска в Кузнецк, вплоть до начала 1857 года. Известно, что между ними велся очень оживленный обмен письмами.

Но из всей этой, видимо, большой переписки сохранилось лишь одно письмо. Остальные, вероятно, были уничтожены Исаевой.

Судить о характере переписки по одному письму, конечно, трудно, но если прибавить к этому же сведения, которые есть в письмах Достоевского к Врангелю, то можно все-таки сделать некоторые обобщения.

Послания Федора Михайловича к своей возлюбленной писались пылко, горячо, страстно. В них он как будто спешит, торопится высказаться. Ему хочется сказать все сразу. Все кажется чрезвычайно важным, а главное, ему хочется говорить с той, которой принадлежало его сердце. Он полон тревоги за ее судьбу, хочет успокоить, подбодрить, но это ему плохо удается. Ибо он сам в отчаянии, ибо все вокруг напоминает ему о разлуке, и он не в силах с ней примириться. Федор Михайлович напоминает встречи, вечера, проведенные в доме Исаевых, снова и снова говорит о том, как дороги были для него «женское сострадание, женское участие», которыми его окружила Мария Дмитриевна. Сам того не замечая, писатель в письмах к своей любимой начинает говорить языком героя «Бедных людей» Макара Девушкина. Сам Достоевский признавал себя и М. Д. Исаеву в какой-то мере героями «Бедных людей». Говоря о своей возлюбленной, он писал: «Она в положении моей героини в «Бедных людях»,

которая выходит за Быкова (напророчил же я себе)»¹⁾.

Много сведений о жизни писателя в Сибири, о его интересах, творческих замыслах содержится в письмах к поэту-петрашевцу А. Н. Плещеву, сыну декабриста Е. И. Якушкину, казахскому ученому Ч. Валиханову.

Таким образом, сибирские письма содержат в себе многие сведения о жизни Достоевского в Сибири, позволяют судить о процессе пересмотра им своих прежних воззрений и формирования новых, а также являются литературным памятником, в котором отразились особенности стиля писателя, его мастерство художника.

Особое место в творчестве Достоевского занимает сибирский цикл его стихотворений. Сам писатель при жизни никогда не упоминал о своих стихах и никогда не включал их ни в одно собрание сочинений. Он считал их, по всей вероятности, слабыми как с точки зрения идейного содержания, так и со стороны художественной формы. Вместе с тем сибирские стихи предназначались в свое время для печати и поэтому представляют известный интерес с точки зрения отражения в них взглядов писателя и своеобразия его художественного метода.

Покинув в феврале 1854 года мрачные стены «мертвого дома» и став солдатом 7-го Сибирского линейного батальона, Достоевский хорошо понимал, что в его жизни почти ничего не изменилось, что дорога в литературу для него по-прежнему закрыта. «В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде²⁾», — жаловался он в письме к Фон-Визинной. Не имея в Петербурге ни влиятельных родных, ни высокопоставленных знакомых, писатель решает на свой страх и риск предпринять попытку ускорить свою реабилитацию. С этой целью он и пишет стихи.

В апреле 1954 года, т. е. через месяц после прибытия к месту своей ссылки в Семипалатинск, Достоевский пишет первое стихотворение «На европейские события в 1854 году», в котором стремится дать оценку политическому положению, сложившемуся тогда на Западе.

В это время вся Европа жила в ожидании больших событий. Уже в течение полугода шла война между Россией и Турцией. Чаша весов склонялась далеко не в сторону последней. Но на помощь туркам пришли Англия и Франция, которые предъявили Николаю I ультиматум, а затем объявили России войну. В это время в официальной печати в изобилии появлялись так называемые «патриотические» произведения. В них прославлялось самодержавие, его политика, осуждались союзники Турции англичане и французы и т. д.

Учитывая популярность шовинистических идей среди некоторых слоев русского общества и то внимание, с каким правительство относилось к «патриотической» литературе, Достоевский тоже решил присоединить свой голос к общему хору славословий по адресу самодержавной России и православной ве-

ры. Так появилось на свет стихотворение: «На европейские события в 1854 году».

В своем стихотворении Достоевский упорно доказывает мысль об особой судьбе России, о ее праве на господство в Азии. Он утверждает, что подобная роль предопределена России свыше, что она призвана возродить Византию, что этот час настал.

Для своего произведения Достоевский выбрал жанр оды. Этим он, несомненно, отдавал дань увеличению и возрождению в официальной литературе середины 50-х годов героической оды эпохи классицизма. Но его опыт создания стихотворной оды оказался неудачным.

Нечетко выраженные мысли и некоторая туманность выражений и послужили, по-видимому, причиной того, что стихотворение «На европейские события в 1854 году» не получило одобрения высшего начальства. Представленное вместе с ходатайством о напечатании через штаб Сибирского корпуса в III отделение, оно было похоронено в его архивах.

Неудача не обескуражила писателя. Он твердо верит, что путь, избранный им, наиболее верный и скорее всего приведет к желаемым результатам. И летом 1955 года, вскоре после смерти Николая I, Достоевский пишет новое стихотворение «На 1 июля 1855 года», посвященное вдовствующей императрице Александре Федоровне и приуроченное к ее дню рождения.

Новая попытка Достоевского увенчалась успехом. 21 сентября аудиторiatский департамент военного министерства, в свое время приговоривший Достоевского и его товарищей-петрашевцев к смертной казни, сообщил, что не видит препятствий для смягчения участи ссыльного писателя. А спустя два месяца новый царь Александр II «всемиловитейше повелеть соизволил: «рядового Сибирского линейного батальона Федора Достоевского... произвестъ в унтер-офицеры, во внимании к хорошему его поведению и усердной службе»¹⁾.

Стихотворение «На 1 июля 1855 года», точно так же, как и первая ода Достоевского, теснейшим образом связано с произведениями «патриотической» литературы того времени. По своему идейному содержанию оно мало отличается от мутного потока верноподданнической поэзии, в изобилии заполнявшей страницы официальных газет и журналов. Новое стихотворение Достоевского тоже было данью времени, моде, настроениям тогдашних официальных кругов и отнюдь не являлось выражением подлинных чувств и мыслей писателя. Это подтверждается хотя бы тем, что ни в одном письме обширной сибирской переписки писателя нет ни единого слова об умершем императоре. И в течение всей своей жизни он почти всегда обходился молчанием личностью Николая I. Называя его в своем новом произведении великим человеком, «грозым архангелом», опальный писатель не мог поступить иначе. Ведь на это стихотворение он возлагал особые надежды. Поэтому необходимо было скрыть свое подлинное отношение к Николаю I.

Но ни одного теплого слова не нашлось в оде Достоевского для жандарма Европы. Он сказал о нем только то, чего не мог не сказать.

Главное внимание Достоевский уделяет восхвалению добродетелей императрицы, о которой он, по

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 176.

²⁾ М. Ф. Достоевский. Письма, т. I М.-Л., 1928, стр. 143.

¹⁾ «Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 717.

всей вероятности, знал только то, что ее зовут Александра Федоровна. Безудержные похвалы, расточаемые по ее адресу, ни к чему не обязывали писателя, но могли оказать ему важную услугу (так оно в конечном счете и случилось).

Следует отметить, что стихотворение Достоевского — это не просто зарифмованное прошение на высочайшее имя, а хотя и слабое, но все-таки художественное создание, над которым писатель, надеясь увидеть его в печати, тщательно работал. Но в целом ода «На 1 июля 1855 года» лишняя раз свидетельствовала о том, что Достоевский не был поэтом. В стихотворении, за очень редким исключением, мы не найдем истинно поэтических образов; эпитеты, сравнения, метафоры не отличаются выразительностью, рифмы самые примитивные. Недаром брат писателя М. М. Достоевский, сам бывший литератором и неплохим поэтом, в одном из писем в Сибирь писал: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи не твоя специальность»¹⁾.

И все-таки это произведение интересно и прежде всего потому, что в нем гораздо более ярко, нежели в других сибирских стихотворениях, нашла отражение личность осужденного писателя. В оде «На 1 июля 1855 года» Достоевский ни на минуту не забывает, для чего и с какой целью она написана. Прославляя деяния Николая I, воспеывая добродетели императрицы, писатель прямо говорит, что хочет «прошение вымолить кровавою слезой». При этом эпитет «кровавый» здесь имеет явно двусмысленное значение. Конечно, его можно рассматривать как выражение высшей преданности, чуть ли не подобоострастия (тем более, что сам Достоевский перед этим говорит, что хочет вымолить прощения «в прах повергнувшись» перед императрицей). Но, по нашему убеждению, писатель здесь очень прозрачно намекает на то, с какой душевной болью, с каким страданием он решился на этот шаг. Только желание получить свободу, только страстное желание поскорее вернуться в литературу заставило Достоевского написать такое стихотворение.

Истинные мысли и чувства Достоевского, на наш взгляд, выражены в пятой строфе оды. Обращаясь к императрице, писатель говорит:

Но, думал, подожду, теперь напомнить рано,
Еще в груди ее болит и ноет рана...
Безумец! Иль утрат я в жизни не терпел?
Ужели сей тоске есть срок и дан предел?
О! Тяжело терять, чем жил, что было мило,
На прошлое смотреть, как будто на могилу,
От сердца сердце с кровью оторвать,
Безвыходной мечтой тоску свою питать,

За всей этой многословной тирадой можно увидеть только соболезнование вдове в постигшем ее несчастье. Но тогда возникает вопрос, что имел в виду Достоевский, когда писал о себе: «Иль утрат я в жизни не терпел?».

Здесь идет речь не о чем ином, как о прежних убеждениях писателя, во многом пересмотренных за пять с лишним лет каторги и солдатчины. Именно их ему «тяжело терять», именно они «были мило» его сердцу, именно их приходилось как «от сердца сердце с кровью оторвать».

Поэтому стихотворение «На 1 июля 1855 года» нельзя рассматривать, как произведение, где выражены только верноподданнические чувства. Здесь, несомненно, нашли отражение некоторые подлинные настроения писателя, его еще до конца не определенные позиции в это время, и, наконец, глубокое уважение к своему прошлому.

Успех стихотворения «На 1 июля 1855 года» открыл Достоевского, и он решается предпринять новый шаг для получения очередной «милости», толкнула его на мысль, подобно другим литераторам, Коронация нового императора Александра II, которая должна была состояться летом 1856 года, натолкнула его на мысль, подобно другим литераторам, обратиться к царю со стихотворным посланием. При этом Достоевский надеялся не только получить очередную «милость» — офицерский чин, но и позволения печататься.

Новое произведение писателя было благосклонно встречено в Петербурге, и хотя разрешения на его печатание не было получено, тем не менее вскоре последовало «высочайшее позволение унтер-офицера Достоевского произвести в прапорщики». Получение первого офицерского чина как будто бы свидетельствовало о полном прощении писателя. Но это было не совсем так. Самого главного, чего так упорно добивался писатель, — права печататься — ему предоставлено не было.

Подводя итоги, можно сказать, что стихотворения, созданные Достоевским в период семипалатинской ссылки, писались, несомненно, с целью исходатайствовать себе прощение и получить возможность вернуться в литературу, что в них отразились настроения наиболее консервативной части русского общества, проповедовавшей идеи великодержавности, христианства, национализма и т. п.

Итак, сосланный царским правительством на каторжные работы, а затем переведенный на службу рядовым в 7-й Сибирский батальон, Достоевский ни на минуту не оставлял мысли о том, что он рано или поздно вернется в литературу.

Жить для Достоевского значило писать, творить. Он не представлял себе жизни вне литературы и делал все, чтобы получить прощение и иметь возможность печататься. С этой целью он и пишет пресловутые «патриотические стихи». Цель была достигнута. Он получил прощение, и хотя официального разрешения печататься еще не последовало, Достоевский, начиная с 1856 года, начинает интенсивно работать над художественными произведениями.

В рассматриваемый период времени продолжается напряженная внутренняя работа писателя по пересмотру прежних убеждений и верований. Однако этот процесс еще не был завершен, хотя многие мысли, возникшие у Достоевского на каторге и в ссылке, легли в основу его будущего реакционного мировоззрения, окончательно оформившегося в начале 60-х годов.

К 1857 году писатель завершает подготовку к возвращению в литературу. С этого времени начинается самый важный и ответственный этап сибирского периода творчества Достоевского, который завершился опубликованием повестей «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели».

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 529.

Хроника наших дней

(Окончание. Начало см. на стр. 73)

Энергетики перевыполнили полугодовой план выработки электрической и тепловой энергии, сэкономив при этом полторы тысячи тонн топлива и свыше 600 тысяч рублей.

Весь коллектив станции вступил в соревнование за право называться коллективом коммунистического труда.

☆☆☆

16 июля в Кемерове состоялось собрание областного партийного актива, обсудившего итоги июньского Пленума ЦК КПСС и задачи областной партийной организации.

С докладом выступил кандидат в члены ЦК КПСС первый секретарь Кемеровского обкома КПСС т. Пилипец С. М.

Собрание партактива единодушно одобрило решения июньского Пленума ЦК КПСС и приняло развернутое постановление, направленное на дальнейший технический прогресс и совершенствование производства во всех отраслях промышленности индустриального Кузбасса, на безусловное выполнение социалистических обязательств, принятых трудящимися на 1959 год.

☆☆☆

Коллектив шахты «Бунгурские штольни» — один из передовых в тресте «Куйбышевуголь». Выдав в первом полугодии свыше 8 тысяч тонн сверхпланового топлива, он почти выполнил свои годовые обязательства.

Обсуждая решения июньского Пленума ЦК КПСС, шахтеры пришли к выводу, что более полное использование имеющихся внутренних возможностей (установка сортировки и выпуск грохоченого угля, снижение зольности угля, повторное использование леса, внедрение механизации и автоматизации) позволит резко поднять экономику предприятия.

Составив подробные мероприятия, коллектив шахты принял решение: начиная со второго полугодия 1959 года, отказаться от государственной дотации, работать рентабельно, что позволит ему до конца года высвободить для других целей более одного миллиона рублей государственных средств.

КОРОТКО О КНИГАХ

„Юность комсомольская“

Сборник «Юность комсомольская» включает в себя документы, рассказы и очерки, посвященные славной истории комсомола Кузбасса.

В книге рассказывается о том, как создавались и работали первые комсомольские организации в Анжерке, Судженке, Мариинске, Кузнецке, о том, как молодежь строила Кузнецкий комбинат, как боролась за счастье Родины на фронтах Великой Отечественной войны, как трудится она в мирные дни.

С большим интересом познакомится читатель с воспоминаниями комсомольцев 20-х годов: Черданцева, Кугиторова, Бабушкина. Он увидит здесь портреты молодых воинов Отечественной войны: дважды Героя Советского Союза Афанасия Шилина, Александра Шокурса — теперь подполковника авиации, бывшей медсестры Лели Федориной и многих других. Нельзя без волнения читать о подвиге нашей землячки Зины Тусноловой, вынесшей с поля боя 128 раненых, о павших в бою Геннадии Красильникове и Вере Волошиной.

Немало в Кузбассе и молодых героев труда. Это комсомольцы шахтерского города Ленинска-Кузнецкого открыли «подземные клады» и извлекли из завалов на 24 миллиона рублей различного горного оборудования; это молодежный коллектив мартеновской печи № 7 Кузнецкого комбината выдал сверх плана 7600 тонн металла; это строители дороги Сталинск—Абакан преодолели стихию; это юные покорители целины выращивают

хлеб на неоглядных степных просторах. Им посвящены очерки Волкова, Щербаклова, Титова, Спириной.

Большой и славный путь побед и роста прошел кузбасский комсомол. Свято хранит нынешнее поколение традиции первых комсомольцев. Эти традиции мы видим в самоотверженных делах молодых ударников коммунистического труда, передовиков семилетки. Много новых черт в облике современной молодежи. Но с первыми комсомольцами роднит ее горячее сердце, беззаветная любовь к Родине. И хочется повторить строки из стихотворения, заключающего сборник:

Иная ты сегодня, молодежь,
Иная ты,
И все ж во многом та же!

Сказки и легенды Горной Шории

Красив, живописен Южный Кузбасс. Здесь стеной стоят густые леса, причудливой грядой тянутся горные хребты, текут бурливые реки. В этой части Кемеровской области расположена Горная Шория. Когда-то основное ее население — шорцы — было угнетаемым народом. От окончательной гибели, болезней и вымирания шорский народ спасла Советская власть. Вскоре Горная Шория органически вошла в Кемеровскую область, как район бурно растущей промышленности. Шорцы — сейчас активные строители новой жизни. В их среде мы видим шахтеров, металлургов, врачей, инженеров, писателей.

Один из шорских писателей, Софрон Тотыш, собрал легенды и сказки своего народа и литературно их обработал. Шорский

«Юность комсомольская». Кемеровское книжное издательство, 1958 г.

Софрон Тотыш. Сказки Шапка. Кемеровское книжное издательство, 1959 г.

фольклор являет нам богатство яркого, образного языка этого народа, своеобразие национальных его особенностей. Сказки, представленные в сборнике, отражают свободолобивый дух народа горной страны, его любовь к родной природе, его высокие общечеловеческие, моральные идеалы. В своем творчестве шорцы воспевают любовь к труду, высмеивают жадность, лень, зазнайство, трусость. А такая сказка, как «Могучий Муштакай», поднимается до уровня героического народного эпоса.

Удивительно оптимистична и глубока по содержанию сказка «У большой ели». Охотник, заночевавший в тайге, подслушивает разговор двух елей. Они вспоминают о том времени, когда многие горные вершины были голы и бесплодны. Но вот деревья двинулись вверх, поднимаясь все выше и выше. Многие из них не «дошли» до конца пути. Но даже умирали они так, что помогали расти и укрепляться другим деревьям. За деревьями потянулись на гору цветы, звери, птицы. Еще больше ожила и зацвела гора, когда поднялся на нее человек.

«Жизнь не должна проходить впустую. Надо всегда стремиться вперед, надо добираться до самой вершины и вести за собой остальных к солнцу, к счастью» — таков философский смысл сказки. Подобных жемчужин народной мудрости в книжке не мало.

Изучающим родной край

«Познавайте свою страну, свой край, свой колхоз, свою горушку или речонку. Не бойтесь, что мала эта горушка или река, ведь из малого вырастает большое. В вашей любви к местному краю и Родине вы найдете силы и те орудия, которые помогут овладеть тайнами наших недр», — этими словами академика А. Е. Ферсмана открывается книга В. Лиференко «Юным туристам».

Но туризм — не только средство отличного отдыха. Это один из методов познания род-

ного края. Сколько интересных открытий может случиться в пути! Стремление познать и открывать свойственно нашей молодежи. Но не все путешественники знают, как лучше подготовиться к походу.

Здесь большую пользу сослужит им выпущенная Кемеровским книжным издательством книга преподавателя геологии Владимира Григорьевича Лиференко.

Читатель найдет в ней полезные сведения о минералах и горных породах, о простейших способах их определения, о том, какое применение находят они в народном хозяйстве.

В походе придется пользоваться картой, компасом, преодолевать реки, горные перевалы, расставлять палатки, готовить пищу, в любую погоду разводить костер. И здесь нужны определенные знания. Усвоить их поможет раздел «Практические советы туристам».

Библиотека сибирского романа

В продаже появились первые три тома подписного издания — «Библиотека сибирского романа».

Это, несомненно, большое событие в литературной жизни не только Сибири. В библиотеке собраны выдающиеся произведения писателей-сибиряков, занявших видное место в истории русской и советской литературы.

Библиотека открывается романом Е. Пермитина «Горные орлы». Это произведение, по словам самого писателя, является трудом всей его жизни. Первые главы романа появились 28 лет назад, и лишь в 1951 году он был завершен и напечатан полностью.

«В эпопее «Горные орлы», — пишет в предисловии к книге А. Коптелов, — автор с высокой исторической достоверностью отобразил путь русского крестьянства к новой жизни, судьбы людей деревенского труда, напряженную борьбу за прекрасные идеалы, вдохновляющие на подвиги во имя народного счастья».

Во втором томе помещена «Поэма о фарфоровой чашке» Ис-

Патриотический почин горняков «Бунгурских штолен» нашел широкую поддержку на шахтах Кузбасса.

☆☆☆

16 июля на площадке строительства Западно-Сибирского металлургического завода вышел первый номер многотиражной газеты «Металлургстрой». Это двенадцатая многотиражка в Сталинске.

☆☆☆

19 июля поставлена на сушку новая коксовая батарея Кузнецкого металлургического комбината. При ее сооружении строители треста «Сталинскипромстрой», монтажники управления «Коксохиммонтаж» вынули сотни тысяч кубометров грунта, уложили свыше 20 тысяч кубов бетона и железобетона, собрали почти 4 тысячи тонн арматуры и 12 тысяч квадратных метров опалубочных щитов. За короткий срок смонтировано 5 тысяч тонн металлоконструкций, уложено 18 тысяч тонн высококачественных огнеупоров, проложено 9 километров железнодорожных путей, 5 километров подземных коммуникаций, 20 километров электрокабелей.

Зажечь первые горелки строители доверили лучшей бетоннице А. С. Ананковой и председателю совнархоза А. Н. Задемидко.

☆☆☆

19 июля — День металлургов. Хорошими трудовыми подарками встретили его металлурги Кузбасса. План первого полугодия предприятными управления черной и цветной металлургии совнархоза выполнен на 102,1 процента. Родина получила дополнительно к заданию тысячи тонн чугуна, стали, проката, руды, много алюминия, цинка ферросплавов. Перекрыт план роста производительности труда. Получено более 7 миллионов рублей экономии от снижения себестоимости продукции.

Особенно ритмично и высокопроизводительно работал коллектив Кузнецкого комбината, который взял на себя высокое обязательство выполнить семилетний план по уровню выплавки чугуна на год, а по стали и производству проката — на полтора года раньше срока.

☆☆☆

Опубликовано сообщение облстатуправления об итогах выпол-

В. Г. Лиференко. Юным туристам. Кемеровское книжное издательство, 1959 г.

нения государственного плана развития народного хозяйства Кемеровской области за первое полугодие 1959 года.

Задание полугодия по производству валовой продукции как в целом по области, так и по промышленности совнархоза выполнено на 102 процента, по промышленности местных Советов — на 99,4 процента. Рост против первой половины прошлого года соответственно составил 6,7, 6,1, и 7,3 процента.

Народное хозяйство страны получило из Кузбасса сверх плана много черного металла, кокса, угля, железной руды, алюминия, цинка, минеральных удобрений, стекла, шифера, муки, крупы, молока, колбасных изделий.

Работники сельского хозяйства успешно провели сев и вырастили богатый урожай зерновых, овощей и картофеля. В колхозах и совхозах выросло поголовье скота, увеличились надой молока и производство мяса.

Объем капиталовложений по области увеличился против соответствующего периода прошлого года на 13 процентов. Построена 291 тысяча квадратных метров жилой площади.

Намного возрос товарооборот в области, увеличилось число киноустановок, продолжалось расширение сети школ, детских садов, лечебных учреждений.

☆☆☆

Группа шахтеров Венгерской Народной Республики во главе с секретарем центрального комитета профсоюза венгерских горняков Шимоном была в гостях у шахтеров Кузбасса.

В Прокопьевске венгры ознакомились с ведением горных работ на шахте им. Сталина. Здесь же они изучили работу шахткома. Затем гости побывали в Зенковском санатории, парке культуры, Дворце спорта.

В Ленинске-Кузнецком венгерские горняки внимательно ознакомились с работой гидрошахты «Полысаевская-Северная». Гости высоко отозвались о достижениях сибирских шахтеров.

☆☆☆

Кузбасс — не только край тяжелой индустрии, но и высокоразвитого сельского хозяйства. По интенсивности использования земель он занимает ведущее место в Сибири. В нынешнем году колхозы и совхозы области довели

Гольдберга. Влюбленный в родную Сибирь, в ее людей, в ее будущее, автор «Поэмы» создал одно из лучших произведений советской литературы о первых победных шагах социализма в нашей стране. Люди старшего поколения, читая эту книгу, как бы вновь встретятся со своей кипучей, полной дерзания юностью; современная молодежь лучше поймет и оценит героический подвиг отцов.

«Поэма о фарфоровой чашке» — произведение глубоко реалистичное. Оно рисует нам правдивые картины сложной борьбы с врагами социализма, роста социалистической сознательности народа, утверждения новой морали.

Широким массам читателей вряд ли известны произведения А. И. Кущевского, жившего в 70-х годах прошлого столетия. В «Библиотеке сибирского романа» печатается его наиболее значительное произведение: «Николай Негорев».

В свое время Салтыков-Шчедрин и Некрасов дали роману писателя-сибиряка высокую оценку и открыли им первый номер журнала «Отечественные записки» за 1871 год. Это было признанием таланта молодого писателя.

Кущевский в своем романе страстно и резко критикует до-

рянский либерализм. Его симпатии целиком на стороне пробуждающихся прогрессивных сил в лице революционно-демократической молодежи. Герои романа А. Кущевского как бы впитали в себя сложный в своих противоречиях и конфликтах дух времени.

Следует отметить хорошо продуманное любовное оформление «Библиотеки сибирского романа». В каждом томе — художественно исполненные портреты писателей, краткие критико-библиографические статьи, дающие обзор жизни и творчества писателя.

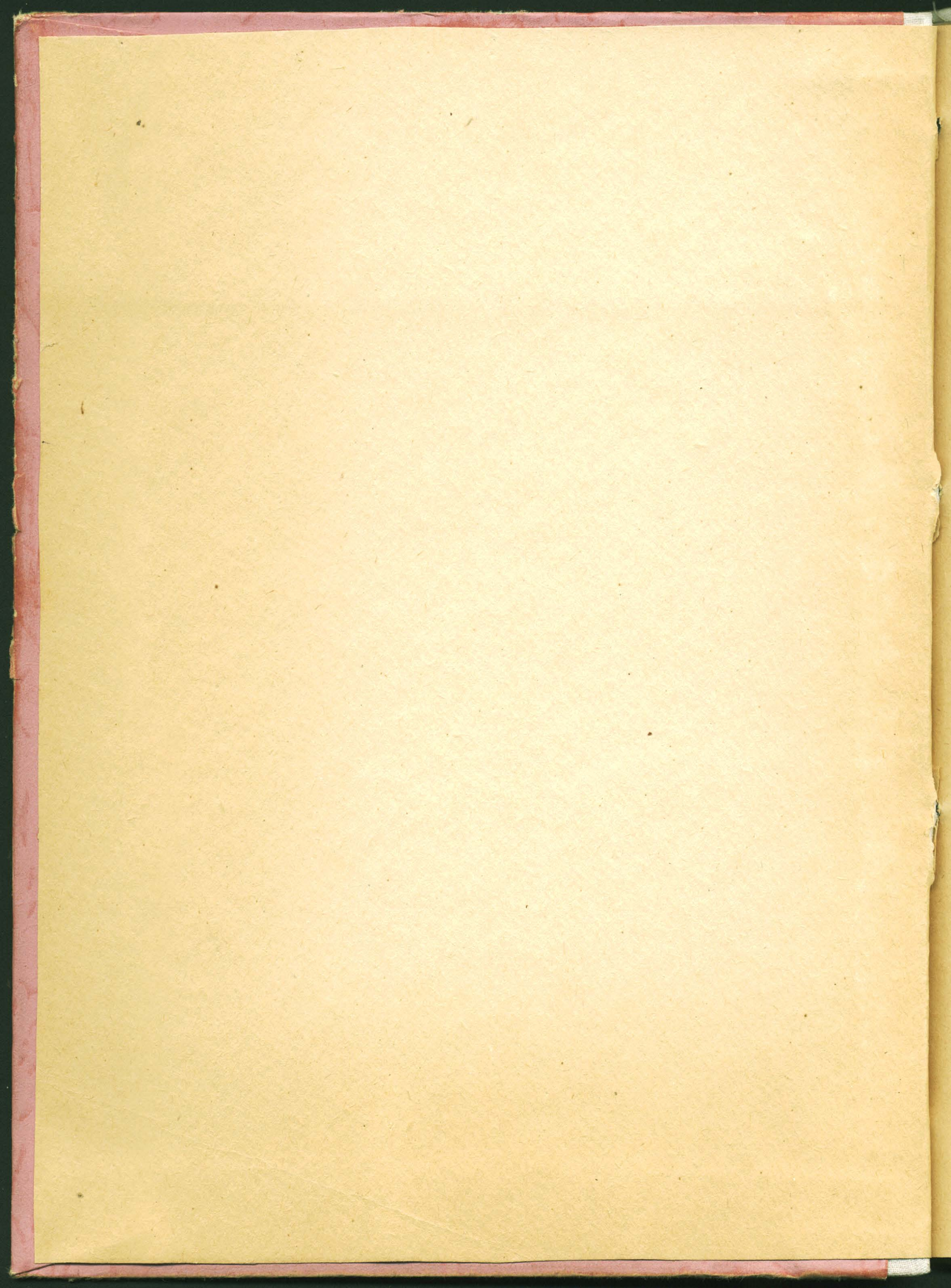
Редактирует издание группа сибирских писателей и литературоведов: А. Высоцкий, А. Коптелов, С. Кожевников, А. Никульков, С. Омбыш-Кузнецов и Н. Яновский.

В очередных выпусках «Библиотеки» будут напечатаны романы В. Зазубрина — «Два мира», В. Шишкова — «Угрюм-река» К. Седых — «Даурия», А. Коптелова — «Великое кочевье», роман писателя-кузбассовца А. Волошина «Земля Кузнецкая» и другие.

Хороший подарок читателям-сибирякам сделало Новосибирское книжное издательство. Красочные томики с маркой «БСР» с одобрением встречены всеми книголюбями.

Р. ФЕДОРОВА.

0-50к.